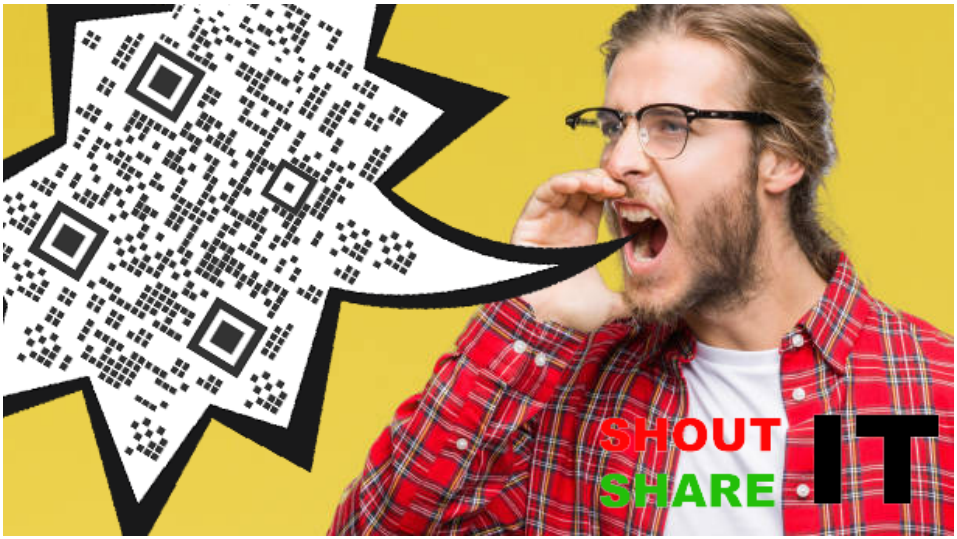
Мих. Ильин

Воспоминания и необыкновенные путешествия

Захара Загадкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература"


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В апреле 1958 года по московскому радио в первый раз прозвучали голоса Захара Загадкина и его друга корабельного кока. С тех пор, 18 лет два раза в месяц, юные любители географии спешили к радиоприемникам на встречу с любимыми героями. Сначала Захар рассказывал о своих приключениях на всех материках и океанах Земли, а в 1960 году началось "Путешествие по любимой Родине. Славный путь предстоял Захару Загадкину и на книжных страницах. В 1959 году в издательстве "Детская литература" вышли "Воспоминания юнги Захара Загадкина", а в 1963 "Необыкновенные путешествия или удивительные, но совершенно правдивые географические приключения Захара Загадкина на 1/6 земной суши, рассказанные им самим и дополненые примечаниями будущего ученого Фомы Отгадкина". В 1965 году обе книги были изданы вместе под названием "Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара Загадкина".

Историко-географический колорит книги не искажен, отражено восприятие мира молодым поколением тех лет. Занимательные рассказы и загадки по географии мира и Советского Союза. Полное издание 1965 года с классическими иллюстрациями А.Иткина.

-
- ○ Завтра снова будет сегодня
  ○ Уругвайское солнце
  ○ В небе Индонезии
  ○ Там, где часовая стрелка никогда не врёт...
  ○ За пятнадцать минут из одной части света в другую
  ○ Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку
- ○ Удивительная река
  ○ Два или двенадцать?
  ○ Пучок стрелок
  ○ Почему я не стал владельцем попугая Жако
  ○ Таинственный механизм
  ○ Чудеса в решете
  ○ Никудышные строители
  ○ О чём молчат карты морей и океанов
- ○ Путешествие во времени
  ○ „Кто ищет, тот всегда найдёт!"
  ○ Пожар на маяке
  ○ Как мы сварили обед без огня

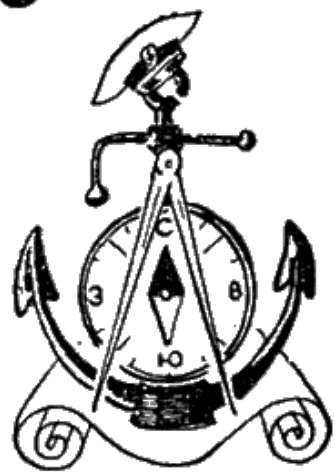
- Дальневосточные истопники
- Гудок над бухтой
- Я решаю судьбу моря
- Море, в котором нельзя утонуть
- Пресная или солёная?
- Странное плавание
- Путешествующая деревня
- Дон Иванович
- Медная пластинка
- О моей тётке и её карасях
- Река, текущая туда и сюда
- Остров Захара Загадкина
- Салют в Баренцевом море
- Подслушанный разговор
- Коварный кок
- Необыкновенная Европа
- Необыкновенная Азия
- Холодная Африка
- Америка в... Азии
- Беседа морских волков
- Вторая беседа морских волков
- Переполох на экзамене

- Пояснения
  - Завтра снова будет сегодня
  - Уругвайское солнце
  - В небе Индонезии
  - Там, где часовая стрелка никогда не врёт
  - За пятнадцать минут из одной части света в другую
  - Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку
  - Удивительная река
  - Два или двенадцать?
  - Пучок стрелок
  - Почему я не стал владельцем попугая Жако
  - Таинственный механизм
  - Чудеса в решете
  - Никудышные строители
  - О чём молчат карты морей и океанов
  - Путешествие во времени
  - „Кто ищет, тот всегда найдёт!"
  - Пожар на маяке
  - Как мы сварили обед без огня
  - Дальневосточные истопники
  - Гудок над бухтой
  - Я решаю судьбу моря

- Море, в котором нельзя утонуть
- Пресная или солёная?
- Странное плавание
- Путешествующая деревня
- Дон Иванович
- Река, текущая туда и сюда
- Остров Захара Загадкина
- Салют в Баренцевом море
- Подслушанный разговор
- Коварный кок
- Необыкновенная Европа
- Необыкновенная Азия
- Холодная Африка
- Америка в... Азии
- Беседа морских волков
- Вторая беседа морских волков
- Переполох на экзамене

Мих. Ильин

Воспоминания и необыкновенные путешествия Захара Загадкина



издательство
Детская литература
москва · 1969

Воспоминания юнги Захара Загадкина

Воспоминания юнги Захара Загадкина

Рисунки А.Иткина

Разрешите представиться: бывший юнга Захар Загадкин.

Может быть, слышали мой голос по радио, или даже видели портрет, на котором художник изобразил меня в тельняшке и с вечным пером за ухом? Так вот, я тот самый Захар Загадкин и очень рад знакомству с вами.

— Одумайся, Захар, не смеши народ, — сказал мой друг корабельный кок, когда узнал, что я пишу свои воспоминания. — Кто ты такой, чтобы делиться воспоминаниями? Разве ты знаменитый путешественник или великий мореплаватель? Какие неизвестные земли ты открыл, по каким неведомым водам плавал? О чём будешь ты рассказывать людям?.. Смешно, юнга, смешно...

— Хе-хе-хе, — проскрипел серый попугай Жако, который слышал эти слова и, по свойственной ему привычке, не замедлил поддакнуть своему хозяину — коку.

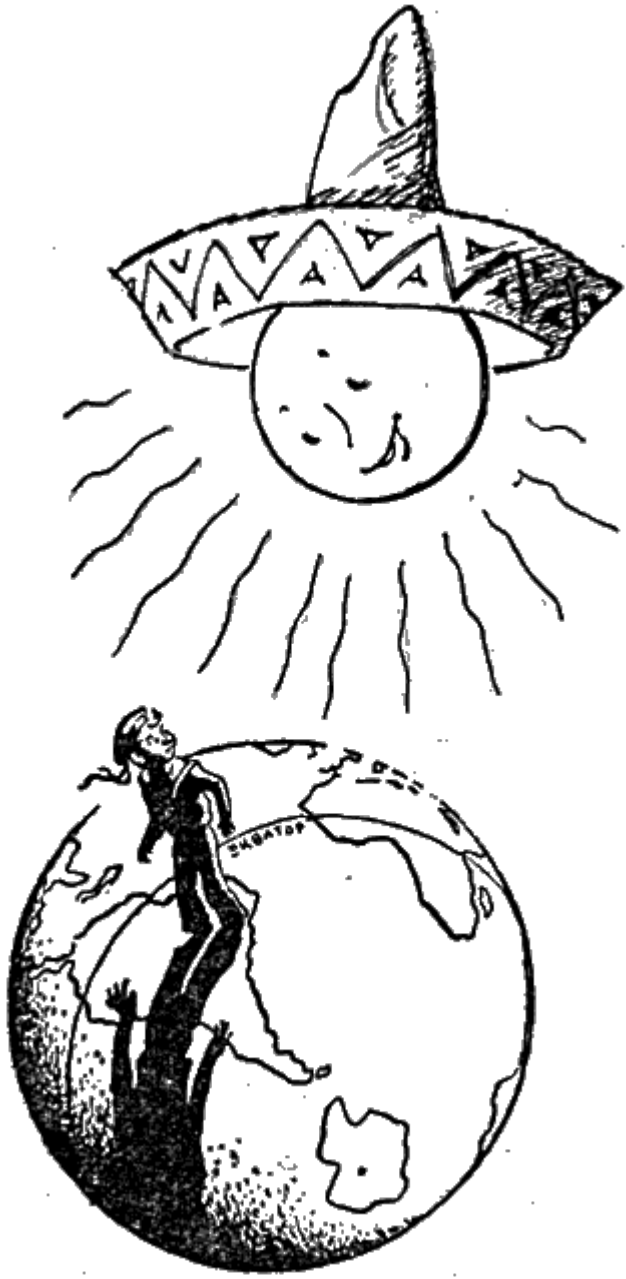
Спору нет, неизвестных земель я не открывал, в неведомых водах не был. Выходит, корабельный кок и его попугай Жако правы, а Захару Загадкину нечем поделиться с читателями? Нет, кок и его удивительная птица заблуждаются. Я несколько лет плавал юнгой на одном из кораблей нашего торгового флота и за эти годы успел побывать на всех материках и многих островах земного шара, повидать холодные и теплые моря, подышать воздухом обоих полушарий. Характер у меня беспокойный, всегда и везде я стараюсь посмотреть примечательное, узнать новое, а потому испытал немало различных приключений.

Конечно, я не знаменитый путешественник, я моряк, но моряк, как говорится, бывалый, а у каждого бывалого человека есть что вспомнить, о чём рассказать. И я подумал, что мои воспоминания будут интересны тем, кто, подобно мне, увлекается географией — самой замечательной из всех наук. А корабельный кок просто не хочет, чтобы узнали его тайну: ведь он так часто посмеивался над новичком-юнгой, а потом был этим юнгой посрамлен! И я не послушался совета кока, не обратил внимания на хихиканье его попугая.

Воспоминания Захара Загадкина перед вами. Надеюсь, что, читая их, вы не затратите время напрасно. Если что-либо покажется неясным, загляните на страницы 115-154: там напечатаны пояснения.

Кому понравится моя книга, тот может прочитать и ее продолжение — «Необыкновенные путешествия Захара Загадкина». Сделать это проще простого: вы найдете продолжение «Воспоминаний» на стр. 155.

З а х а р З а г а д к и н


ЭКВАТОР

Завтра снова будет сегодня

У меня есть правило, которого я придерживаюсь неукоснительно: не откладывать на завтра то, что нужно сделать сегодня. Если правило почему-либо нарушено, я налагаю на себя взыскание — прошу корабельного кока не давать мне сладкого на обед. Кок посмеивается, но сладкого не дает. «Терпи, Захар, — говорит он в таких случаях, — адмиралом будешь».

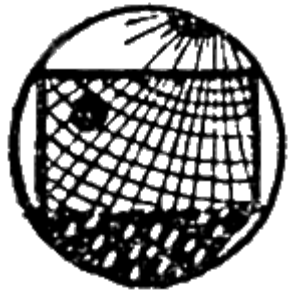
Однажды мы шли из Владивостока в Сан-Франциско. В то плавание я усердно занимался английским языком и ежедневно запоминал по дюжине новых слов. Но выпал такой день, когда я увлекся «Всадником без головы» и забыл выучить положенные двенадцать слов. Спохватился только к ночи, и не оставалось ничего другого, как пойти к коку и заявить, что на завтра я лишаю себя послеобеденного сладкого.

— Не огорчайся, Захар, — сказал кок, узнав, в чем дело. — Ты юнга старательный, и я попрошу товарищей уважить тебя. Завтра в виде исключения мы не сорвем листок с календаря. Нынешний день постараемся растянуть на два дня: завтра снова будет сегодня, и ты успеешь выучить свои слова...

Конечно, я не поверил коку. Разве можно продлить день? Ведь, если не сорвать листок с календаря, мы отстанем от жизни на целые сутки!

Но случилось именно так, как обещал кок. Утром листок с календаря сорван не был, и вчерашний день продолжался ещё двадцать четыре часа. Я выучил свои английские слова и получил сладкое после обеда.

Уругвайское солнце



В моем альбоме есть почтовая марка южноамериканского государства Уругвай. На ней изображены косые лучи солнца, ярко озаряющие футбольные ворота и большой кожаный мяч на перекладине ворот. Каждый раз, когда я гляжу на марку, мне трудно удержаться от смеха. И вот почему.

Было начало апреля, в воздухе чувствовалось приближение осени, когда наше судно бросило якорь в порту Монтевидео — столице Уругвая. Я впервые попал в те места и едва дождался минуты, когда получил разрешение сойти на берег: хотелось посмотреть город, а если посчастливится, то и игру знаменитых уругвайских футболистов.

Вместе с нашим корабельным доктором я долго гулял по улицам Монтевидео, а затем мы отправились к стадиону. До начала матча оставалось часа полтора, и доктор предложил провести это время в кафе.

Денёк был прохладный, дул свежий ветер. Сообразив, что в такую погоду неплохо посидеть на солнышке, я выбрал место за столиком, на которое не падала тень от полотняного навеса, прикрывавшего кафе. Увы, мне не повезло: ещё не подали кофе, а тень от навеса уже вплотную надвинулась на меня.

Вы, наверное, не раз наблюдали, что солнце ходит по небу в ту же сторону, в какую движутся стрелки часов. Я взглянул на небо, затем на навес и перебрался на другое местечко, откуда, по моему расчету, тень только что ушла. Но не успел сделать и трёх глотков кофе, как тень снова накрыла меня. «Что за чертовщина!» — подумал я и в третий раз переменил место за столиком. Но тень неумолимо преследовала меня.

— Почему ты скачешь, словно блоха? — спросил доктор.

— Да вот, с солнцем что-то случилось, — пробормотал я, — никак не могу спрятаться от тени... Она должна идти в ту сторону, а идёт в противоположную...

Доктор посмотрел на меня и расхохотался:

— Эх, Захар, темный ты человек! А ещё собираешься стать капитаном...

Спустя полчаса мы расплатились за кофе и пошли на стадион. Игра была интересной, необычно был устроен и сам стадион. Высокая изгородь из колючей проволоки и наполненный водой широкий ров ограждали футбольное поле от трибун, где гикали, свистели, вскакивали с мест, устремляясь к проходам, палили в воздух из пистолетов страстные уругвайские болельщики. Однако мне трудно было следить за происходящим на поле и на трибунах — я продолжал думать о странном поведении солнца.

Только вернувшись на судно, я понял, почему хохотал мой спутник, и сам не мог удержаться от смеха. С тех пор, когда я смотрю на марку с футбольными воротами, озаренными лучами уругвайского солнца, я неизменно вспоминаю тень в кафе, и меня одолевает смех.

В небе Индонезии

Прошло несколько месяцев после моего знакомства с солнцем Уругвая. Юнга Загадкин уже не был темным человеком, как тогда его назвал корабельный доктор. Я неплохо изучил повадки солнца и потому не думал, что оно может сыграть со мной ещё одну шутку. А оно возьми да сыграй!

Конец декабря застал нас на пути из Суэцкого канала в Индонезию. Мы направлялись к столице этой страны — приморскому городу Джакарта. Команда собиралась встретить Новый год, и ради такого случая в корабельном холодильнике хранилась ёлочка — дорогая каждому память о родине.

А до Нового года предстояло отпраздновать ещё одно веселое событие — переход экватора. Мне уже доводилось пересекать границу между Северным и Южным полушариями, но на судне были люди, впервые попавшие к этому примечательному географическому рубежу. У экватора их ждало свидание с «морским богом» Нептуном и неизбежное принудительное купание. Все мы с удовольствием готовились к этой забавной церемонии.

И вот торжественная минута наступила. Проревел пароходный гудок, и судовая команда во главе с капитаном выстроилась на баке. Послышалась нестройная, трескучая «музыка» — это выскочившие на палубу полуголые «морские черти», в которых нетрудно было узнать вымазанных сажей матросов, застучали трещотками, забили в кастрюли, сковороды, тазы. Под оглушительные звуки появился владыка океана — Нептун. На нём была шутовская корона, вырезанная из жести и увенчанная бубенцами, в руке он держал трезубец-вилы; густая зеленая борода из пакли ниспадала к босым ногам. Капитан отдал морскому владыке почтительный рапорт, доложил о новичках, явившихся на поклон. Новички по очереди подходили к Нептуну, отвечали на его каверзные вопросы. Затем их кидали в большой чан с водой, а один из «чертей» вручал шуточный

диплом — свидетельство о переходе экватора.

Было много шума и смеха, особенно когда в чан начали окунать тех, кто уже переходил экватор. Не избежал этой участи и я.

Весёлая церемония кончилась. Мы занялись уборкой. Швабры лихо скребли палубу, вода струями лилась по дощатому настилу, когда, ненароком взглянув на небо, я увидел такое, что заставило меня вскрикнуть: солнце по-прежнему светило с юга, хотя после пересечения нами экватора должно было светить с севера!

Я помнил происшествие с тенью в Уругвае и глубоко задумался. Что случилось? Солнце ведет себя так, словно его не касается столь важное событие, как переход экватора нашим судном... Возможно ли это? Ведь даже самое почтенное и уважаемое небесное светило обязано считаться с законами природы...

Солнце не может ошибаться. Следовательно, судя по его положению в небе, ошиблись мы и экватор ещё не перейден?

Вам, конечно, известно, что экватор — граница условная. Она показана черной линией на всех картах и глобусах, но глазами ее не увидишь ни на суше, ни в океане. Ставить на воде опознавательные пограничные знаки, какие-нибудь бакены или буи на якорных цепях обошлось бы дорого, а постоянно следить, чтобы ветры и морские течения не сорвали их с якорей, было бы неимоверно хлопотно. Да и кому нужны такие пограничные знаки? На кораблях есть превосходные приборы, позволяющие точно определить местонахождение судна — точку на скрещении линий широты и долготы.

Неужели подвели приборы и местонахождение корабля вычислено неправильно? Но тогда грозят серьезные неприятности — мы рискуем наскочить на мель или на риф, можем пройти мимо порта назначения.

Надо было предупредить капитана. К счастью, сделать это не удалось.

Почему к счастью? Забегая вперед, скажу, что юнга Загадкин стал бы тогда посмешищем для всей команды. Но мне повезло: на пути попался доктор, с которым я поделился своими догадками.

— Всё в порядке, дорогой, — утешил меня доктор. — Экватор перейдён, ничего страшного не случилось и с солнцем. А ты по-прежнему тёмный человек. Конечно, не такой, каким был в Уругвае, но всё же темноватый. Иди заканчивай уборку палубы. Нехорошо, когда товарищи трудятся, а ты с работы убежал...

В немногих словах доктор разъяснил мне поведение солнца. Оно поступало правильно, продолжая светить нам с юга, а не с севера.

Спустя несколько дней, уже в Джакарте, мы встретили Новый год. Пошла первая неделя января, мы находились в Индонезии, далеко за экватором, а солнце и тут вело себя так же, как в Северном полушарии, — двигалось по южной стороне неба! И, что всего удивительней, его поведение оставалось совершенно законным!

Там, где часовая стрелка никогда не врёт...

Однажды мои часы упали на палубу и хотя не разбились, но начали упорно отставать. Как ни подводил стрелки, я все равно опаздывал к завтраку, обеду, ужину. Коку надоело кормить меня отдельно от всей команды, и он вызвался выверить мои часы, что вскоре успешно сделал. Возвращая часы, он спросил:

— Известно ли тебе, Захар, что на земле есть такая точка, где часовая стрелка может показывать любое время суток и никто не вправе заявить, что она врет? Часовых дел мастера умерли бы там от голода, если бы не поспешили переменить профессию. В этой точке вчерашний день можно считать нынешним или нынешний — завтрашним. Кто-нибудь, например, скажет, что сегодня пятница, другой возразит: нет, суббота! И как ни странно, оба будут правы. Солнце восходит и заходит там лишь раз в году, а день и ночь длятся по многу месяцев. Куда ни посмотришь по сторонам этой точки, всюду увидишь... одну и ту же сторону горизонта. Знаешь ли ты, где находится эта удивительная точка?

— Нет, — ответил я.

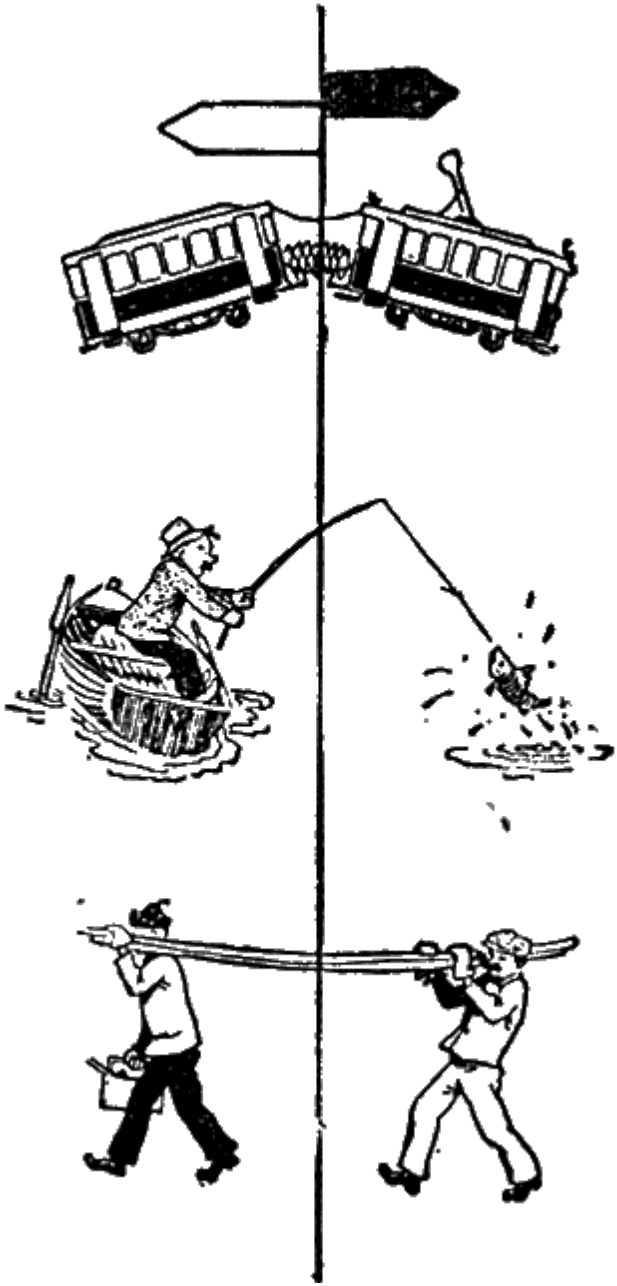
— Прискорбно, юнга, весьма прискорбно, — огорчился кок. — Тем более, что таких точек на земле не одна, а две. Правда, на нашем судне ни к одной из них не попадёшь, но мореплавателю, особенно такому любителю географии, как ты, все же необходимо знать их точный адрес. Поди спроси у сведущих людей...

За пятнадцать минут из одной части света в другую

Наш корабль стоял в одном из больших портов Европы.

Неожиданно капитан вручил мне пакет, приказал сесть на катер и сдать пакет человеку, живущему в... другой части света. Я выполнил приказ и спустя полчаса вернулся на судно.

О необыкновенном поручении я написал своему старшему брату, сталевару. Вскоре он ответил, что ничего необыкновенного в исполненном мною поручении не находит, потому что сам каждое утро переезжает из одной части света в другую, а каждый вечер возвращается обратно.



По словам брата, он так привык к этим постоянным переездам, что их даже не замечает.

Как вы думаете, где живет мой брат сталевар и в каком порту мне довелось выполнить необыкновенное поручение?

Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку

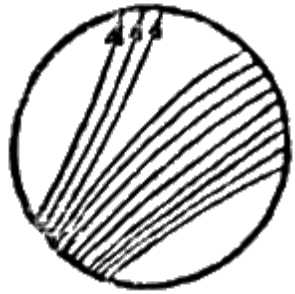
— Что тебе известно, Захар, об упрямце Керабане? — как-то на досуге спросил меня корабельный кок — любитель географических историй и всяческих забавных происшествий, связанных с географией. Историю Керабана трудно забыть тому, кто хотя бы однажды читал о ней. И я выложил коку все, что знал о чудаке турке, совершившем самое нелепое по своей цели путешествие. Этот богатый человек торговал табаком в городе Стамбуле, на европейском берегу Босфора, а жил в городе Ускюдаре, расположенном на азиатском берегу пролива, как раз напротив Стамбула. Из простого упрямства Керабан отказался уплатить грошовый сбор за переправу и, вместо того чтобы быстро вернуться домой на лодке, предпочел отправиться в длительную поездку на лошадях вокруг всего побережья Черного моря! Наверное, и вы помните эту историю, занимательно рассказанную писателем Жюлем Верном.

— Молодец, юнга! — похвалил меня кок. — А слыхал ли ты о втором Керабане, другом чудаке, который собрался проехать не по воде, а посуху из Патагонии в Южной Америке к... мысу Доброй Надежды в Африке? Как полагаешь, удалось ему осуществить свою затею?

Я поглядел на карту и призадумался. На востоке Патагонию от мыса Доброй Надежды отделяет Атлантический океан, на западе — Тихий и Индийский океаны. На юге лежит Антарктида, отрезанная от остальных материков водами тех же трех океанов. На севере, там, где Америка ближе всего отстоит от Азии, оба континента разделены Беринговым проливом. Помешают чудаку и каналы: Панамский в Центральной Америке и Суэцкий на перешейке между Азией и Африкой.

В самом деле, удалось бы второму Керабану попасть посуху из Патагонии к мысу Доброй Надежды?

Удивительная река



Для вас, конечно, не тайна, что океанские корабли по рекам не ходят, а если и заплывают в реку, то лишь до морского порта, обычно расположенного невдалеке от ее устья. Однако случилось так, что наше океанское судно успешно прошло по течению реки без малого... десять тысяч километров. Об этом примечательном плавании стоит рассказать.

Мы везли груз из крупного порта на юге Соединенных Штатов Америки в один из портов на севере нашей родины. Переход продолжался около трех недель, и все это время мы держали курс по течению реки.

Река оказалась весьма интересной. Прежде всего она была очень длинная — длинней любой реки, текущей на земном шаре. Глубина ее доходила до 700 метров, в ширину она разливалась местами на 75-120 километров! Понятно, что столь величественный поток нес неимоверно много воды — в двадцать раз больше, чем все остальные реки нашей планеты, вместе взятые! Огромна была и скорость его течения: временами она разнялась 150 километрам в сутки!

Температура воды на поверхности реки превышала 25 градусов. И я не очень удивился, когда узнал от нашего капитана, что могучая река, нагревая над собой воздух, отепляет климат на обширных пространствах нескольких государств.

Капитан добавил, что население этих государств нередко называет реку своею «печкой»: не будь ее, снега и льды покрыли бы многие тамошние земли.

Более поразительным было то, что величайшая из рек не имеет ни твёрдого дна, ни твёрдых берегов. Дном и берегами ей служит... вода. Да, вода, но только более холодная, нежели ее собственная.

Никогда бы не поверил этому, если б сам не участвовал в переходе.

Наше судно проследовало по необыкновенной реке от её

начала и почти до конца. Мне удалось выяснить, что в нее впадает всего один приток, однако ещё более мощный, чем она сама. Зато от нее ответвлялось несколько рукавов-рек, тоже глубоких и широких, тоже с жидкими водяными берегами и жидким водяным дном. Я узнал также, что река, по которой мы плыли, не мелеет ни при каких засухах, не разливается ни при каком половодье.

Два или двенадцать?

— Будь другом, Захар, окажи услугу, нужна помощь в одном быстром наблюдении, — с такой просьбой обратился ко мне корабельный доктор, когда мы шли Ньюфаундлендской отмелью у берегов Северной Америки и ненадолго застопорили ход, чтобы принять почту от советского рыболовного судна, промышлявшего там сельдь и треску.

Надо сказать, что наш корабельный доктор не только врач. Команда у нас здоровая, молодцы, как на подбор, болеем редко. Свободного времени у доктора много, и он постоянно занимается научными наблюдениями над жизнью попутных морей и океанов. Помогать таким наблюдениям юнга Загадкин считает своим прямым долгом. Кому, как не мореплавателю, двигать вперед науку о родной стихии!..

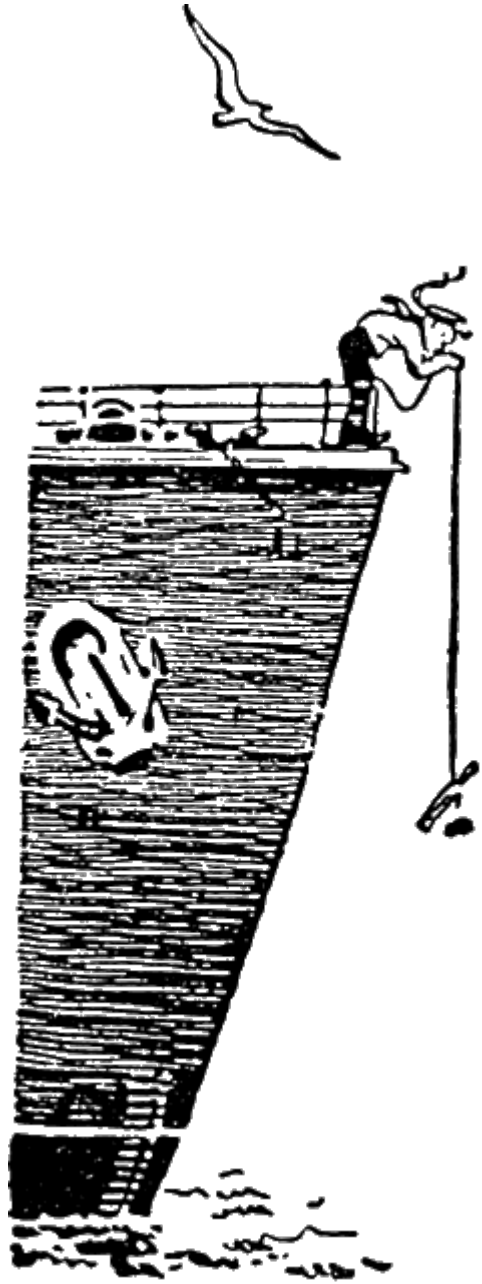
Отложил все дела и явился в распоряжение доктора. Взяли мы по градуснику, приладили к ним небольшие грузила, к грузилам проволоки метров двадцать привязали. Затем сверили ручные часы и поспешили в разные стороны: доктор — на корму, я — на нос корабля.

Времени в обрез — судно вот-вот опять полным ходом пойдет. Смотрю на часы, в условленную минуту градусник в воду опускаю, в условленную минуту наверх вытягиваю. Порядок! Тут же быстро записал температуру, бегу в каюту к доктору.

— Сколько у тебя, Захар?

— Два градуса выше нуля. А у вас, доктор?

— Двенадцать выше нуля... От неожиданности глаза на лоб полезли. Как же так? У носа корабля температура морской воды одна, у кормы — другая? И разница не мала: десять градусов! Может быть, плохо опустил градусник или неверно его показания понял? Неужели на таком легком наблюдении осрамился Захар Загадкин?



Доктор смотрит на меня, улыбается.

— Озадачен, дорогой? А дело, Захар, простое. Ньюфаундлендская отмель не только рыбой славится. Если в том месте, где мы ход застопорили, одновременно опустить термометры с носа и кормы, они обязательно разную температуру морской воды покажут...

Объяснил мне доктор эту странность. Действительно, когда знаешь, всё удивительно простым оказывается. Теперь сам могу

происшествие с градусниками объяснить, если кто-нибудь не догадался, чем оно вызвано...

Пучок стрелок

Скалистый мыс Доброй Надежды остался у нас справа но борту. Спустя часа полтора у подножия знаменитой Столовой горы, и впрямь плоской, словно стол, да к тому же ещё накрытой облаком, как скатертью, показалась россыпь построек большого города, называемого англичанами Кейптауном, а голландцами — Капштадтом. Различие в названиях, впрочем, обманчиво: в переводе на русский язык оба слова означают одно и то же: «город близ мыса». В порту этого «города близ мыса» нам предстояло ждать китобойное судно, которому мы везли срочный груз.

Шли последние дни декабря. Вы, конечно, знаете, что в Южном полушарии многое в природе происходит иначе, чем у нас, в Северном. Солнце и луна ходят по небу не слева направо, а справа налево. Когда у нас лето, в Южном полушарии зима, когда у нас зима, там лето. Знал это и я, но все же было непривычно, что в канун Нового года жарко печет солнце, люди одеты легко, а в порту продают красные помидоры, свежие яблоки...

По своему обыкновению, свободные часы я отдал знакомству с новым для меня городом. Ничего лестного сказать о Кейптауне не могу: пыльные и узкие, почти без зелени улицы, неподалеку от нарядных и красивых зданий стоят жалкие и убогие хибарки. В хороших домах живут белые хозяева страны, в лачугах — остальное население.

Что ни шаг попадаются на редкость противные надписи: «Не для цветных», «Только для белых», «Только для чёрных». Такими надписями «украшены» городские троллейбусы и автобусы, кинотеатры, рестораны, парки. Даже вспоминать об этих надписях неприятно.

Во время одной прогулки по Кейптауну я забрёл на городской пляж, прилёг на горячий песок и долго смотрел на синее море и такое же синее небо. Пенистый прибой с весёлым говором рассыпался у моих ног, вода манила прохладой, и мне захотелось

выкупаться. Я разбежался и нырнул под волну. Однако тут же пришлось плыть обратно — вода была не по-летнему студёная. Только тогда я заметил некоторую особенность пляжа: на песке лежало довольно много людей, но никто не купался.

Я решил побегать по пляжу, чтобы быстрее согреться. Неожиданно меня остановил смуглолицый юноша.

— Наверное, вы моряк с советского судна, я сужу об этом по вашей фуражке, — произнес он по-английски. — Я очень люблю вашу великую страну, где не смотрят на цвет кожи человека, и прошу передать ей мой привет. А на городском пляже купаться не советую: вода здесь чрезмерно холодна. Садитесь в автобус, и за полчаса вас доставят на соседний, пригородный пляж, где вода более тёплая...

— Странно и непонятно, сказал я, — пляжи соседние, а температура воды различная... В чём тут секрет?

— Не знаю, — ответил юноша. — Я малаец и учился в школе всего два года. Объяснить секрет не могу, но поезжайте на другой пляж, и вы сами убедитесь в этой странности...

Не в моей натуре отказываться от раскрытия таинственного, и я решил немедленно последовать совету молодого малайца. Я пригласил юношу отправиться со мной, но он не принял приглашения.

— У меня будут неприятности, — заявил он. — Хозяева нашей страны не терпят, когда цветные ездят в одной машине с белыми. А я цветной, мой прадед был рабом, привезенным сюда с островов Малайского архипелага.

Пришлось расстаться с новым знакомым и одному сесть в автобус.

Машина покинула городские улицы, вырвалась на шоссе, и вскоре мы оказались в пригородном районе, застроенном красивыми особняками и санаториями. Вдоль побережья тянулись рестораны, кафе, пляжи.

У одного пляжа я вылез, быстро разделся и кинулся в воду. Она была тёплая! Купание доставило много удовольствия, но тайну тёплой воды я не раскрыл. Так же как в городе, к пляжу подступали горы, одинаково грело солнце и такой же прибой шумно плескался у кромки берега.

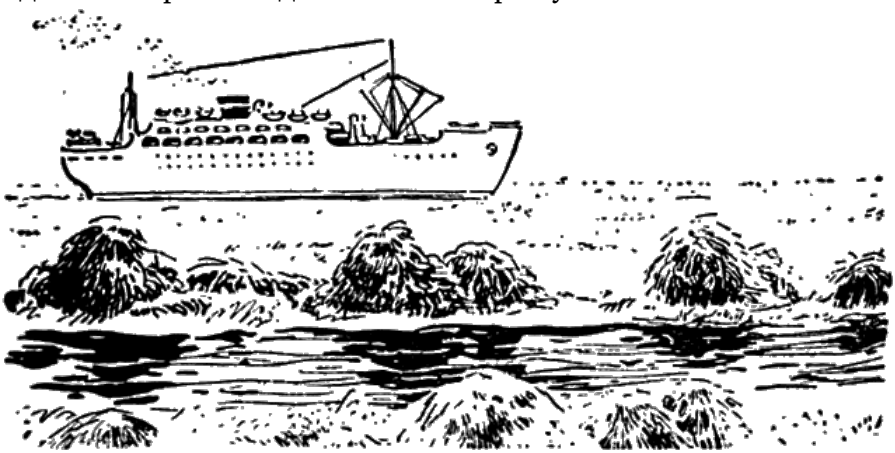
Вернувшись на судно, я спросил капитана, почему на пляжах Кейптауна морская вода имеет различную температуру.

Вместо ответа капитан распахнул передо мною атлас. Я увидел мыс Доброй Надежды, чёрный кружок, обозначающий город Кейптаун, а на море вблизи мыса — пучок цветных стрелок. Одни стрелки тянулись к мысу из Мозамбикского пролива, другие — из Южной Атлантики. И мне стало ясно, почему на городском

пляже вода была холодная, а на пригородном тёплая.

Почему я не стал владельцем попугая Жако

На рассвете я выбежал на палубу и был поражен видом моря. Насколько хватало глаз, оно было покрыто оливково-зелёной травой. Легкий ветерок колыхал травяные заросли, местами перемежавшиеся густо-синими полосами воды. Не было сомнения, мы плыли по огромному лугу! Я любовался редким зрелищем, когда внезапно душу мою обуял страх: не запутается ли киль корабля в бесчисленных растениях? Ведь тогда мы надолго застрянем в диковинном море-луге...



Я спустился в камбуз, где кок готовил у плиты оладьи к утреннему кофе, и высказал свои опасения.

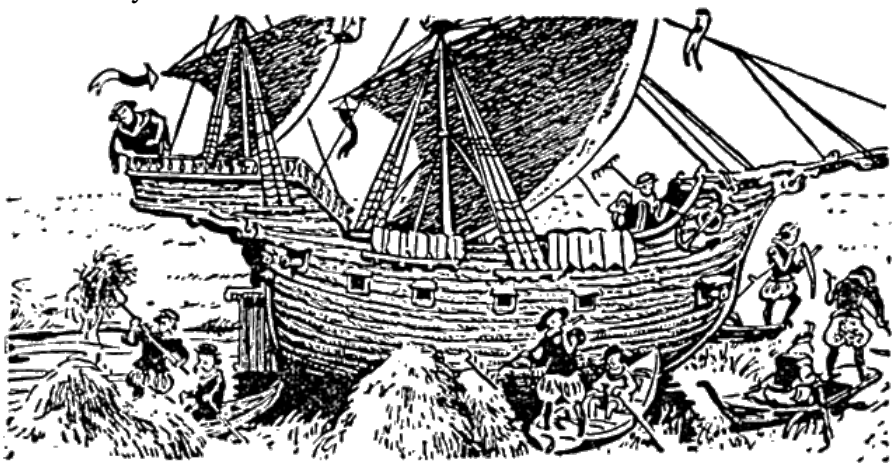
Кок ухмыльнулся.

— Не ты первый, Захар, кого смущает это море, — произнёс он, протягивая мне кружку дымящегося кофе. — В тысяча четыреста девяносто втором году один знаменитый мореплаватель был удивлен не менее тебя, когда впервые увидел эти изумрудные луга. Странный звук, с которым корабли разрывали зеленый ковер травы, напугал матросов, и, как ты, они боялись, что суда будут опутаны плавающими растениями. Однако все обошлось благополучно. Знаменитый мореплаватель

выбрался на этих мест, а будущее показало, что растения нисколько не мешают судоходству. Бесспорно не застрянем и мы. Поэтому выпей горячего кофейку, Захар, и забудь о своих опасениях. Нам грозит иная, более серьезная неприятность: у моря, по которому мы плывем, нет берегов!

— Как — нет берегов? У всех морей есть берега...

— У всех есть, а у этого нет. История не знает мореплавателя, который хотя бы раз высаживался на его берегах. Если юнге Загадкину удастся увидеть их, пусть даже на горизонте, это будет величайшим географическим событием! Тогда я, скромный корабельный кок, тоже ознаменую твое открытие — подарю тебе своего попугая!



Кто бы отказался от возможности сделать величайшее открытие, да ещё получить в подарок серого Жако — любимца всей команды? Только не юнга Загадкин! И все свободное время я торчал на палубе, терпеливо ожидая минуты, когда на горизонте покажутся берега луга-моря. Мне было все равно, какими предстанут они глазам первооткрывателя — скалистыми или песчаными, высокими или низменными, обитаемыми или безлюдными, — но я должен был увидеть их во что бы то ни стало, ведь моря без берегов не может быть!

Увы, дежурства на палубе оказались напрасными! Мы пересекли море с востока на запад, и я с огорчением убедился, что ни на востоке, ни на западе оно действительно не имело берегов. На обратном пути мы прошли это море с севера на юг, но на севере и юге у него тоже не было берегов!

Я так и не стал владельцем серого попугая Жако.

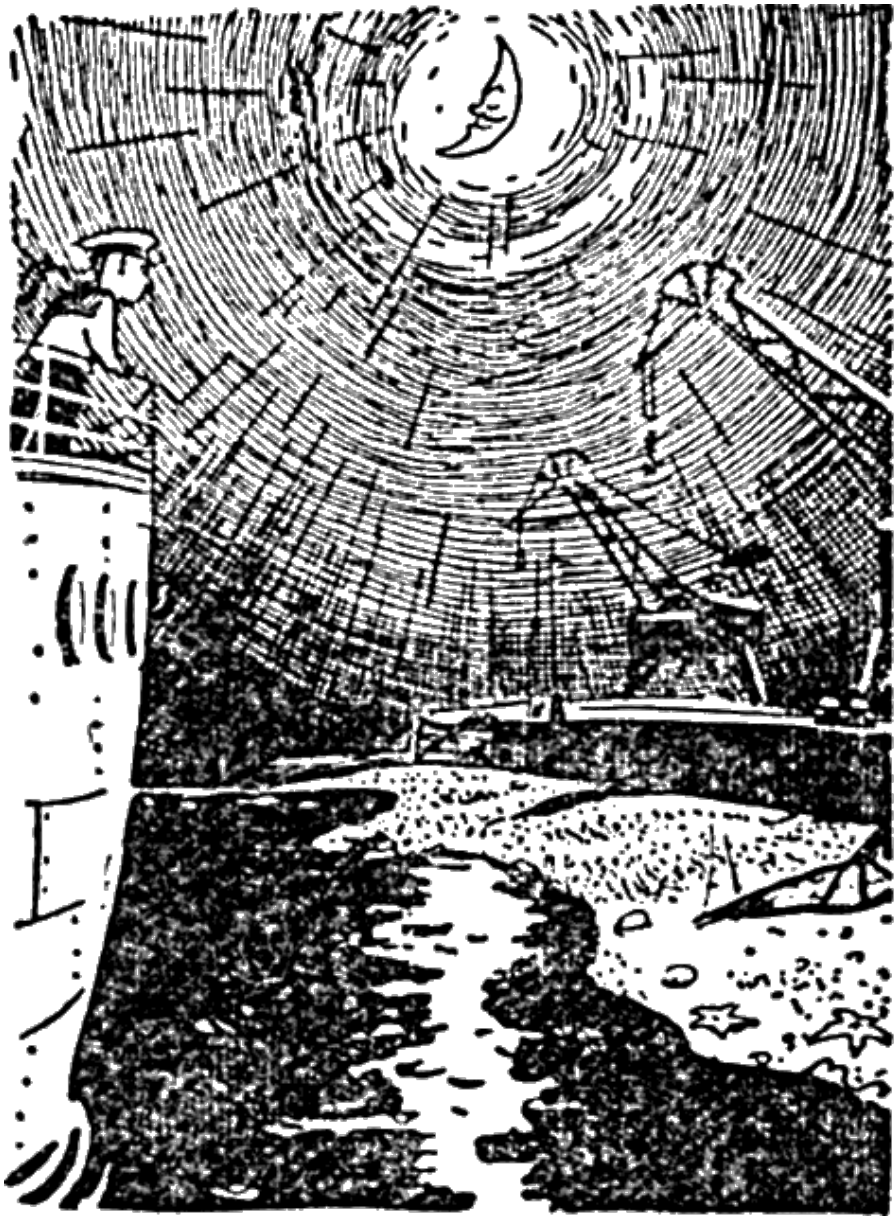
Таинственный механизм

Техника в наше время достигла великого совершенства. Какие только машины и механизмы не придумал человек, чтобы облегчить свой труд! Вы, живущие на суше, конечно, знакомы с ними лучше меня, мореплавателя. Юнга Загадкин в машинах разбирается слабо, раньше разбирался и того меньше, потому и произошла история с таинственным механизмом, о которой вы сейчас услышите.

Плыли мы тогда Охотским морем и везли груз для одной геологоразведочной партии, работавшей вблизи побережья этого моря. В корабельном трюме стояли тракторы-тягачи, буровые станки и другое тяжелое оборудование. Упоминаю о его тяжести потому, что с нею связано первое мое знакомство с этим таинственным механизмом.

Подошло наше судно к месту, где надо выгружать оборудование, останавливается примерно в полукилометре от берега. Что такое? Оказывается, впереди мелководье, хода кораблю нет.

Берег холмистый, поодаль, у подножия холмов, виднеется поселок: беленькие домики, склады, постройка с трубой, похожая на электростанцию. Между поселком и морем — пустынная полоса галечного пляжа. А от пляжа тянется в воду длинный деревянный причал на сваях. К причалу бежит народ, машет платками и шапками. Должно быть, заждались нас геологи...



Причал длинный, да что пользы? Из-за мелководья с моря к нему не подойдешь... Неужели придется перегружать ящики со станками, тракторы и все прочее в шлюпки, а потом вручную поднимать на причал? Тяжёлая будет работёнка! Конечно, юнга Загадкин от нее не откажется, но кому охота лишнее делать? Ведь на судне есть лебедка; подойди оно ближе к причалу, без труда выгрузили бы все, что нужно геологам...

До того огорчило меня неожиданное мелководье, что сзывают на обед, а о еде думать не хочется.

— Чем опечален, Захар? — интересуется кок. — Сегодня твой

любимый суп с фрикадельками, а ты нос воротишь...

Пристал ко мне кок, не отстает, пришлось поделиться своими мыслями.

— Обидно, — говорю, — неужели будем выгружать вручную? И это в наш век механизации! И только потому, что море мелко...

— Отчего вручную? Море мелко — беда невелика. У здешних геологов специальный механизм имеется. Пока отобедаем, они его в действие пустят, подбросят водицы к причалу, тогда и к берегу подойдем...

Верится с трудом, да возразить нечего. Обедаю, ем суп с фрикадельками, потом макароны с мясом, компот, а сам поглядываю в иллюминатор: не прибавилось ли воды у причала? Нет, не прибавляется. Похоже, даже малость убавилось.

Пообедал, занимаюсь разными делами, однако нет-нет, а брошу взгляд на берег: как там обстоит?..

Прошло часа три. Действительно, начала прибавляться вода у причала. Волна за волной подкатывается к пляжу. Значит, впрямь у геологов специальный механизм имеется и пустили они его в действие? Ещё час прошел. Стало наше судно двигаться к берегу. Воды столько, что к самому причалу подошли! Да и галечный пляж залило порядочно, почти к поселку вода подобралась, посуху от причала туда и не проберешься...

Заработала корабельная лебедка, быстро перенесла на причал тракторы, ящики со станками и все остальное.

Только закончили выгрузку — снова отходим в морс. И вовремя: машина геологов в обратную сторону действовать стала — опять убавляется уровень воды у причала. Ясно, геологам теперь надо оборудование к поселку доставить, вот и решили подсушить пляж. Умно работают люди, с толком...

Очень захотелось мне посмотреть механизм, который то поднимает, то опускает воду, но сколько ни рыскаю глазами по побережью, не видать механизма. Не вытерпел, обращаюсь к коку, прошу показать, где стоит эта могучая машина.

— А ты не туда смотришь, Захар...

Обернулся, взглянул на открытое море. И там ничего нет, только волны плещутся... А кок подзадоривает:

— Ищи, ищи, это на редкость замечательная машина, стоит посмотреть. Никогда в ремонте не нуждается...

— Да где ж она?

Кок неопределенно развел руками, показывая словно бы на небо. Смеется, что ли? Конечно, и там машины не видать. Клонится солнце к прибрежным холмам, идет на закат, в стороне бледно светится серп молодой луны. А больше ничего на небе нет. Не за облака же подняли геологи свой таинственный

механизм?

— Не вижу, — признаюсь коку. — Может быть, у них механизм-невидимка?

— Почему — невидимка? Это ты плохо смотришь, Захар. Механизм виден отчетливо...

Вот так механизм! Ну, да нет тайн, которые нельзя было бы раскрыть. Теперь-то я хорошо знаю, что это за механизм, где он находится, как устроен и какая сила приводит его в действие. Геологи, оказывается, были ни при чем, они только пользовались, а не управляли этим механизмом... Обидную ошибку я допустил. Но ведь это было давно, в одно из первых моих плаваний.

Чудеса в решете

Как всякий более или менее известный человек, я нередко получаю письма от незнакомых людей. Одно из таких писем поставило меня в довольно затруднительное положение. Поэтому, прежде чем собрать мысли для ответа, хочу посоветоваться с вами. Вот это письмо:

«Дорогой товарищ Загадкин! Ты любишь рассказывать разные географические истории, задавать вопросы, над которыми приходится думать. Это неплохо, а умеешь ли сам отвечать на подобные вопросы? Если умеешь, объясни, пожалуйста, следующее непонятное происшествие.

Случилось оно на отлогом берегу одного морского залива, далеко вдающегося в сушу. Увидел я на том берегу с полсотни, если не больше, высоких деревянных столбов, забитых в каменистый грунт, а на столбах — сети, натянутые для просушки. Поначалу все показалось простым и ясным — готовят рыбаки снасть перед выходом в море. Однако подошел к столбам ближе, замечаю первую странность: очень уж прочно сети к ним прикреплены. Мало того, что гвоздиками приколочены, так ещё канатами к особым колышкам привязаны. Неужели тут ветер такой сильный, что боятся рыбаки, как бы не унес их добро? Осматриваю местность внимательней и вижу вторую странность: далековато рыбаки свои сети повесили — километрах в двух-трёх от моря. Сети большие, тяжелые, нелегко будет тащить их к воде. Да и лодок поблизости не видать, это тоже удивительно. Где рыбаки, там лодки быть должны. А тут ничего, хоть бы в насмешку ялик какой-нибудь вверх днищем лежал...

Около столбов грузовичок стоит, люди работают. Сети обсохли, значит, сейчас их снимать будут. Придется повозиться рыбакам, гвоздики обратно выколачивать, канаты от колышков отвязывать. Но нет, явно не тем люди заняты. Залезли на лесенки, ещё прочней прикрепляют сети. Взяло меня любопытство, спрашиваю, что они у столбов делают.

— Рыбу готовимся ловить, сельдь или треску. Снасть в порядок приводим.

— А зачем сети крепите? Их снимать надо, а вы наоборот поступаете...

— Снимать? Первый раз о таком слышим... У нас сети на берегу стоят всегда, мы их перед ловом со столбов не снимаем...

— Да вы что, шутите? Разве сельдь или треску на суше ловят?

— А почему бы не ловить, если, скажем, лодок нет? Все наше снаряжение — вот эти столбы, сети да ещё грузовик, а раньше вместо него телеги были. Мы такого обычая не знаем, чтобы за

рыбой в море ходить, нам это без надобности. Наша рыба сама на берег приходит.

— Да как же рыба сюда придет? Сети здесь, а море вон где!

— Не так уж далеко до моря, всего километра два с половиной. Что для рыбы такое расстояние? Сущий пустяк!

— Хорош пустяк! Что ж ей, посуху к сетям добираться?

— А это не наша забота, — отвечают рыбаки. — Наша забота добычу взять.

Заинтересовал меня такой способ ловли. Кончили работать рыбаки, сели в свой грузовичок и уехали, а я взобрался на выступ скалы, покуриваю трубку, выжидаю, что дальше будет. И вообрази, товарищ Загадкин, ведь пришла рыба к сетям! Да ещё сколько, все ячеи забила! А потом рыбаки на машине вернулись. Спрыгнули на камни, давай рыбу в кузов кидать. Подлинно чудеса в решете — морскую рыбу на суше ловят!

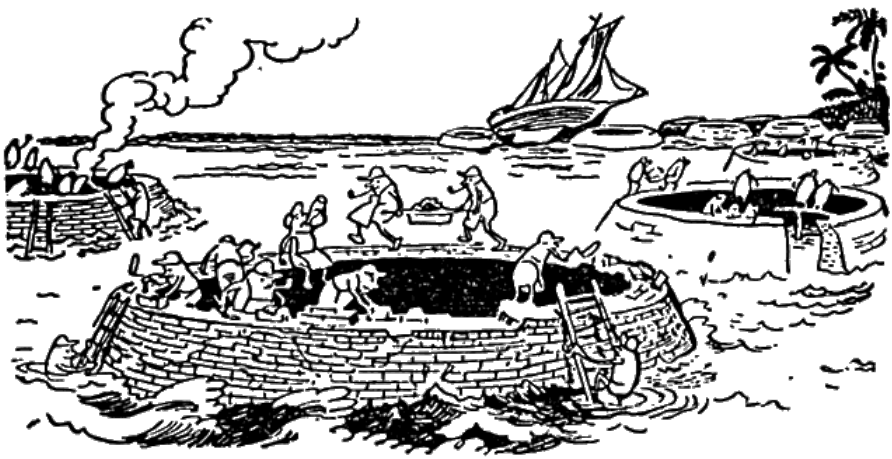
Немало диковинного видал я на белом свете, а такого, как в том заливе, видеть не приходилось. Что ты скажешь, уважаемый товарищ Загадкин?»

На этом письмо кончается. Призадумался я. Действительно, что скажет товарищ Загадкин? Может быть, он и не знает, что сказать...

Никудышные строители

Множество островов повидал я в морях и океанах. Думается, не преувеличу, если скажу, что сумел бы доклад об островах в научном собрании сделать. Начал бы воображаемый доклад так: «Разные острова мореплавателю встречаются, всех и не перечислишь. А у каждого острова — своя история. Географы знают, в какое время и по какой причине он возник, был ли некогда частью материка, рожден ли извержениями подводного вулкана или он просто-напросто вершина огромной горы на дне океана.

В моём докладе речь пойдет не об этих родственниках материков, вулканов или подводных гор, а об островах... построенных. Самому удивительно, но есть и такие, на них немало людей живёт, большие деревья растут, домашние животные водятся. О строителях этих островов и поделюсь своим мнением.



Прямо скажу: никудышные строители! Сооружают острова из поколения в поколение с незапамятнейшей поры, а ремеслу своему как следует не научились. Хорошо ещё, что в наших морях

они этим делом не занимаются. Климат, видите ли, неподходящий: они к тёплым водам привычны, а наши воды холодные. Ну и очень хорошо, что неподходящий. Не нужны нам никудышные работники...

Чем же плохи строители этих островов?

Во-первых, возводят свои сооружения в разных местах, но всюду одинаково, по одному проекту. Мореплаватель без ошибки определит: опять их работенка! Да и трудно ошибиться: все острова на манер кольца или овала сделаны, как бублики друг на друга похожи.

Во-вторых, строят небрежно, об удобстве будущих жителей-островитян нисколько не заботятся. Ладно, нет другого проекта — будь по-вашему, сооружайте свое кольцо-баранку, но, по крайней мере, работайте чисто! Нет, они возведут берега, поднимут невысоко над водой, а замкнуть кольцо забывают. Остаются в нем узкие щели-проходы, в которых соленая морская вода плещется. Середину острова вовсе не застраивают, на любом внутреннее озеро увидишь. В центре острова могли бы люди жить, а там вода!

Ещё в одном упрекну строителей. Часто, приступая к сооружению, начинают берега выкладывать, но в разгар работы от своего замысла отказываются. В море никому не нужные стены оставляют, иногда длиной в сотни километров, да и ширины порядочной. Куда это годится? Верхний край этих горе-построек над водой возвышается, буруны возле него кипят, белой пеной брызжут. Стена как барьер: ни кораблю пройти, ни лодке проплыть, из-за неё к другим островам порой добраться невозможно. Безответственные строители, бракоделы, иначе не назовёшь...

Правда, нет худа без добра. У островного берега нередко замечательные подводные сады встречаются. Раньше трудно было ими любоваться, теперь, когда изобретены резиновые маски и ласты, прогулка по такому саду — удовольствие. Каких только диковин не насмотришься!

Колышутся пучки зеленых или коричневых водорослей, обвивая узорчатые, похожие на кружево ветки и стволы красного, лилового, белого, розового, черного цвета. Проплывают забавные рыбки, перевертывающиеся с боку на бок, неуклюжие рыбы-шары, быстрые рыбы-возничие с длинной нитью на спине. Медлительно передвигаются прозрачные колокола и купола медуз. Высунув волокнистые щупальца, ползут по дну оранжевые, желтые, красные морские звезды. Шевелят острыми иглами черно-фиолетовые морские ежи, играет плавниками радужный морской петух. Повсюду раковины, большие и маленькие, среди них

попадаются жемчужницы. К самому дну прижались тридакны — огромные раковины с широкими створками, меж которых видны красные, желтые или зеленые складки тела их хозяина-моллюска.

Одна такая раковина у меня в сундучке хранится. Доставал со дна не сам, а выиграл на спор у матроса с нашего судна, тоже знатока географии. Как и почему выиграл, расскажу при случае — история любопытная, но отношения к островным строителям не имеет».

В этом месте моего воображаемого доклада кто-либо из слушателей наверняка перебил бы меня такими неуважительными словами:

«Товарищ юнга Загадкин, выступаете вы не у себя в кубрике, а перед представителями науки. Наговорили нам с три короба, а о главном не сказали: кто эти никудышные строители, отчего не сменят проекта, по которому острова возводят? Ведь если сами не умеют, могли бы толковых инженеров пригласить...»

Ну и ехидный вопрос предъявят мне в научном собрании! И тут мой воображаемый доклад придется прервать. Кто строители, почему к инженерам не обращаются, ответить могу. Но вот отчего именно кольцом берега выкладывают, этого не скажу. Да и кто скажет? Крупнейшие учёные по-разному происхождение кольца объясняют. Смешно такой каверзный вопрос юнге задавать, а ведь непременно зададут! Потому и доклада об островных строителях в научном обществе не делаю, только вам свое мнение высказываю.

О чём молчат карты морей и океанов

Карты морей и океанов рассказывают о многом. Даже те, что напечатаны в школьных географических атласах, говорят о важнейших глубинах и отмелях, о холодных и теплых течениях, проливах и заливах, больших и малых островах. Когда я учился в пятом классе, был у меня сосед по парте, который всерьез выражал недовольство этими картами, заявляя, что в них уйма лишнего. «К чему людям знать о горном хребте на дне Атлантического океана, — возмущался он, — или о подводных впадинах в Тихом океане?»

Бедняга не подозревал, что есть ещё более подробные карты, где указаны все острова, вплоть до самых крохотных, все глубины и мели, все рифы и отдельные крупные камни, возвышающиеся над водой. И хорошо, что есть! Такими картами пользуются капитаны и поэтому уверенно ведут свои суда по любому морю или океану, не опасаясь потерпеть крушение.

Мореплаватель без карт — что человек без глаз. Я понял это сызмальства и с той поры собираю карты. У меня уже составилась изрядная коллекция с интересными редкостями вроде путеводных карт древних египтян и других мореходов далекого прошлого. Коллекцией я горжусь; мне нравится, что корабельный доктор почтительно называет её «Картохранилище имени юнги Загадкина».

В минуту досуга нет лучшего удовольствия, чем рассматривать карты: непременно отыщешь что-либо неведомое и добрым словом помянешь их составителей — картографов. Великую работу проделали эти люди! И я от души негодую, когда иной матрос-новичок, не подумав, начнет упрекать составителей карт.

Идет такой новичок в свое первое плавание, ни о чем не тревожится и вдруг неожиданно слышит, что наперерез нашему курсу из тумана встает остров, не помеченный на карте! Испугается новичок, струхнет и давай честить картографов: и

такие они, мол, и сякие, и этакие...

Что верно, то верно. Даже на самых подробных и подробнейших картах не показано местоположение многих островов, не раз виденных с борта различных кораблей: грузовых, пассажирских, рыболовных, военных и — это может показаться особенно странным — научно-исследовательских! Во всех океанах и некоторых морях встречаются такие острова, причём не ничтожные, а подчас весьма крупные, в десятки километров длиной, да и ширины порядочной. Попадаются острова длиной и в 120, 150, 170 километров! Их видели, фотографировали, а карта молчит, будто островов в помине нет, даже имен им не дает,

Послушать перепугавшегося матроса-новичка — словно бы возразить ему нечего. Действительно, тысячи, десятки тысяч островов не помечены на карте. А ведь это ещё не всё: каждый год появляются новые и новые, не признаваемые картографами острова. Возникают целые архипелаги, состоящие из множества островов, — кораблям приходится с большим риском пробираться по незнакомым архипелагам: малейшая неосторожность, и неизбежна авария, а то и гибель судна.

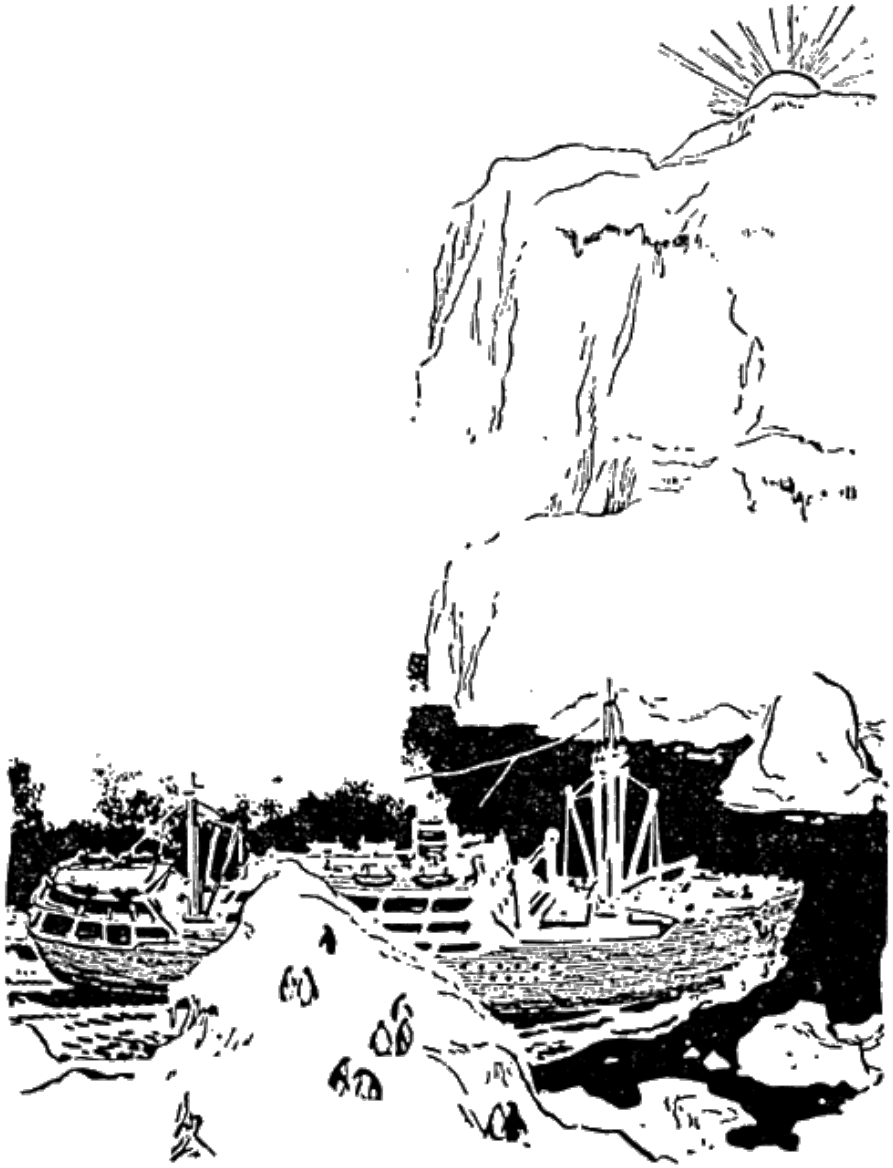
Что же, выходит, прав матрос-новичок, упрекающий составителей карт? Ведь это они не наносят на карту опасные острова, ограничиваясь тем, что цветной прерывистой линией обводят обширные районы, где много таких островов.

Мне довелось наблюдать безымянные острова. Обычно они гористые или холмистые, с отдельными вершинами иногда высотой в десятки метров. Нередки столовые горы, с плоской поверхностью, круто обрывающейся по краям. С вершин стекают ручьи пресной воды, на некоторых островах бывают неглубокие озера, тоже пресные. Около полувека назад огромный океанский корабль наскочил ночью на один из безымянных островов и пошёл ко дну. Погибло полторы тысячи человек!

Интересуетесь, обитаемы ли острова? Нет, не обитаемы, люди на них не селятся. Там ничего не растет: не то что деревьев или кустарников — травинки не найдешь пи весной, ни летом, ни осенью. На побережье, порой на горном склоне можно заметить морского зверя, например тюленя, или птиц — альбатросов, буревестников, пингвинов...

Островов остерегаются, чтобы в туман или непогоду не наткнуться на них, а на картах их нет, хотя те районы океанов и морей, где можно встретить такие острова, хорошо изучены. Есть места на земном шаре — они тоже достаточно известны, — которые называют «фабриками» этих островов. Одна из «фабрик» выпускает свыше тысячи островов в год, другая ещё больше. Есть «мастерские», где острова производятся в меньшем количестве, но

также из года в год.



В чём же дело, почему упорствуют составители карт? А дело в том, что у всех островов, о которых идет речь, имеется общий недостаток: они недолговечны. Иные острова существуют всего несколько месяцев или год, другие — до десяти лет. Те, что помельче, погибают быстрей, те, что покрупнее, сохраняются дольше. «Фабрики» и «мастерские» готовят их недостаточно прочными: острова постоянно разрушаются, от них откалываются кусок за куском, утёс за утёсом, их размывают ручьи, текущие с вершин. Остров постепенно уменьшается, а затем вовсе исчезает в пучине вод.

Вот почему я от души негодую, когда новичок-матрос начинает с перепугу упрекать и честить составителей карт. Негодую и тут же пытаюсь объяснить, что картографы не виноваты, что они ни при чём. Конечно, бывалому юнге вроде меня не трудно дать такое объяснение матросу-новичку. А доведись вам оказаться на моем месте, что бы вы сказали этому человеку? Может быть, и вас напугала бы внезапная встреча с неизвестным островом, встающим из тумана?

Путешествие во времени

У многих людей есть любимое время года. Одним нравится лето, другим — зима или весна. Кто любит загорать на солнце, а кто — ходить на лыжах. Встречаются чудаки, которые предпочитают дождь и слякоть любой хорошей погоде. Я знавал человека, которому доставляла удовольствие... прогулка в густом тумане; заветным желанием этого человека было побывать в Лондоне, где такие туманы более часты, нежели у нас ясные солнечные дни.

Что касается меня, то я одинаково люблю лето и зиму, весну и осень. У каждого времени года свои достоинства, свои недостатки. И я спокойно ожидаю, пока произойдет очередная смена.

Но вот однажды, менее чем за сутки, мне удалось повидать и лето, и зиму, и осень, и весну.

Приходилось ли вам путешествовать во времени? Само собой разумеется, не в вымышленных «машинах времени», нередко описываемых в фантастических романах, и даже не в советских реактивных самолетах, которые за немного часов способны перенести нас от холодного Полярного круга к знойному экватору, а в машинах самых простецких, вроде обыкновенного, всем хорошо знакомого городского или пригородного автобуса.

Конечно, на таком автобусе не съездишь, скажем, в XXX век или, наоборот, в эпоху, когда на Земле не было человека и на ней хозяйничали гигантские животные — различные динозавры, бронтозавры, ихтиозавры и прочие подобные им завры. Поехать в гости к нашим отдаленным первобытным праотцам или навестить будущих столь же отдаленных праправнуков, к сожалению, ещё невозможно. И все же путешествие во времени вполне осуществимо и в наши дни. Вы сомневаетесь? Напрасно: именно такое путешествие посчастливилось совершить Загадкину.

Было это... Впрочем, умолчу пока о том, где это было. Наш

корабль зашёл в порт одного курортного города на берегу теплого советского моря. А мой старший брат, сталевар, о котором вы уже знаете, приехал отдыхать как раз в этот город. Ради такого случая капитан разрешил мне трехдневный отпуск.

Брат мой тоже любитель путешествий, это у нас семейная черта, а жизнь сложилась так, что плавать по морям или океанам ему не приходится. Зато все свободные часы он отдает прогулкам в лес и горы, а потому хорошо знает природу.

Встретились мы, беседуем. Послушал брат рассказы о моих приключениях и говорит:

— Плавать по морям, конечно, очень интересно, но и на суше есть немало любопытного. Хочешь, возьму тебя в небольшое сухопутное путешествие, покажу такое, чего на море ты никогда не встречал?

Надо ли добавлять, что я немедленно согласился! И вот на следующее утро отправляемся мы на площадь, к остановке местных автобусов. Забыл сказать, что дело происходило ранней осенью. Прилавки и полки в городских магазинах завалены свежими яблоками, грушами, сливами, на приморском бульваре — пышные южные цветы, большие и яркие. В садах дозревает виноград, золотятся мандарины и апельсины. Словом, осень во всей красе и великолепии!

Сели в автобус, едем мимо пригородных колхозов. Урожай на полях снят, придорожная трава успела выгореть, пожелтеть, поодаль видно сено, сложенное в стога. В машине жарко, дышать нечем; спасибо, ветерок иногда налетит — принесет некоторое облегчение.

Проехал автобус час, полтора, и окрестная природа переменилась. Ранняя осень уступила место лету. Трава стоит зеленая, высокая, ещё не кошенная. Садов меньше, яблоки и груши на деревьях только наливаются соком, мандаринов и апельсинов вовсе не видать.

Едем ещё часа три или четыре. В воздухе заметно похолодало по сторонам дороги словно бы уж не лето, а весна. Травка совсем молоденькая, только-только поднимается над землей. И ещё сюрприз: на одной остановке продают фиалки — цветы весны! Ну-ну, думаю, может быть, дальше и подснежники появятся?

Так и есть, на следующей остановке стоит старушка в платке, продает подснежники! Что же это такое? Выехали осенью, проехали через лето, теперь проезжаем весну, да ещё раннюю, с подснежниками! Уж не в зиму ли мы катим?

Тут, как бы подтверждая мои опасения, кондуктор принялся закрывать окна в автобусе. «Теперь не лето, граждане», — говорит, и никто из пассажиров не возражает: зябко в машине. За

окнами туман, такой густой, что невольно вспомнилось о чудаке знакомом: вот бы он получил удовольствие — в двух шагах ничего не разглядишь...

Пробились сквозь туман — новая неожиданность: весны и в помине нет. Все вокруг белым-бело. По шоссе снежная позёмка бежит, у обочин — сугробы... Здравствуйте, приехали в зиму!

Раскрыл брат чемоданчик, вытащил фуфайку, протягивает мне.

— Как, Захар, — спрашивает, — поедем дальше или вернемся обратно?

Подумал я, как бы не завёз нас автобус в такой холод, где и замерзнуть нетрудно, — с нами ведь ни ватников, ни валенок...

— Нет, — отвечаю, — давай вернёмся.

Вылезли мы на ближайшей остановке, поджидаем встречный автобус. Холодно до того, что зуб на зуб не попадает. Переминаемся с ноги на ногу, приплясываем под деревянным навесом возле остановки. Наконец показался автобус. Сели мы в машину, и все пошло сначала, только в обратном порядке. Из зимы приехали в весну, из весны — в лето, а из лета — опять в раннюю осень, на ту самую городскую площадь, откуда утром отправились в путешествие.

Так менее чем за сутки удалось побывать сразу во всех четырех временах года! На прощание брат сказал, что «путешествовать во времени» можно не только из приморского города, где мы встретились, но во многих других районах нашей страны, от которых до моря тысячи километров. И не только на автобусах, но даже пешком!

„Кто ищет, тот всегда найдёт!"

— Помоги, Загадкин, отнести багаж товарищу ученому, — услышал я приказание капитана, когда прощальным взглядом окидывал медленно удалявшиеся дома и бульвары Одессы. Мы уходили в далекое плавание, и, как всегда, было грустно расставаться с родными берегами. «Прощай, Одесса!» — подумал я и побежал выполнять приказание.

Рядом с капитаном стоял долговязый человек с рыжеватой бородкой на молодом симпатичном лице. Шесть чемоданов лежало у его ног.

Тяжелыми оказались чемоданы, но в два захода мы благополучно перетащили их в отведенную ученому небольшую каюту.

— Спасибо, юнга, — сказал он. — Судьба свела нас недели на две, на три. Вы, как я догадываюсь, моряк бывалый, потому прошу не отказать в покровительстве. Предупреждайте, пожалуйста, когда будем проходить местами особенно примечательными, я этим путем еду впервые...

Конечно, я был польщен таким предложением. Юнга Загадкин будет покровительствовать ученому. Не скрою, за время плавания, может быть, даже немного надоел ему, вызывая на палубу каждый раз, когда должно было показаться что-либо заслуживающее внимания.

Прошло немного времени, и мы сдружились. Парень он был веселый, постоянно напевал песенку из фильма «Дети капитана Гранта». Стоит на палубе, смотрит на волны либо на берег, поглаживает бородку и вполголоса напевает: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Мы уже прошли Дарданеллы — пролив, соединяющий Мраморное море с Эгейским, — когда я спросил молодого ученого, куда он путь держит.

— На экватор, — отвечает. — У меня туда научная

командировка от нашего института.

— А какая у вас специальность, если не секрет?

— Секрета нет. Я гляциолог, попросту говоря, лёдовед. Имеется такая наука — гляциология, льды изучает.

— А разве на экваторе есть льды?

— Говорят, что есть, — улыбается учёный.

Спорить с учеными не рискнул, но про себя посмеиваюсь. Я-то не раз бывал на экваторе, пересекал его в Тихом океане, в Индийском, в Атлантическом, знаю, какая стоит погодка на этой условной линии, опоясывающей земной шар. Пропадешь там от пекла и духоты! Дожди и то не в облегчение: дышать все равно нечем. Да что долго рассказывать — термометр круглый год свыше двадцати градусов тепла показывает. А этот чудак собрался там льды изучать! Ледорубы в чемоданах везёт, тёплую одежду... Ему бы на Крайний Север или, наоборот, в Антарктику поехать, а он на наше судно сел, — мы ведь к экватору направляемся, оттуда к мысу Доброй Надежды, потом к тропикам Бразилии пойдем. Где уж ему с нами льды искать!

— А вы на экваторе бывали когда-нибудь? — вежливо

спрашиваю, а сам продолжаю недоумевать.

— Нет, не приходилось, все больше за Северным Полярным кругом работал.

«Ну, там место подходящее», — думаю, а возразить не решаюсь: он ученый, я юнга.

Правда, среди ученых встречается немало рассеянных людей. Но, как я слышал, рассеянность обычно свойственна людям пожилым — академикам или докторам наук, — а этот, с рыжеватой бородкой, совсем молодой, даже научного звания ещё не имеет. Впрочем, может быть, не он рассеянный, а те, кто послал его изучать льды на экваторе? Скажи на милость, не туда командировку выписали! Вот ему сюрприз будет, когда попадёт на экватор!

А время движется, движемся и мы. Прошли Суэцкий канал, плывем Красным морем. В воздухе все теплее становится. Смотрю — начал сбрасывать с себя одежду мой ученый. Пиджак снял, рубашку, остался в майке. Потом брюки скинул, ходит, долговязый, в одних трусах. Интересно, как он на экваторе ледоруб свой носить будет? Неужели прямо к трусам приспособит?..

Жарко ему, но ничего, держится, не унывает. Шагает по палубе почти нагишом, бородку по-прежнему поглаживает и все песенку ту же напевает: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Как же, найдешь льды на экваторе! Жаль мне стало ученого: как бы для его исследований и опытов не пришлось юнге Загадкину кубики льда из холодильника у кока выпрашивать...

Вот и экватор пересекли. На палубе все раскалено, солнечные лучи падают на нее почти отвесно, в полдень тени вовсе нет, в остальные часы она тоже невелика — никуда не спрячешься от душного зноя. Приуныл от жары и ученый, погрустнел заметно. Я уже собрался открыть парню глаза на приключившуюся с ним беду, но тут подходит наше судно к гавани Момбаса, что немного южней экватора, а он как раз и просит высадить его в этом порту.

Ну, прикидываю, наконец-то сам сообразил! Высадится в Момбасе, подождет обратного судна на родину, поедет в свой институт командировку переписывать, скажет там: «Куда же вы, братцы, послали меня!» Вот смеху будет в научном мире!

В Момбасе помог я молодому ученому чемоданы на берег переправить, тепло попрощался с ним. Душа за него болела, да что мог сделать? Потом другие происшествия отвлекли меня, постепенно забыл о хорошем попутчике.

Прошло месяцев десять, раскрываю как-то газету, а оттуда знакомое лицо смотрит! Бородка в газете, конечно, не рыжеватой,

а черной получилась, но своего ученого сразу признал! Там же и его статья напечатана. Вот так номер! Удалось ведь ему найти льды на экваторе! Значит, правильную песенку пел: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!»

Пожар на маяке

С первым плаванием вокруг берегов Европы в моей памяти неразрывно связано одно забавное, но, по совести говоря, не совсем лестное для меня происшествие. Даже теперь, спустя несколько лет, не очень приятно вспоминать о нем, и я долго размышлял, нужно ли вообще рассказывать об этом случае. Но «истина дороже всего», как утверждал некий философ. Надеюсь, вы не потеряете уважения к Захару Загадкину, узнав об ошибках и промахах его молодости.

Это случилось в одном из южноевропейских морей. Был поздний час, ночная темнота со всех сторон окутывала судно, а в камбузе на шахматной доске ещё шли ожесточенные боевые действия между мной и коком. Пешки мои наступали сомкнутым строем и вот-вот должны были объявить мат королю противника, когда, взглянув в открытый иллюминатор, я увидел над морем огненное зарево. Оно полыхало у горизонта, то затихая, то снова разгораясь и ярко освещая густые клубы черного дыма.

— Пожар! — воскликнул я, показывая на зарево.

— Ах, какое несчастье! — заохал кок, подбежав к иллюминатору. — Это же пылает маяк! Пожар на маяке, что может быть хуже... Да ещё на каком! На самом замечательном из всех маяков!

— Может быть, огонь удастся затушить? Пламя как будто стихает...

— Сомневаюсь, — произнес кок.

И, словно подтверждая его слова, зарево вспыхнуло с новой силой... Трудно было оторвать глаза от тревожного, но красивого зрелища.

— А тебе известно, Захар, почему этот маяк самый замечательный?

— Нет, — признался я. — Не известно.

— По многим причинам, юнга. Во-первых, его сигнальные

огни указывают путь мореплавателям уже несколько тысячелетий. Во-вторых, он не только помогает определить местонахождение судна, но и оповещает моряков о состоянии погоды, о направлении ветра. В-третьих, на нём нет маячных смотрителей: никто не следит за его световым устройством, не проверяет исправность его механизмов. Наконец, в-четвертых, и это самое существенное, человек даже никогда не был внутри этого маяка!..

Пришлось призадуматься... Конечно, есть маяки-автоматы, на которых с заходом солнца прожекторы вспыхивают как бы сами собой и горят всю ночь, пока их не выключит заря нового дня. Конечно, если требуется, то механизмы могут вращать прожектор, и тогда его свет становится мигающим. Но чтобы существовал маяк, исправно действующий несколько тысяч лет, да к тому же без присмотра человека? Нет, это невозможно, это вранье!

И я вежливо высказал коку свои сомнения.

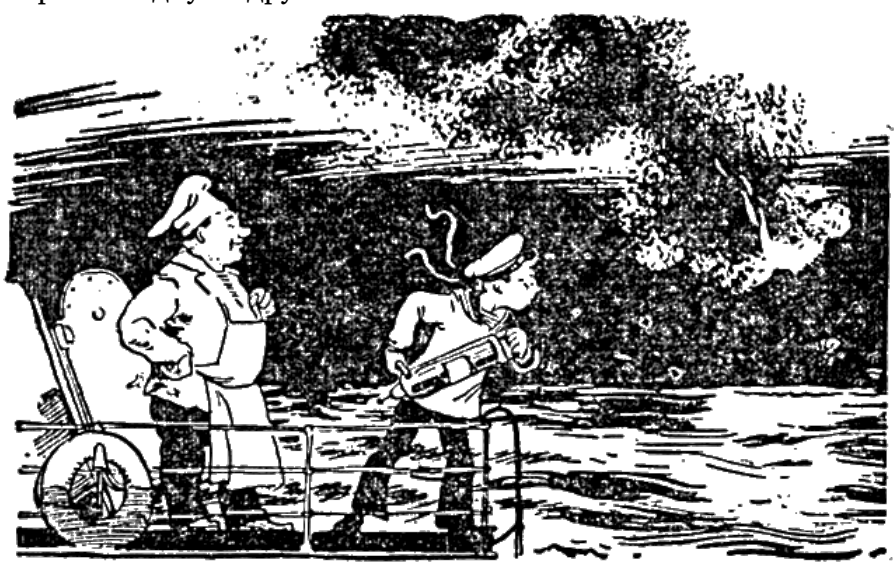
— Клянусь, юнга, что всё сказанное — чистейшая правда. Многое кажется нам чудесным, но это вовсе не значит, что оно не существует...

— И такой чудо-маяк сгорит в пламени пожара!.. Это будет тяжёлой потерей для мореплавателей...

— Не беспокойся, Захар, дотла не сгорит. А так как помешать огню не в наших силах, давай спокойно сражаться дальше. Ты, кажется, угрожаешь моему королю?

Но о каком спокойствии можно говорить, когда в море происходит такая катастрофа!

Мысли мои были у пожара, что-то я недоглядел на доске, оставил пешки незащищёнными, и король кока безнаказанно пожрал их одну за другой.



— Спокойной ночи, Захар, — сказал кок. — Отправляйся на койку, безмятежно спи и не думай ни о проигрыше, ни о пожаре.

Я не смог последовать этому бесспорно разумному совету, пошёл на палубу и тревожно смотрел на не затихавшее буйство пламени.

— Отчего бодрствуешь, Загадкин? — окликнул меня капитан, в ту ночь дежуривший на мостике. — Тебе давно пора спать.

— Пожар на маяке... Какое страшное несчастье! — Я показал на зарево, по-прежнему то угасавшее, то снова вспыхивавшее.

— Пожар? Да это же...

И капитан рассказал мне о самом замечательном из всех маяков. Представьте, кок, оказывается, не врал! Было верно и его во-первых, и во-вторых, и в-третьих, и в-четвёртых. А маяк действительно не сгорел в огне, мореплаватели и поныне наблюдают его световые сигналы. Здорово оплошал в ту бессонную ночь юнга Загадкин, и вам теперь понятно, почему я долго размышлял, прежде чем поделиться воспоминанием о пожаре на маяке.

Как мы сварили обед без огня

Наше судно бросило якорь в скалистой бухте, на берегу которой стоял столичный портовый город. В тот день я был свободен от дежурства и охотно принял предложение моего друга, корабельного кока, повидать местные достопримечательности. Он накануне ошпарил руку, и врач запретил ему работать.

Было начало августа, но город находился вблизи Полярного круга, термометр показывал всего 8 градусов тепла, и на тельняшку пришлось надеть шерстяную фуфайку.

Сборы были недолги. Кок сунул в чемоданчик два котелка, прихватил на кухне немного сушеного картофеля и банку мясных консервов для супа, мешочек с манной крупой для каши, и мы вышли на припортовую площадь. У самой остановки автобуса была фруктовая лавчонка. В ней продавали чернику, морошку, бруснику, апельсины и бананы. Продавец сказал, что все эти ягоды и фрукты растут в окрестностях города.

Слова продавца прозвучали странно: апельсины и бананы, как известно, фрукты южные и расти вблизи Полярного круга им словно бы не положено. Однако разобраться в этой странности я не успел — показался автобус, который должен был доставить нас к одной из местных достопримечательностей. Мы купили апельсины и сели в машину.

Спустя короткое время мы были у цели поездки и, выйдя из автобуса, увидели много интересного. Незаметно пробежало несколько часов. Внезапно желудки напомнили нам, что наступила пора чем-нибудь их наполнить. Надо было достать продукты, заняться приготовлением обеда. Я изрядно проголодался и мысленно уже чувствовал вкус пищи во рту, как вдруг кок спросил:

— А спички ты взял, Захар?

Пальцы мои быстро ощупали карманы. Увы, спичек не было...

— Представь себе, и у меня ни спичек, ни зажигалки, —

произнес кок. — Напрасно я бросил курить...

Беда, как всегда, является неожиданно. Будь при мне увеличительное стекло или хотя бы осколок кремня, я бы сумел добыть огонь. А тут, как на грех, ничего...

— Положение безвыходное, — грустно заявил я. — Придется потерпеть до возвращения на корабль.

— Нет безвыходных положений, юнга, — возразил кок. — Я придумал, как сварить суп и кашу без огня. К сожалению, у меня рука на перевязи. Поэтому слушай, Захар, мою команду.

Кок начал командовать, а я тут же выполнял его приказания.

Через двадцать минут суп и каша были готовы. Мы насытились до отвала, а на сладкое съели апельсины.

Не скажете ли вы, где и как мы варили суп и кашу без огня, что мы осматривали и как называется порт, в котором стояло наше судно?

Дальневосточные истопники

После знакомства с молодым ученым, который льды на экваторе нашел, я ещё больше стал уважать ученых, ни за что не упущу случая побеседовать с ними. Потолкуешь о том о сем, глаза на многое откроются, а если повезет, то узнаешь совсем необычные новости.

Именно такие новости дошли до меня во время одного осеннего плавания по морям нашего Дальнего Востока. Побережья этих морей замечательные — красивые, интересные, богатые, — но, что греха таить, довольно прохладные. Тамошним жителям сетовать на жаркую погоду не приходится...

Вообразите поэтому мое удивление, когда, скалывая первый ледок с палубы, слышу такой разговор двух пассажиров:

— Ну, соседушка, едем, значит, в Москву на совещание.

Дело к зиме идёт, декабрь — не лето, думаю немного отдохнуть в столице от нашей жары. Раскалённая почва, признаться, изрядно надоела...

— А я, наоборот, собираюсь в Москве от наших морозов отдыхать. Декабрь, конечно, не лето, это вы правильно подметили, но все же в Москве теплее будет, чем в наших местах. Хотя мы по соседству живем и работой сходной заняты, а стужа мне здорово прискучила...

«Странные соседи: одному жара надоела, другому стужа прискучила! Не иначе, тут какая-то географическая заковыка имеется!..» Взяло меня любопытство. Кончил лёд окалывать, узнаю от помощника капитана, что оба пассажира — научные работники.

Вечерком стучу к ним в каюту, представляюсь, прошу уделить несколько минут для беседы. И вот ведь удача: оказывается, они кое-что слышали о Захаре Загадкине, говорят, что рады ответить на мои вопросы.

— Разрешите спросить, из какой местности едете? — обращаюсь к тому, кто на жару жаловался.

Второй, которому стужа прискучила, занимал меня меньше. Холода на нашем дальневосточном побережье вещь обыкновенная. А вот жарких местностей словно не должно быть. «Не те широты», как говаривал учитель географии в моей школе, когда, стоя у карты, какой-нибудь неудачник искал Сахару или Каракумы за Полярным кругом.

— Из очень горячей, товарищ Загадкин. Почти что из пекла...

«Ой, преувеличиваешь, товарищ научный работник!» Невольно вспомнился мне приморский городок, где мы обоих пассажиров на борт взяли. С неба снег сыплется, на воде ледяные иголки в белую кашу смерзаются... Да и прибыл он из своего «пекла» в ватных штанах и телогрейке!

— И эта горячая местность на нашем Дальнем Востоке?

— Так точно, товарищ Загадкин. Могу заверить, я там свыше года работаю, инженерные изыскания веду. Сами посудите, почва под ногами до ста градусов нагрета! Накалена так, что на одном месте долго не простоишь — подошвы затлеют! Родники из-под земли бьют до того горячие, что над ними пар клубится. Речонки текут, так в них не вода, а крутой кипяток! Не вздумайте купаться

— за секунду ошпаритесь, вся кожа пузырями покроется. Хорошо, что неподалеку холодная река есть, в неё эти кипятковые речонки впадают, и снега лежат, а то бы вовсе пропали от жары. Конечно, у теплой воды свои удобства. Кругом снежные сугробы, термометр тридцать градусов ниже нуля показывает, а мы лезем в воду там, где кипяток малость поостыл. Чем не баня? И бельё стирать удобно — тёплая вода всегда под рукой.

— Какими же изысканиями вы заняты? — Мне уже ясно, из какой местности он едет, однако не понимаю, что там инженерам делать: пекло это без их помощи устроено...

— Электростанцию будем строить...

— На горячей воде?

— Нет, горячей воды не хватит: кипятковые речонки и родники мало энергии дадут. Строим станцию хотя паровую, но необычную — её котельная под землей расположена.

И глубоко?

— Точно сказать не могу. Глубина, на которой вода станет закипать, для нас безразлична. Километром ниже или выше — не

имеет значения... Главное, чтобы пар бесперебойно наверх поступал. К тому же сооружать котельную мы не собираемся — готовую нашли! Отличная котельная, с полным оборудованием!

— Вот это повезло! Но где же вы истопников найдете? Глубоко под землёй у котлов стоять, огонь поддерживать — тяжёлая работёнка! Вряд ли отыщете до неё охотников...

— А мы и искать не будем. Истопники есть, да такие, что за их работу беспокоиться не приходится. Им котельную и поручим, ещё одну нагрузку дадим, — пока они только кипятковыми речками ведают и родниками горячими. Надеюсь, сообразили, о ком или, точнее, о чем я говорю?

Конечно, сообразил! Юнге Загадкину да не сообразить! Но если научный работник шутит, почему и мне не пошутить? Моряки шутку любят...

Сделал я непонятливое лицо, спрашиваю, будто ни о чем не догадываясь:

— А как ведут себя истопники ваши? Не жалуетесь на их работу?

— Истопники безотказные — круглые сутки из года в год работают, ни выходных дней, ни смены не просят, да и в зарплате не нуждаются. Правда, постоянный присмотр за ними требуется: как бы не набедокурили. Безобразничать они иногда любят, но это, пожалуй, простить можно: работенки тяжёлой много, надо ж истопникам душу отвести... Но к ним хорошие смотрители приставлены. Вот мой сосед как раз таким смотрителем работает...

Тот, который на стужу жаловался, поддакивает:

— Верно, бывает балуют истопники. Обычно-то они спокойны, молча трубки свои покуривают — это излюбленное их занятие, — но порой найдет на них, расшумятся, пепел из трубок начнут вытряхивать, камнями кидаться, нередко на людей горячим тестом плескать. Теста этого у них в избытке. Как разойдутся, целыми потоками его выливают. Но мы привыкли за истопниками смотреть, характеры их узнали. За несколько дней наперед угадываем, когда они баловать начнут — куда камня будут швырять, куда тесто выплескивать. Тогда мы окрестный народ предупреждаем, чтобы поостерегся, пока истопники не уймутся. На их горячем тесте мы даже кататься научились. Течет оно быстро, а мы вскакиваем на него, проезжаем несколько километров, пробуем тесто...

— Это что ж, развлечение у вас такое?

— Не совсем развлечение, а катаемся. Доведется быть в наших краях — милости просим в гости. Всё покажем — и истопников, и кипятковые речки, и на горячем тесте кататься

обучим...

Поблагодарил я научных работников за приглашение, беседой с ними весьма доволен остался. Они обо мне слышали, знали, что юнга Загадкин из-за своего любопытства не раз впросак попадал, и решили подшутить надо вшой. Но я их замысел разгадал, не поддался! А вот что под землей готовую котельную для электростанции нашли, что на горячем тесте кататься можно и время буйства истопников за несколько дней угадывать, известно мне не было.

Это и есть те необычные новости, о которых в начале рассказа упомянул...

Гудок над бухтой

Было на редкость чудесное утро, когда мы входили в эту далекую бухту у одного из чужеземных островов в Тихом океане. На берегу бухты среди яркой зелени садов лежал красивый портовый городок. Я с любопытством оглядывал озаренные солнцем опрятные каменные и деревянные дома, чистенькие улицы, бульвар, тянувшийся вдоль набережной.

У бетонной пристани стояли под погрузкой торговые шхуны, поодаль покачивались на воде рыбацкие парусники. Небольшой пляж возле городка был полон детворы. Ребятишки бежали навстречу приливной волне, бросались на ее гребень, и волна несла их обратно к пляжу.

Едва мы пришвартовались и капитан, сойдя на берег, скрылся в пристанском здании, увенчанном вышкой с флюгерами, как над бухтой зазвучал пронзительный, резкий гудок.

Советские корабли — не частые гости в этой далекой бухте. Я подумал, что гудок приветствует появление нашего судна, и с гордостью посмотрел на родной флаг, реявший на корме. Однако голос гудка мне не понравился: в нем было что-то тревожное, раздражающее. Не походил гудок и на сигнал о начале или окончании работы — он длился и длился, будто его забыли остановить.

Прошло немного времени. Капитан снова показался на пристани и торопливо шагал к нашему судну. Назойливый гудок не прерывался. В ушах неприятно звенело, на сердце делалось всё томительней. Какие новости несёт капитан?

Утро было по-прежнему чудесное. На синем небе ни облачка, бескрайный океан, видневшийся за входом в бухту, лениво посылал к берегу мелкие волны.

Капитан поднялся на судно и тотчас приказал сниматься с якорей. Лицо его, всегда невозмутимо-спокойное, было явно озабоченным.

Спустя несколько минут мы уже двигались к открытому

океану. Вскоре последовали нашему примеру и торговые шхуны.

— Что случилось? — спрашиваю у вахтенных. — Ведь мы должны были груз принять?

Вахтенные недоумевают. А что-то случилось наверняка, потому что у нас аврал объявили, всех наверх вызвали. Наперегонки задраиваем люки, очищаем от лишнего палубу, что оставить нужно, крепим канатами к железным кольцам. Похоже, готовимся к шторму, но откуда ему взяться, если небо чистое, ветра нет, океан обычные приливные волны шлёт?

Да и шторм лучше переждать в гавани, чем в разъяренной воде против него бороться...

Урывками поглядываю на удаляющийся берег и вижу, что весь городок словно смятением охвачен. По улицам бегут люди, детей за руки тащат. Из домов выносят узлы и чемоданы, у пристанских складов товары на автомашины грузят. Мы тем временем из бухты выходим, вот-вот будем в океане.

Внезапно вокруг нас возникает необыкновенная тишина, такая глубокая, словно все звуки по команде умерли. Даже шум прибоя исчез. И в этом странном молчании начинается немыслимое: вода бухту покидает! Совсем недавно волна за волной накатывалась на берег, теперь будто отлив наступил. Нет, не отлив: час неурочный, потом уходит вода очень стремительно. Рыбацкие парусники, что на волнах покачивались, уже на гальке лежат, перед бетонной пристанью тоже сухо; пристань как стена над обнаженным дном возвышается...

Минут за двадцать вода на добрые полкилометра от берега отхлынула! Правильно поступил капитан, иначе на суше очутилось бы наше судно.

А необыкновенные события продолжаются: не только из

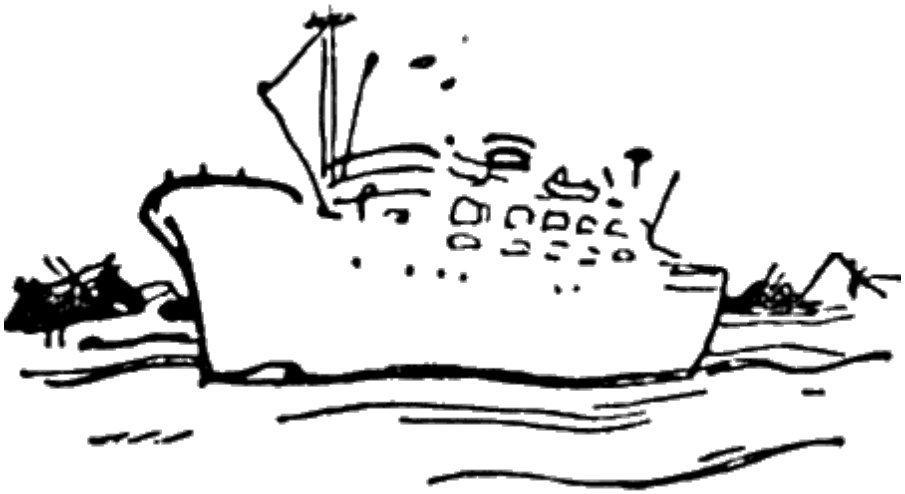
бухты — со всего побережья вода отбегает. Наблюдаю за её бегством, но на душе неспокойно: уж не разверзлась ли в недрах огромная пропасть и теперь в неё тихоокеанская вода ринулась? Мы быстрым ходом идем, однако отошли от берега недалеко. Что, если застрянем на высохшем дне?

Обернулся в сторону океана. Оттуда не волна — зелёная водяная гора с могучим рёвом движется! Во многих штормах бывал, испытывал на море всяческие передряги, но такой волны не встречалось. Сразу мы в глубокую водяную ложбину попали. Скрывать не буду, юнга Загадкин в кубрик удрал: и сам испугался, и приказание было, чтобы ненужных людей на палубе не осталось.

Вознесло наш корабль на гребень гигантского вала, затем как в яму бросило. Конечно, я из кубрика этого не видел, но своими боками здорово ощутил: меня наподобие футбольного мяча от перегородки к перегородке швыряло. Едва это прекратилось, осторожно выглянул на палубу. Оказывается, рановато вылез — первая водяная гора за корму ушла и к берегу мчится, из океана на нас вторая наступает, втягивает в новую ложбину. С гигантскими валами шутки плохи, и юнга Загадкин опять в кубрик на футбольную тренировку поспешил. Там и третий вал переждал.

После третьего вала угомонился океан. Были волны тоже серьезные, но не такие страшные. А небо по-прежнему, точно на смех, чистое. От опасного происшествия в ясную погоду мы ещё дешево отделались: смыло шлюпку с палубы, бортовые поручни снесло, в капитанской рубке стекла вышибло.

Поворачиваем обратно к берегу. Бухта, как ни в чем не бывало, водой заполнена. Пришвартовались на прежнем месте, у бетонной пристани, да нашего груза в помине нет. И справляться о нем напрасно: пристанские склады настежь распахнуты, галькой и песком забиты. Больших бед натворили в городке океанские валы! Вместо каменных домов — коробки без окон, без крыш, без дверей. Деревянные дома вовсе разрушены, всюду беспорядочные груды досок валяются. Бульвар у набережной занесен жидкой грязью, деревья без листвы стоят, у некоторых стволы поломаны. На улицах спасательные отряды работают...



К счастью, гудок заблаговременно дали, оповестили население городка, а то жертв было бы много. Пронзительный, неприятный гудок, но пользу принёс. Этот гудок особенно меня заинтересовал. Океан огромный, родились волны в пустынной местности, за тысячи километров от той островной бухты, напали не на все океанские берега, лишь на немногие... Как же узнали, по какому направлению будут двигаться водяные валы и, главное, к какому часу явятся?

Замечательно действуют ученые: за три часа предупредили портовый городок, что именно к нему разрушительные волны мчатся!

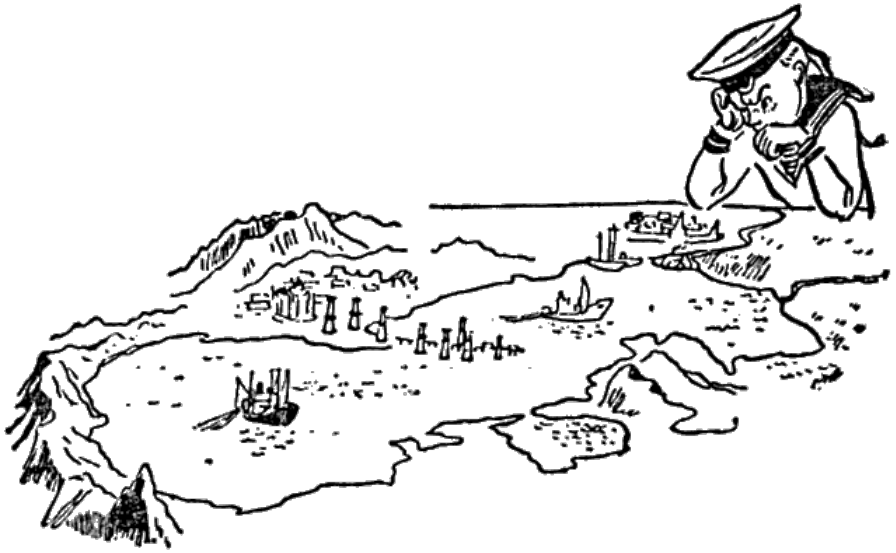
Я решаю судьбу моря

Плавать по нему ещё не приходилось, даже на берегах его не был, но судьбой этого моря озабочен давно.

Большое, хорошее, нужное море. И очень рыбное к тому же, по всему земному шару славятся некоторые породы его рыб. Да вот беда: с каждым годом усыхает оно. Посмотришь на его старую и новую карты — оторопь берет. Иные заливы начисто пересохли, иные от моря песчаная коса отрезала, и им тоже недолго жить осталось. Недавние мели островами сделались, на одной такой мели люди поселились, дома построили. Острова, что недалеко от берега были, превратились в полуострова — ушла вода из проливов, которые их от материка отделяли. Прямо на глазах гибнет море!

Что за напасть приключилась с ним? Говорят, что климат заметно потеплел в тех местах, откуда текут в это море крупные реки. Зимы там укоротились, меньше снегов выпадает, значит, по веснам и талой воды меньше. Кое-кто винит и наших предков, которые по берегам этих рек и их притоков леса повырубали, а потому реки обмелели, маловодней стали. Кое-кто добавляет, что на тех реках много плотин сооружено; забирают люди речные воды для своих надобностей: для полива полей, для заводов и фабрик.

Так ли, не так, судить не мне, А морю плохо, вода в нем все уменьшается. Приуныл я, жаль моря, как бы совсем не исчезло... Каждый раз, как взгляну на карту — не увидеть его нельзя, по размерам оно мало уступит Балтийскому или Черному, — обидно за него делается, но чем помочь морю, не знаю. А ведь оно не чье-нибудь, почти всё — наше, советское, берега четырех братских советских республик омывает.



К счастью, встретился сведущий человек, немного утешил меня: «Не горюй, юнга, не один ты обеспокоен судьбой моря. Многие учёные и инженеры встревожились и думают о его будущем». Дал мне сведущий человек книжки, где о способах спасения моря говорится.

Прочитал я эти книжки. Разное советуют. Одни предлагают прокопать длинный канал, пустить по нему воду из соседнего моря: она, мол, должна самотёком пойти, потому что то море выше лежит. Другие считают, что надо большие южные реки плотинами перегородить, отвести их течение от своих морей и тоже по длинным каналам перегнать в это усыхающее море. Третьи хотят так поступить с северными реками, четвертые — с северо-восточными, пятые — с большой восточной рекой.

Каждый ученый или инженер на своем настаивает, но в одном все сходятся: дело важное, требуется широко его обсудить. Раз так, решил и я в обсуждении участвовать. Перечёл повнимательней книжки, нашел предложение, которое мне особенно понравилось. Почему? Да потому, что если его примут и в верховьях трех рек поставят плотины, то и длинные каналы не надо будет копать. А добавочную воду по дороге к морю можно работать заставить: пусть на всех попутных гидроэлектрических станциях лопасти турбин повращает. Её от этого не убудет, а народу польза.

Изложил на бумаге своё мнение, чертёжик нарисовал и тут же отправил кому следует. Не скрою, лестно мне, что и юнга Загадкин не лыком шит, решает судьбу моря. Теперь жду, как поступят учёные и инженеры, чтобы сохранить это море: по-моему или по-иному?

Словно бы правильное предложение послал, а нет-нет и

усомнюсь: не ошибся ли? Может быть, успокоите мои сомнения?

Море, в котором нельзя утонуть

Я много слышал, кое-что читал об этом необыкновенном море, и все же как-то не верилось ни слышанному, ни читанному: разве может быть море, в котором нельзя утонуть?.. Да при желании, а подчас вопреки желанию утонуть можно в любой речушке, в любом пруду, не говоря уж об озере или море! И вот случилось так, что мне удалось попасть к берегам этого удивительного моря.

Мы стояли в одном из средиземноморских портов, ожидая иностранное судно, чтобы передать ему часть груза из наших трюмов. Иностранец опаздывал на трое суток, и кто-то из команды предложил совершить экскурсию к берегам моря, о котором идёт речь: оно находилось недалеко от места нашей вынужденной стоянки.

Желающих повидать море нашлось много, но поехало лишь четырнадцать человек, ровно столько, сколько мог вместить нанятый нами автобус. В число счастливцев попал и я. Вечером мы сели в машину, а к рассвету были у цели экскурсии. До чего же унылыми и безрадостными оказались берега моря! Мы увидели песчаную низину, покрытую невысокими холмами. Кое-где росла чахлая трава, клонился на ветру сухой тростник. Отражая луч солнца, сверкали пятна соли, то большие, как озерки, то мелкие, точно россыпь битых стекляшек. В отдалении темнели красно-коричневые горы с голыми морщинистыми склонами.

Голубоватая морская вода блестела наподобие зеркала, казалась совершенно неподвижной и словно бы ничем не отличалась от воды любого другого моря. При взгляде на её спокойную гладь мне внезапно пришла дерзкая мысль — рискнуть собственной жизнью ради торжества науки и попытаться утонуть там, где, по заверениям всех путешественников, это было

невозможно. Мне представилось, как в научных книгах и школьных учебниках будут писать, что единственным человеком, которому удалось утонуть в этом море, был юнга Захар Загадкин. И мечта о великой славе вскружила мне голову.

Притворившись сильно утомленным от ночной поездки в автобусе, я заявил товарищам, что намерен немного отдохнуть и полежу в тени одного из прибрежных холмов. Встревоженные товарищи тут же захотели оставить со мной нашего доктора, и пришлось потратить немало слов, чтобы отговорить их от такого намерения. Подождав, пока спутники скрылись за холмом, а их голоса постепенно смолкли, я начал приводить свой замысел в исполнение.

Не спеша разделся, аккуратно сложил одежду, перевязал се ремнем, а затем сел писать записку, в которой объяснял свой поступок. «Захар Загадкин погиб во имя науки», — заканчивалась записка.

Когда все было готово, а поверх свертка с одеждой укреплена форменная фуражка, я с разбегу кинулся в море. Оказавшись на достаточной глубине, лёг на спину и неожиданно почувствовал себя почти невесомым: море так хорошо поддерживало меня, что я забеспокоился — утонуть будет, пожалуй, действительно не просто...

Я попробовал поплавать и с удивлением убедился, что, несмотря на силу, с какой поддерживала тело странная, хочется сказать — густая вода, плавать было очень трудно. Каждое движение требовало усилий, будто руки и ноги ударяли не по жидкости, а по чему-то твёрдому, напоминающему доску. А резкий шлепок даже вызывал боль.

Бросив прощальный взгляд на берега, мысленно пожав руку товарищам, я окунулся в голубую глубину с намерением больше не возвращаться из нее. Однако не тут-то было: какая-то неведомая сила мгновенно вытолкнула меня из воды, как пробку!

Первая попытка окончилась неудачей. Но разве юнга отступает перед трудностями? Я сделал вторую попытку утонуть, потом третью, четвертую, пятую... Увы, неудача следовала за неудачей. Море продолжало выбрасывать меня: подвиг Захара Загадкина был ему не нужен! Борьба с густой, вязкой водой изрядно утомила меня, я запыхался и тяжело дышал. Не оставалось ничего иного, как смириться перед природой, признать себя побежденным и выйти на берег...

Так я и поступил. Но как жестоко меня наказало море за попытку опровергнуть утверждения науки! В глазах отчаянно жгло, в носу и ушах тоже. Все тело, от подошв до макушки, покрылось липким, жирным на ощупь налетом. Во рту была нестерпимая горечь. Жжение все усиливалось, и я не знал, что предпринять. К счастью, поблизости текла река, впадающая в море. Я бросился в ее мутные струи, долго смывал с себя противный налет, но смыть полностью не смог.

В каком жалком виде застали меня товарищи! Красные, воспаленные глаза, слипшиеся комками волосы...

Так печально окончились мои попытки утонуть в море, в котором нельзя утонуть.

Пресная или солёная?

Были у нас на корабле два приятеля-земляка. До флотской службы они друг друга не знали, хотя жили почти по соседству: один на юго-западном берегу озера, второй на северо-восточном.

Как примутся они говорить о родных местах, хочешь не хочешь, а заслушаешься. То помянут, другое, третье, и всё с любовью! Поверить им — нет в нашей стране уголка лучше, чем озерные берега, откуда земляки на флот явились. Я тех берегов не видел, может быть, они не так замечательны, как оба приятеля их описывали, но дело понятное: каждому дороги места, где протекли его детские и юношеские годы.

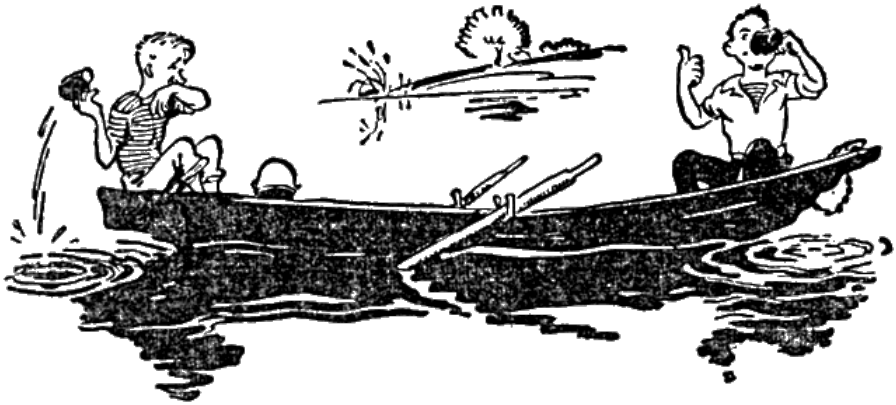
Особенно хвалили земляки свое озеро. И большое оно, и разной рыбой и плавающей дичью богато, и вода... Вот из-за его воды как-то разгорелся у них спор, да такой яростный, что едва до ссоры не дошло. А ведь дружили так, что, казалось, водой не разольешь.

Начался спор с пустяка. Вспоминали они, как на диких уток с лодок охотились. Один и скажи:

— Вода в нашем озере хороша. Черпнёшь её ведерком, пей в свое удовольствие: правда, желтоватая, но вкусная, почти сладкая...

— Ну, насчёт сладости ты напрасно, — возражает второй. — Какая у нее сладость? В рот не возьмешь: горька, словно морская... И вовсе она не желтоватая, а бирюзовая.

Слово за слово, доспорились до хрипоты, а столковаться не могут. Каждый на своем стоит: один утверждает — желтоватая, второй — бирюзовая, один доказывает — пресная, второй — солёная!



Покраснели оба, надулись, как индюки. Я уж думал, навсегда расстроится у них дружба, да вовремя на помощь им пришел: сообразил, возле какого озера они жили. А того озера мне вовек не забыть — в пятом классе из-за него на уроке опозорился! Потому и о его воде тоже зарубка в памяти осталась. Объяснил землякам, в чём дело, они тут же помирились.

— Видишь, я был прав! — говорит один.

— Вижу, я был прав! — отвечает другой.

Странное плавание

Это плавание началось по-обычному, и ничто не предвещало, что оно окажется таким странным. Мы покинули Архангельский порт и вскоре были в холодных полярных водах. Стояла летняя пора, и солнце почти не спускалось за горизонт.

Нередко мы видели тюленей и моржей, а на берегу пустынного островка я даже заметил семью белых медведей. В трюме мы везли новенькие токарные станки. Их надо было сдать в одном из северных морских портов, а оттуда взять пиленый лес.

Плавание длилось сравнительно долго. Но вот однажды мы подошли к губе — устью широкой реки. Где-то поблизости должен был находиться порт. Я ждал, что с минуты на минуту покажутся его причалы, но время бежало, а они всё не появлялись. Тогда-то случилась первая странность. Порта на побережье не было, а капитан не задумываясь повёл корабль вверх по течению реки.

День следовал за днем, берега реки сближались, а мы продолжали уходить от моря. Вода за бортом из солёной стала пресной, изменила свой зеленоватый морской цвет на светло-желтый речной. Вдоль берегов теснились горы, росли сосны, лиственницы, ели, а порта все не было.

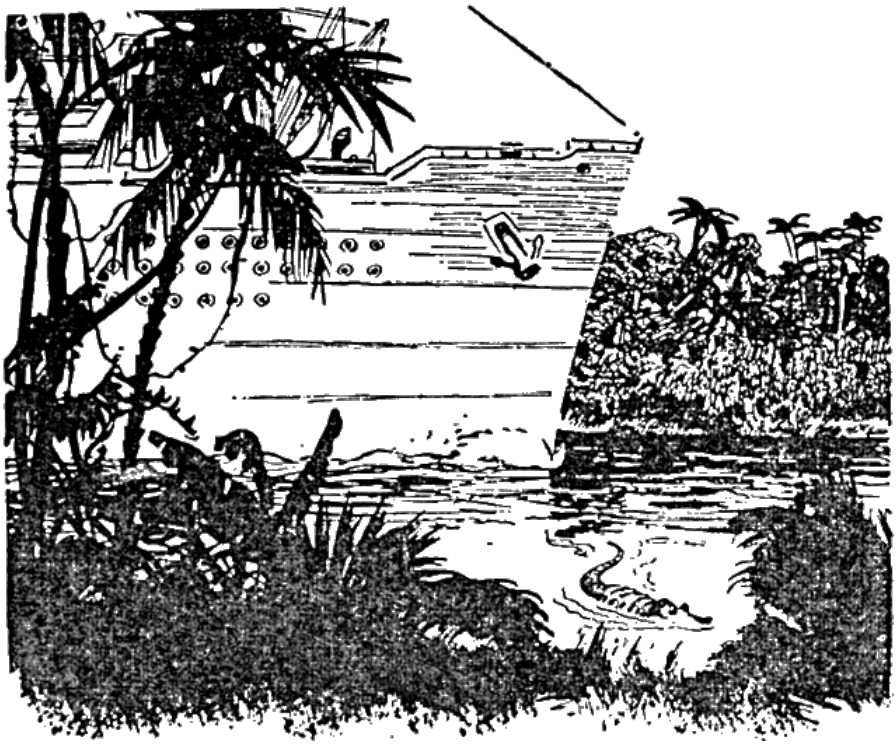
Изумление моё не имело границ. Да и кто бы на моем месте не изумился: большой океанский корабль плыл в глубь материка!

Наконец мы добрались до порта. Он оказался почти в семистах километрах от устья реки!

Мы выгрузили станки, взяли пиленый лес и отправились в дальнейшее плавание. Снова за кормой остались воды многих морей, в попутной чужеземной гавани мы сдали древесину, а затем, выйдя на океанский простор, подошли к самому экватору. Там в одном из портов следовало забрать натуральный каучук.

Мы находились совсем в другой части света, но надо ж было так случиться, что и на этот раз нужного порта не оказалось на

берегу океана! И опять капитан повел судно вверх по течению очень широкой реки. Вдоль ее берегов тоже зеленели леса, но уже не хвойные, а тропические: в них росли пальмы, фикусы, лавры, мимозы...



После нескольких дней плавания мы увидели порт, где нас ждал каучук.

Этот морской порт отстоял от моря более чем на полторы тысячи километров! Так наш океанский корабль второй раз заплыл далеко в глубь материка.

Вы думаете, кончились странности плавания, о котором я рассказываю? Нет. Погрузив каучук, мы спустились той же рекой до ее устья, затем пересекли два океана и ещё несколько морей.

Мы подошли к суше, но и тут нужного нам порта не оказалось на побережье. И в третий раз капитан повел судно вверх по реке. Мы поднялись против ее течения до морского порта, который находился почти в девятистах километрах от моря! Там мы сдали каучук, погрузили в трюм рис, хлопок и наконец повернули к родным берегам.

Путешествующая деревня

Корабль, на котором я плаваю, перевозит не только грузы, но нередко и пассажиров. Года четыре назад, во время рейса вдоль побережья Индостана, нам довелось перевезти из Бомбея в Карачи группу туристов-афганцев. После кратковременного путешествия по Индии они возвращались через Пакистан к себе на родину.

С одним туристом, молодым учителем из небольшой афганской деревни, я успел познакомиться. Оба мы говорили по-английски, и мне удалось кое-что узнать о его жизни. Он был беден и, конечно, никогда не мог бы мечтать о туристской поездке в Индию, если б не счастливый случай. Он выиграл по лотерейному билету немного денег и поехал посмотреть страну, которая его очень интересовала.

Прощаясь со мной в Карачи, новый знакомый обещал написать письмо о том, как он добрался до своей деревни. На письмо я ответил, и между нами завязалась переписка. Как-то, перечитывая его письма — а у меня их скопилось десятка полтора, — я обратил внимание, что на одних конвертах наклеены афганские почтовые марки, на других — иранские.

Это смутило меня. Я хорошо знал, что молодой учитель живет по-прежнему бедно, порой отказывая себе в самом необходимом, и на поездки в страну, хотя бы и соседнюю, средств

у него нет. В очередном письме я задал вопрос, как он ухитряется путешествовать без денег.

«Путешествовал вовсе не я, — вскоре ответил учитель, — путешествовала... деревня, в которой я живу. Случилось так, что школьный домик, где я обучаю детей и квартирую сам, а также хижины всех моих односельчан и даже их поля, оставаясь на месте, совершили путешествие из Афганистана в Иран, а потом вернулись обратно. Поэтому часть писем было удобнее сдавать не афганской, а иранской почте».

Вот так история! Путешествующая школа, путешествующие хижины и поля, путешествующая деревня...

Я не верил собственным глазам, когда читал эти строки. Может быть, не так понял написанное по-английски? Обратился со своими сомнениями к капитану, но тот подтвердил, что перевод верен. Так я узнал, что есть на земле деревни, которые, оставаясь на месте, в то же время путешествуют вместе со всеми жителями из одной страны в другую!

Дон Иванович

Как-то после ужина собрались в кубрике корабельные знатоки географии, стали друг друга разными вопросами удивлять.

— Кому известно, товарищи, куда Волга впадает? — спросил кок. Все засмеялись, какой легкий вопрос задан, хором отвечают: «В Каспийское море!» Правда, один начал доказывать, что по Волго-Донскому каналу толика волжской воды Азовскому морю перепадает, но этого знатока тут же уличили в невежестве. По каналу не волжская вода Азовскому морю перепадает, а донская — Каспийскому. Да и очень мало этой воды, упоминать о ней не стоит.

— А по-твоему, Захар, куда Волга течёт? — спрашивает кок.

— В Мексиканский залив, — отвечаю.

Знатоки опять засмеялись, но кок этот глупый смех немедленно оборвал:

— Зря смеетесь, товарищи, юнга правильно говорит. Есть в такая Волга, что в знаменитую американскую реку Миссисипи впадает. По Миссисипи воды той Волги в Мексиканский залив текут.

Надо вам сказать, что реками я с малолетства интересуюсь, хотя и не так сильно, как морями. Сколько рек по имени знаю, даже перечислить трудно! Три арифметические тетрадки названиями рек заполнил. Решил я окончательно посрамить знатоков, обращаюсь к ним с такими словами:

— Разрешите узнать, а куда Дон впадает?

— В Азовское море! — кричат в один голос.

— А ещё куда?

Замялись корабельные знатоки, никто не может ответить. Помолчали, просят меня открыть им донской секрет. Ладно, думаю, сейчас я вам научный доклад сделаю. И начинаю примерно так:

Река Дон — хитрая река, течет в разные моря, кому как нравится. Французы заявляют, что вода Дона в Бискайский залив попадает, индусы говорят, что она Бенгальскому заливу достается, канадцы — озеру Онтарио. Шотландцы уверяют, что Дон несёт свою воду в Северное море, их соседи англичане не возражают, но расходятся во мнении насчёт устья Дона. Шотландцы считают, что оно вблизи города Абердина находится, а англичане не согласны: нет, вблизи города Донкастера! А между обоими городами — добрых двести пятьдесят километров!..

Откровенно признаюсь: не удалось мне закончить научный доклад. Прервали его слушатели, загоготали наперебой, заухали на все голоса, рожи корчат, на меня пальцами показывают. А я терпеливо жду, пока этот немыслимый шум прекратится: «донской вопрос» мною хорошо изучен. Помню, ещё в школе у доски о Доне подробно рассказывал. Наш учитель, на что любил меня, и то замечание сделал: «Ты, Загадкин, шутовство в классе не устраивай, отвечай, как в учебнике написано!»

Когда знатокам надоело шуметь, они на меня накинулись:

— Не может быть, чтобы одна река в разные заливы, озера и моря впадала! Запутался ты! Куда же, по-твоему, Дон течёт?

— Я человек русский. Наш Дон к Азовскому морю бежит. Для меня он самый главный, народ неспроста его по батюшке величает — Доном Ивановичем!

Опять шум поднялся. Знатоки географии кричат, что река отчества не имеет, хотят биться об заклад, что я им сказку сочиняю. А мне что: об заклад так об заклад! Ударили мы по рукам, и тогда я спокойно объяснил, почему Дон по батюшке величают, причём не Петровичем, Кузьмичом или Данилычем, а именно Ивановичем. А напоследок дал знатокам адрес, по которому они в справедливости остальных моих слов убедиться могли. Всей толпой пошли по этому адресу и уверились в правоте юнги Загадкина.

А у меня выигранные на спор вещи остались: ножик перочинный, записная книжка да та раковина-тридакна, о которой я упомянул, рассказывая о незадачливых строителях островов.

Медная пластинка

Почти у всех ребят есть маленькое собрание чем-либо интересных или памятных предметов. У одних — речные ракушки, чертов палец, обкатанная морской водой галька, камешек с золотистыми крапинками, а то просто красивый фантик — обёртка от конфеты или шоколадки. У других — марки с изображением космонавтов и космических кораблей, спичечные этикетки, открытки с видами городов, иностранные или старинные русские монетки...

У меня тоже хранится всякая всячина. Среди этой всячины особенно дорога мне тонкая медная пластинка с нацарапанными словами: «Спасибо, Захар!» Особенно дорога, хотя с ней связано происшествие, не совсем для меня понятное.

Несколько лет назад я гостил у бабушки в одном из степных районов нашей страны.

Там работали отряды изыскателей полезных ископаемых, а трое молодых геологов даже снимали комнату в бабушкином доме.

Я подружился с ними, по утрам кипятил для них чай, вечером приносил парное молоко и допоздна, пока им не надоедало, занимал рассказами о своих приключениях.

Мои новые друзья любили цветы, и я почти каждый день ставил на стол свежие букеты.

Геологи вставали рано утром, брали с собой молотки, зубила, прочее снаряжение и уходили в соседнюю холмистую степь с редкими рощицами и кое-где разбросанными озерами. Приглашали с собой и меня, но мне больше нравилось бродить по степи и собирать цветы.

Геологи называли своего старшего Капитаном.

Как-то вечером, рассматривая очередной букет, Капитан заметил:

— Занятные цветы ты притащил сегодня, странного, весьма странного густо-синего оттенка... Я видел, твоя бабушка стирала, ну-ка, признайся, помогал ей и заодно с бельем подсинил букет?.. Ты ведь выдумщик, Захар...

— Что вы, Капитан, — обиделся я. — Кто же подсинивает цветы? Я нарвал их у дальних озер, в балке, где родничок бьет. Хотите ещё принесу?

— В какой балке? — переспросил Капитан.

— Я же сказал: у дальних озёр, километров пятнадцать отсюда будет... Пойдете к этим озерам, за березовой рощей сверните с дороги влево, а потом низом по балке до самого родничка...

— И много там таких цветов?

— Порядочно. В балке и маки растут, но я их не трогал.

— А маки какие?

— Обыкновенные, разве что с сизоватым отливом...

— Тебе известно, как называются цветы в букете?

— Нет, я ведь не ботаник, а географ-любитель...

— Жаль, одностороннее у тебя образование... Ну, да все равно, спасибо за адрес, Захар. В воскресенье отправимся к родничку, проверим твои слова... Может быть, пойдешь с нами?..

Но пойти не удалось: в воскресенье я должен был уезжать.

А недавно получил от Капитана письмо:

«Привет, Захар! Случайно услышал тебя по радио; рад, что ты жив и здоров. Помнишь свои букеты? Они оказали нам добрую услугу, помогли отыскать ценное рудное месторождение. Советую нас поздравить: за находку мне и моим товарищам выдали премию. Твоё усердие я не забыл и посылаю в подарок медную пластинку; она выплавлена из руды, которую начали добывать в местах, где мы работали и с тобой познакомились».

О моей тётке и её карасях

Есть у меня тётка-старушка. Тётка как тётка, старушка как старушка. Не стоило бы рассказывать о ней, не живи она одно время в местности очень уж любопытной: поверите ли, на дне морском! Избушка у неё там стояла, с виду неказистая, а внутри уютная, чистенькая.

Не подумайте, что тетка моя русалка или сирена морская. Пи русалок, ни сирен, как известно, в природе нет, я первый могу в этом вас заверить. Несколько лет жила тетка на дне моря и на судьбу не жаловалась, от теткиных соседей по дну таких жалоб тоже никто не слышал. Да на что бы им жаловаться? Правда, заливало их иногда, особенно по веснам, зато рыбы достаточно, а для рыбной ловли у них сети были. Выращивали и подходящие к той местности растения. Словом, жили неплохо. Многие до того привыкли ко дну морскому, что порой забывали о необычном своем положении. Дети дошкольного возраста и не знали о нем. Ну, я-то, конечно, хорошо знал — с малолетства интересуюсь географическими странностями.

Помню, ещё до поступления на флот как-то навестил старушку. Обрадовалась она моему приезду, угостила замечательно вкусными карасями в сметане.

— А караси откуда, тётушка? — спрашиваю, а в душе посмеиваюсь: карась ведь рыба не морская...

— А у нас тут особый ставок есть, пруд — по-вашему, по-городскому. Как раз позади моей избушки, в нем и разводим карасей. Мне же за ними присматривать поручено.

Надолго запомнились тёткины караси, так вкусны были.

Уехал я. Плаваю по всем морям-океанам, нет-нет и подумаю о тетке: как-то живется старушке на дне морском?

Прошло года три. Подоспел очередной отпуск, поезд везет меня в родные края. По пути решаю к тетке заглянуть. Широко

разлилось ее море, ой как широко! Волны по нему ходят, белые барашки накатываются на берега, чайки над водой летают... А там, где теткина избушка стояла, корабль плывет, покачивается на волнах.

Всё же удалось разыскать тётку. Оказывается, переселилась старушка на морской берег. Построили ей новый дом, хороший, со старым не сравнишь. Встретился с теткой, рассказывает она, как переезжала со дна моря. Потом вынимает из печи сковороду. Опять у тётки караси в сметане!

— А эти караси откуда?

— Оттуда же, Захарушка, из ставка. Когда переселялись со дна, карасей с собой прихватили. Тут, за мыском, для них новый ставок вырыли. Я за ними по-прежнему и присматриваю... Даже медаль за карасей получила...

Вот какая у меня тетка! Даром что старушка, а такие переезды совершает, да ещё медали зарабатывает. Жаль только, что теперь на берегу живет, — нет у меня больше тетки на дне морском, не могу этим похвалиться...

Река, текущая туда и сюда

В тот раз, когда ездил к тетке, что медаль за разведение карасей получила, на обратном пути навестил ее племянника, а моего двоюродного братца и ровесника. Он жил со своей семьей неподалеку от теткиного моря, у берега одной впадавшей туда речки.

Провёл с братцем около недели. Целыми днями мы разные состязания устраивали. В лес пойдем — соревнуемся, кто больше грибов или малины соберет, в поле направимся — тоже спорим, кто больше различных бабочек и жуков наловит. Откровенно скажу, что в этих лесных и полевых промыслах он довольно легко выходил победителем. Обидно, но ничего не поделаешь: я — человек морской, он — сухопутный, все грибные места и малинники наперечет помнит, знает, на каком иоле какие бабочки или жуки водятся. Предложил братцу бежать наперегонки — и тут победа ускользнула: голова в голову пришли к финишу. Пробовали тяжесть на спор поднимать — опять не удалось свое превосходство доказать: одинаковую тяжесть подняли. Как ни пыжился, а большую силу выжать из себя не смог.

К счастью, в эти неприятные минуты я заметил, что к речному берегу обыкновенная лодка причалена. Ну, думаю, сама судьба знак подает, и предлагаю в гребле соревноваться. Братец соглашается. Договорились так: сперва он поплывет к мыску на реке, что примерно в километре от лодки был, потом я. Кто это расстояние быстрее пройдет, тот и победителем будет.

Засекли время, вскочил братец в лодку и прилежно веслами заработал, Обращается с ними неплохо, но до меня, конечно, ему далеко. Добрался братец до мыска, прыгнул на землю, оттуда руками как одержимый машет. Опять засекаю время: двенадцать минут ему понадобилось. Лег на берег, спокойно жду, пока

братец с лодкой вернется и наконец-то наступит моё торжество, — в гребле юнгу Загадкина трудно превзойти.

Подошла моя очередь. Лезу в лодку, начинаю по всем правилам веслами работать, жму что есть мочи. Минута бежит за минутой, гребу великолепно, сам на себя любуюсь. Вот и мысок!

Высадился, тоже замахал руками, да что радости, если плыл не двенадцать, а пятнадцать минут! С досады не стал и в лодку садиться, берегом обратно поплелся. Настроение, сами понимаете, прескверное: в водном соревновании морской юнга перед сухопутным парнишкой опозорился.

А двоюродный братец навстречу идет, притворными словами утешает, Но чем утешишь в таком разочаровании? До того стало грустно, что решил эту злополучную речку немедленно покинуть...

— Очень огорчился, Захар? — спрашивает братец. — Если очень, то напрасно. Я тебе один секрет открою. Ты о нем не подозревал, а я им воспользовался...

— На что мне твой секрет? Я человек мужественный, неудачи

умею переносить и в утешении не нуждаюсь.

— Моё утешение не простое. Когда к мыску плыл, ты против течения грёб?

— Конечно, против. Разве сам не знаешь?

— То-то и оно, что знаю. А ведь я к мыску по течению плыл!

— Как — по течению?

— Очень просто. Наша речка и туда и сюда течёт, в разное время по-разному. А часто никуда не течёт, свою воду на месте держит. Я грёб, пока течение к мыску шло, а ты — когда оно вспять повернуло, потому тебя и обогнал. Не знал бы секрета, не стал бы с морским юнгой в гребле тягаться...

На другой день показал братец этот речной секрет. Мы даже наглядный научный опыт сделали. Нащепали лучинок, бросили их в воду. Они сначала к мыску поплыли, однако вскоре вернулись, немного покружились перед нами и опять к мыску двинулись. Ну и фокус! Если бы своими глазами не видел, ни за что не поверил бы, что есть речки, у которых вода то в одну, то в другую сторону течет, а в промежутках вовсе без движения стоит.

Остров Захара Загадкина

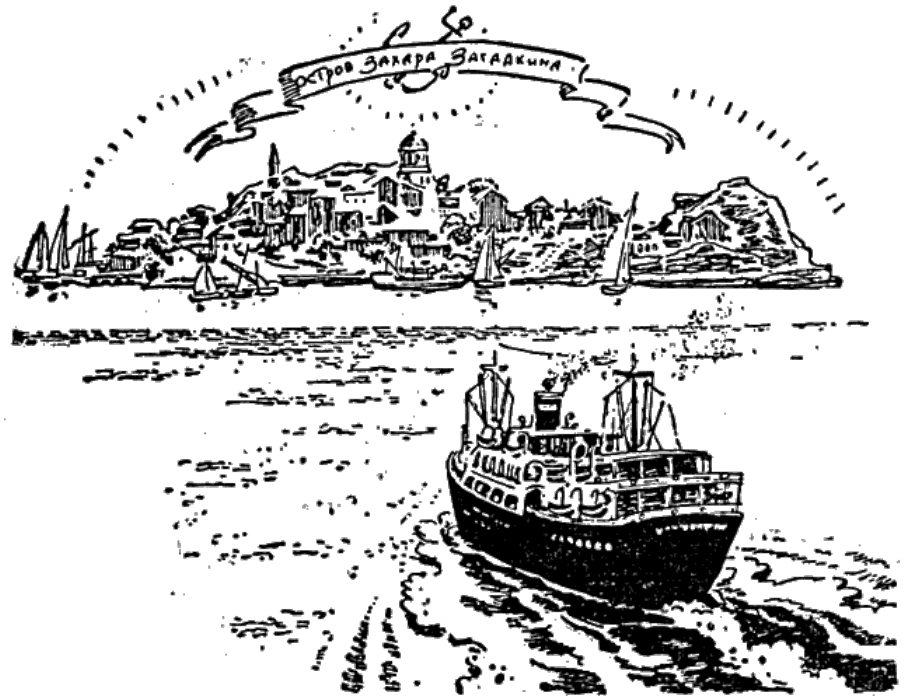
Кто из нас в детстве не мечтал или не мечтает открыть новый, не известный географам остров? Как заманчиво быть первым человеком, увидевшим посреди океана неведомый клочок суши, первым высадиться на него, водрузить флаг своей Родины! Мечтал да, признаться, мечтаю о том и я.

Как ни печально, но в наше время такие мечты неосуществимы. Все острова уже открыты мореплавателями и давным-давно нанесены на карту.

А «Остров Захара Загадкина»?» — спросит читающий эти строки. Вот о нём-то и будет рассказ.

Поздним вечером мы снялись с якоря в Неаполе и вышли в Тирренское море, взяв курс на юго-восток, к Мессинскому проливу. В тот памятный вечер я вызвался на ночное дежурство, потому что хотел ещё раз посмотреть знаменитый вулкан Стромболи.

Ночь близилась к концу, когда справа по борту в предрассветной синеве вырисовались контуры этого похожего на огромную каменную пирамиду острова-вулкана. Стромболи «работал», как всегда, неутомимо. Время от времени клубы серого пара, поднимавшегося из кратера, озарялись снизу огненно-красным пламенем. Затем зарево постепенно бледнело, чтобы снова ярко вспыхнуть спустя несколько минут. Казалось, в море действовала исполинская печь. Это было поистине замечательное зрелище.



Тирренское море знакомо человеку с незапамятной поры. В наши дни все берега этого моря, все его острова и островки отлично известны, изучены и описаны.

Не раз доводилось плавать Тирренским морем и мне. Почти все попутные острова я знал не только по местоположению, но даже по внешнему виду. Вообразите же мое удивление, когда вскоре после восхода солнца неожиданно показался слева у горизонта большой остров, окутанный легчайшим маревом тумана и как бы висящий в воздухе над морем. Почему неожиданно? Да потому, что между Стромболи и южным побережьем Италии больших островов нет. А тут явственно виднелся гористый берег, а на нём каменные дома, башня с круглым куполом, рыбацкие парусные лодки у причалов... Вода, как зеркало, отражала постройки и лодки.

«Что за чудеса? — подумал я. — Откуда в этих местах взяться острову, да ещё с городом на побережье?..»

Утро было на редкость ясное и спокойное. В небе ни облачка, в воздухе ни ветерка. Казалось, природа ещё не пробудилась от ночного сна. Дежурный помощник капитана стоял на мостике неподвижно, как статуя, и смотрел прямо вперед. Неужели он ничего не заметил?

Неописуемое волнение охватило меня. Может быть, судьба уготовила юнге Загадкину сделать географическое открытие и он

нашел землю, которой ещё нет на картах?

Я ринулся к мостику, чтобы заявить помощнику капитана о появлении таинственного острова, но вовремя спохватился. Ошибка в научных предположениях недопустима; прежде чем оповещать о каком-либо открытии, следует проверить собственные знания. Круто переменив курс, Я побежал в каюту кока, который накануне купил в Неаполе карту Тирренского моря.

В каюте никого не было. Вероятно, кок уже ушел готовить завтрак. Дрожащими руками я развернул карту. Сердце радостно забилось: никаких островов между Стромболи и Южной Италией на карте не было!

В это мгновение сзади раздался хорошо знакомый укоризненный голос:

— Эх, Захар, Захар...

Я оглянулся. Каюта была по-прежнему пуста.

— Не торопись, юнга, не смеши людей… — произнёс тот же голос.

Тут только я заметил небезызвестного вам попугая Жако. Он качался на жердочке, укрепленной возле койки, и по обычной попугайской привычке повторял слова, часто слышанные от своего хозяина.

«Что ты понимаешь, дурная птица!» — рассердился я и стремглав помчался обратно наверх: надо было спешить — неведомый остров мог скрыться с горизонта,

На палубе все было в порядке. Неведомый остров, как и раньше, виднелся на горизонте. Но теперь сомнений уже не было: юнга Загадкин сделал важное географическое открытие.

Я был вне себя от счастья. Во второй половине XX века увидеть новый, никому не известный остров! И где? В превосходно знакомом мореплавателям Тирренском море. Да ещё какой остров! Не вулканический, внезапно изверженный из земных недр силами природы, а обитаемый, с большим городом на побережье! Интересно, на каком языке говорят жители этого города?..

Мне представилось, как новую землю нанесут на карты, а рядом с точкой, обозначающей дорогой для меня клочок суши, поставят заветные слова: «Остров Захара Загадкина». Имя мое узнает все человечество!

Палуба была ещё безлюдна. Хотелось забить в пожарный колокол, пальцы тянулись к сигнальной веревке, но в последнюю секунду возникло другое решение. С криками: «Все на палубу! Скорей, скорей, открыт новый остров!» — я побежал вниз.

Крики всполошили команду. Один за другим люди

поднимались на палубу.

— Видите, видите? — торжествующе спрашивал я, показывая на горизонт. — Этот остров открыт мной! Это остров Захара Загадкина!

Матросы как завороженные смотрели на открытую мною землю.

Поднялся на палубу и капитан, отдыхавший после вахты.

— Поздравляю, Загадкин, — сказал он, удивленно взглянув на горизонт. Улыбка скользнула по его лицу, и он добавил: — Но зачем так истошно кричать, юнга? Я нигде не читал, чтобы Колумб вопил, когда впервые увидел берега Америки...

— Товарищ капитан, прикажите спустить катер, — попросил я. — И позвольте тоже поехать на берег...

— Немного обождём, — ответил капитан. — На подходах к неведомой суше могут встретиться и неведомые опасности... Благоразумие требует потерпеть несколько минут.

Но за эти несколько минут случилась беда, непоправимая беда...

Мне отчаянно не повезло. Острова моего имени нет на картах, на его гористые берега так и не высадился ни один человек, хотя многие из команды нашего судна собственными глазами видели этот остров, видели городские дома, башню с круглым куполом, рыбацкие парусники у причалов.

Острова Захара Загадкина на картах нет. Что же произошло? Это такая обидная история, что даже не хочется говорить о ней. Может быть, доскажете ее за меня?

Салют в Баренцевом море

Как ни спешили мы попасть в Мурманск к праздникам, а не удалось. Утро 7 ноября застало наше судно в Баренцевом море, вблизи северного побережья Норвегии. И ещё неприятность: надо ж было так случиться, что в ночь на 8 ноября именно мне выпала очередь нести вахту на палубе! Без того невесело встречать праздник на чужбине, а тут даже посидеть вечерком в корабельном красном уголке не придётся...

Ничего не поделаешь, такова служба флотская, а все же на душе тоскливо.

Товарищи утешают, говорят, праздничную радиопередачу, Захар, ты и на палубе услышишь, репродуктор на судне замечательный, никакой шум моря его не заглушит, да и погода стоит спокойная.

Хорошо, конечно, голос Москвы послушать, однако обидно, что праздничного салюта не увижу: телевизора на корабле у нас нет. А я люблю салют смотреть. Очень уж торжественно и красиво лучи прожекторов по ночному небу играют.

Посетовал коку на свою участь, а тот и скажи:

— Знаешь, Захар, наверняка обещать не могу, но кое-что постараюсь сделать. Телевизор не телевизор, а есть у меня другое хитрое устройство, давно работаю над ним. Если к вечеру удастся пустить его в ход, тогда ты и другие товарищи салют увидите. Повторяю: обещать не могу, не все от меня зависит, да и деталей некоторых не хватает...

Что верно, то верно — наш кок известный любитель техники, постоянно что-нибудь мастерит, изобретает. У себя в камбузе он к котлам особые пластинки приладил, от пластинок провод провел и теперь, когда суп или кофе закипают, пластинки сами огонь под котлами сбавляют. Большой выдумщик наш кок. Может быть, в самом деле пустит к празднику свое устройство?..

Наступает вечер. Несу вахту на палубе, слушаю праздничную передачу из Москвы. Немного веселее стало, особенно когда нам, всем плавающим по морям и океанам, привет передали. Незаметно подошло время салюта. Музыка в репродукторе стихла. Раздался бой часов со Спасской башни Кремля, потом донеслись до нас первые залпы орудийного салюта. Сейчас в Москве взыграют прожекторы, взлетят в ночь цветные веера

ракет.

Кончилась пушечная пальба, нет ничего в небе над нами, только звезды в высоте мигают. Досадно, подвело кока его хитрое устройство.

А тут и радио замолчало. Наверное, прервалась связь с Москвой. Только подумал об этом — на горизонте прожекторный луч вспыхнул. Пробежал по небу, за ним второй, третий, четвертый, пятый... И пошло, и пошло! Такая чудесная игра света началась!

Что ни луч, то разным цветом горит — красным, малиновым, желтым, зеленым. Движутся по небосклону струи света, то сходятся в пучок, то разбегаются по сторонам и каждый миг меняют окраску. Только что луч был оранжевым, а стал лиловым, пунцовым, голубоватым, нежно-золотым. Снопы света вытягиваются в длину, потухают, снова заливают пламенем небосклон. Отражая игру огня, меняется и цвет моря — из синего делается сиреневым, розоватым, пурпурным, бледно-жёлтым.

Славно работали прожектористы, удивительно быстро меняли стекла в своих огромных лампах. Внезапно вдоль горизонта развернулась широкая огненная лента и тут же взметнулась высоко вверх. Она изгибалась, точно колеблемая ветром, потом снизу у нее появилась серебристая бахрома, а сама лента стала напоминать занавес. Волнистые складки занавеса растягивались, сжимались, опять растягивались, он горел, искрился, переливался, трепетал и вдруг... рассыпался на тысячи лучей.

И всё исчезло, на темном небе остались только яркие звёзды.

Я был потрясен салютом! Хотел тут же поблагодарить кока, поздравить его, однако усомнился: хоть и большой он выдумщик, а вряд ли такое ему под силу... Всё-таки корабельный повар, а не

великий изобретатель... Впрочем, изобретатели — народ дотошный, от них всего ожидать можно. Ведь многие из них тоже не были известны, пока не прославились первым своим изобретением. Пожалуй, и с нашим коком так будет, если он в самом деле придумал устройство, чтобы без телевизора смотреть салют за тысячи километров, показывать в небе чудесные световые картины. Жаль, что в технике разбираюсь слабо, не решить мне этот вопрос...

Подслушанный разговор

Нехорошо подслушивать посторонний разговор, ещё хуже передавать его, попросту говоря — сплетничать. Мне самому это понятно, да все против моей воли вышло. Забрался я после дежурства в укромный уголок на палубе, книжку раскрыл, как вдруг слышу — товарищи рядом беседуют. Голоса громкие, морские, чужие слова сами по себе в уши лезут, и книжка, на грех, попалась малоинтересная. Поэтому в умышленном подслушивании юнгу Загадкина прошу не винить. Не стоило бы вспоминать о том случае, если б разговор очень занятным не оказался.

Началось с того, что я услышал голос корабельного радиста, такого же выдумщика, как наш кок. Говорит радист с хрипотцой, по ней и определил, кто хозяин голоса.

— Давно это было, я тогда ещё комсомольский значок на своей куртке носил, — рассказывает радист. — В ту пору в нашем городке Горьковской области одна бабка жила, противная-препротивная. Не такая уж старая или немощная была, а работать ни за что не хотела, от любого дела отлынивала, даже самого легкого. За птицей смотреть отказывалась, сторожихой быть не желала. Словом, не бабка, а лодырь. К тому же выпивать любила. Вы спросите, где для выпивки деньги брала? А она целыми часами на церковной паперти сидела, милостыню просила. Что днем соберет, то к ночи пропьет. Кто не знал бабку, подавал монетку-другую — поди угадай, что она пьяница. А от тех, кто с нашей или соседней улицы, поживы у нее было мало.

Помню, сидит она у церкви, разные жалостные слова произносит, а ей, как положено, вежливо отвечают:

— Бог подаст, бабка.

Бабка злющая, огрызается на такой ответ: «Захочет и подаст, вам назло подаст!»

И вот ведь какое необыкновенное происшествие с этой бабкой приключилось. Выходит она ранним утром из хаты, где жила, а по всему её дворику деньги рассыпаны. И всё серебряные! Земля словно после дождя мокрая, монетки тоже мокрые, так повсюду и поблескивают.

Обрадовалась бабка, собрала деньги в мешок, к соседям кинулась, серебро показывает. Соседи ахают, удивляются, а она им одно твердит: «Вот мне и подал бог. Вам, безбожникам, назло

вместе с дождем с неба прислал!» Такую пропаганду божественную развела, что дальше некуда.

Обежала бабка соседей, от них прямиком в магазин направилась, протягивает продавцу свое небесное серебро и вино взамен просит.

Продавец посмотрел на деньги, обратно возвращает: «Не могу монеты принять, у меня их кассир в банке не возьмет: хоть и русские, да не нашей, не советской чеканки».

Те, кто в магазине был, обступили продавца, интересуются деньгами, некоторые на зуб пробуют, не фальшивые ли. Серебро как серебро, но верно, чеканка не наша, царские гербы на нем выдавлены. Прав продавец, не примут монету в банке.

Бабка на своем настаивает, спорит с продавцом, говорит:

— Деньги с неба получены, мне их бог послал, обязаны принять!..

— Значит, ошибся бог, — посмеивается продавец, — либо ангелы в небесной канцелярии напутали. Пожалуй, хлебнули лишнего и не из той кладовой монетки достали...

Шутки шутками, а в городке полный переполох, умов смятение: деньги хотя не наши, но всё же серебряные, притом действительно на бабкин двор с неба упали... После того происшествия трудно стало нам, комсомольцам, антирелигиозную пропаганду вести. Много хлопот было, пока разобрались, в чем дело, и другим разъяснить сумели. А небесные деньги бабка потом в музей сдала, там ей уплатили за них советскими рублями. Куда она те рубли направила, сами догадываетесь...

— И у меня на родине похожее было, только не с деньгами, а с рыбой, — раздается другой голос, заливистый, будто петушиный: так у нас младший помощник штурмана разговаривает. — Поселок наш степной, у станции Целина в Ростовской области расположен. Ни рек, ни озер в ближней округе нет, потому свежая рыба редко у нас бывала. А однажды посыпалась она на поселок из... облаков! Не так чтобы велика рыба, а все же свежая, прудовая. Иные улицы богато завалила. В тот день большое удовольствие поселковые кошки получили.

И пошли рассказы о разных чудесных историях. Один слышал, что где-то лягушки не из болота, а из тучи прыгали, другой о спелых апельсинах, которые наподобие града с неба сыпались. Третий о дожде из раков вспоминает, четвертый — о красном снеге, что в северных местностях выпадает, пятый — о том, как из облаков кровь льется...

Я и позабыл, что у меня книжка в руках, сижу слушаю, слово боюсь пропустить. Всех говоривших по голосам признал — люди солидные, небылицы будто бы не должны сочинять. Однако моряки иногда преувеличивать любят, особенно если о чем-нибудь необыкновенном рассказывают. Вот и разбери, правду говорят или выдумывают. Очень меня это заинтересовало, а спросить неловко. Все они старше меня, как им задаешь вопрос: «А вы, товарищи, не сочиняете?»

Коварный кок

Мы вышли из Одессы во Владивосток. Это было первое моё дальнее плавание, и, готовясь к нему, я ознакомился по карте с морями и океанами, которые предстояло пересечь нашему судну, с портовыми городами, где следовало брать или сдавать грузы. Голова была полна географических названий, и я радовался, что каждое название вскоре превратится в живые картины волн, берегов, причалов, гаваней.

К концу вторых суток пути мы оставили за кормой Черное море и вступили в Босфор — узкий пролив между Европой и Азией. Спустя несколько часов корабль бросил якорь в бухте Золотой Рог, где расположен большой турецкий город Стамбул. Мы быстро сдали часть груза и тут же отправились далее.

— Знаешь ли, Захар, что, прежде чем попасть во Владивосток, мы снова окажемся в Босфоре и снова бросим якорь в бухте Золотой Рог? — спросил корабельный кок, когда мы прошли Дарданеллы и плыли лазурным Эгейским морем.

Я отрицательно покачал головой:

— Неправда, по дороге на Дальний Восток возвращаться в Стамбул мы не будем...

— Будем или не будем — разговор другой, а через Босфор обязательно пройдем, непременно бросим якорь и в бухте Золотой Рог. Не хочешь ли биться об заклад? Ставлю десяток пирожных против коробка спичек, что окажусь прав, — предложил кок, самый завзятый спорщик на нашем судне.

Я не сомневался, что кок шутит, но все-таки ещё раз взглянул на карту. Ну конечно, шутит, хочет посмеяться надо мной!.. И я решительно ответил:

— Давай спорить! Мы ударили по рукам.

Протекло несколько недель. Плавание близилось к концу. Мы шли Японским морем. До Владивостока оставалось менее суток

хода, и я уже ощущал на языке вкус выигранных мною пирожных.

Но, представьте себе, коварный кок был прав! Не возвращаясь к морскому проливу между Европой и Азией, мы снова прошли через Босфор и вторично бросили якорь в бухте Золотой Рог!

Кок взял у меня выигранный на спор коробок спичек и назидательно произнёс!

— Помни, Захар, что из двух спорщиков один всегда ошибается. Поэтому, прежде чем биться об заклад, проверяй свои знания. А теперь марш в камбуз! Угощу не пирожными — сам понимаешь, они тобой не заслужены, — а такой едой, которой Золотой Рог славился издавна, да и теперь славится, хотя многие с непривычки боятся положить ее в рот. Но ты не бойся, еда очень вкусная...

Необыкновенная Европа

Наше судно держало курс из Аравийского моря к мысу Доброй Надежды. Индийский океан был спокоен, и ничто не предвещало каких-либо чрезвычайных происшествий. Однако, когда мы проходили широким проливом между Южной Африкой и одним большим островом, неожиданно произошла серьезная поломка в машинном отделении. Судно остановилось. Механики заявили, что на ремонт им потребуется около шести часов. Это было очень досадно, но помочь механикам я не мог и подумал, что надо воспользоваться непредвиденной остановкой, чтобы хорошенько осмотреть Европу.

Сказано — сделано. С разрешения капитана сажусь в шлюпку, быстро добираюсь до берега и за несколько часов обхожу пешком всю Европу. Впечатлениями от интересной прогулки я вскоре поделился в письме к брату.

«Ну, это беспардонные враки! — возмутился брат в ответном письме. — Ты, Захар, сочиняешь небылицы похлеще знаменитого барона Мюнхаузена. Как можно за несколько часов обойти пешком всю Европу? И разве она находится в Индийском океане, у берегов Африки? Выдумываешь, братец...»

Но я ничего не выдумывал!

Честное слово, я говорил правду. Я и впрямь был в Европе, находящейся в Индийском океане в Европе, которую можно обойти пешком за несколько часов.

Необыкновенная Азия

Вы, конечно, знаете, что Азия — величайшая по размерам часть света: она занимает сорок два миллиона квадратных километров, и на её обширных пространствах расположены земли многих государств.

Хорошо знал это и я, но вот какой любопытный случай произошел во время перехода нашего судна из Владивостока к австралийскому порту Дарвин.

Мы покинули родные советские берега, взяли попутный груз на Филиппинах, а затем направились к Арафурскому морю. К югу от этого моря лежал нужный нам город-порт Дарвин, названный так в честь великого английского ученого Чарлза Дарвина, посетившего север Австралии во время плавания на корабле «Бигль».

Корабль шел как раз над знаменитой Филиппинской впадиной Тихого океана, глубина которой превышает десять с половиной километров. Я стоял на палубе, бесстрашно поглядывая на чудовищную, заполненную водой пропасть под своими ногами, когда услышал за спиной голос корабельного кока:

— Мы плывем к экватору, Захар, и завтра к вечеру должны пересечь его. Знаешь ли ты, что до наступления этой знаменательной минуты тебе посчастливится снова увидеть берега Азии?

— Берега Азии? Нет, это невозможно, они давно остались за нашей кормой...

— Кому невозможно, а кому возможно, — невозмутимо ответил кок. — Больше того: я доверяю тебе, юнга, и потому открою одну из самых сокровенных географических тайн. Да будет ведомо тебе, что Азия отнюдь не материк, как ты ошибочно считаешь, а... острова, построенные кораллами. И еще: от

крайнего севера и до крайнего юга, от крайнего востока и до крайнего запада Азия принадлежит... Голландии! Да, эта маленькая страна ухитрилась подчинить своей власти всю Азию! Что скажешь, юнга? Пожалуй, придется забыть выученное на уроках в школе?..

Кок торжествующе смотрел на меня. Но я знал, что хотя он и не любит привирать, но не прочь подшутить над неосторожным человеком. Поэтому, опасаясь подвоха, я благоразумно промолчал.

И что же? Как ни удивительно, а кок оказался прав. Наступило завтра, и он показал мне на горизонте коралловые рифы и берега Азии.

Я не последовал нелепому совету и не забыл того, чему учился на уроках географии в школе, но в памяти сохранил и Азию, неожиданно увиденную среди экваториальных вод Тихого океана.

Холодная Африка

Туман постепенно редел, но небо по-прежнему окутывала плотная пелена свинцово-серых облаков. Было холодно, дул резкий, пронизывающий ветер. Я стоял на палубе, зябко поеживаясь на ветру, и мечтал о дне, когда подойдет конец этому бесконечному плаванию в неприветливых водах студеного северо-восточного моря.

Туман продолжал рассеиваться, и вдали показались неясные очертания берега.

— Как ты думаешь, Захар, что видим мы перед собой? — спросил корабельный кок, который, зачем-то выйдя на палубу, заметил, что я всматриваюсь в возникающую из тумана землю.

Вы, наверное, помните, что наш кок — мужчина коварный и любит задавать каверзные вопросы. Поэтому, прежде чем ответить, я ещё раз взглянул на приближавшуюся неведомую мне землю.

Многочисленные льдины белели у обрывистого берега, покрытого снегом. Было время прилива, и с моря стремительно бежали волны: ветер срывал клочья пены с их гребней, на наши лица падали колкие ледяные брызги.

— Не вижу ничего особенного, — подумав, ответил я. — Обычная для этих вод картина...

— Ошибаешься, юнга. Как всегда, ошибаешься. Мы на полном ходу приближаемся к... Африке. Не пройдет и получаса, как ты отчетливо увидишь африканский берег.

— Где?.. В этом море?..

— Да, Захарушка. Как ни огорчительно для тебя, но это так. Ты привык думать, что Африка — это зной, пышная тропическая растительность... А не хочешь ли повидать холодную Африку, где климат и растительность такие же, как на Камчатке, а люди по девять-десять месяцев в году не расстаются с ватными брюками и курткой? Разные есть Африки, и тебе, как мореплавателю, не мешало бы это знать, Захар...

Конечно, я не поверил коку. Но, уверяю вас, он опять оказался прав! Я убедился в этом собственными глазами.

Америка в… Азии

Что такое Америка? Думаю, большинство моих читателей без труда ответят на этот незамысловатый вопрос. Я услышу от вас, что Америка — часть света в Западном полушарии, состоящая из двух больших материков: Северной Америки и Южной Америки, соединенных длинным и узким Панамским перешейком. Многие добавят, что открыта она в 1492 году Христофором Колумбом, а названа по имени итальянца Америго Веспуччи, на рубеже XV и XVI веков посетившего и описавшего Новый Свет, как долгое время величали земли, открытые Колумбом на западе Атлантического океана. Так?

Вообще-то так, но вместе с тем и не совсем так. Поэтому, чтобы не попасть впросак, не торопитесь отвечать, если вам зададут, казалось бы, простой вопрос: «Что такое Америка?»

В то плавание, когда в студеных водах далёкого северо-восточного моря я впервые увидел холодную Африку, меня подстерегала ещё одна географическая неожиданность.

Мы покинули неприветливые воды этого студеного моря и полным ходом шли на юг, к новому, великолепному отечественному порту у дальневосточных берегов Азии. Там судно собирались поставить на ремонт, а многим из команды, в том числе мне, дать очередной отпуск. Как ни хорошо в море, а дома все же лучше. И мы с нетерпением мечтали о дне, когда, сойдя на сушу, сядем в поезд, который повезет нас домой.

— До чего медленно тянутся последние часы плавания! — поделился я с коком своими чувствами. — Одно утешение: каждая минута приближает нас к родным берегам…

— Ты хочешь сказать — к берегам Америки?

— Вот уж неуместная шутка! — вспылил я, возмутившись до глубины души. — При чём тут Америка? Мы идем к берегам Азии, а не Америки!

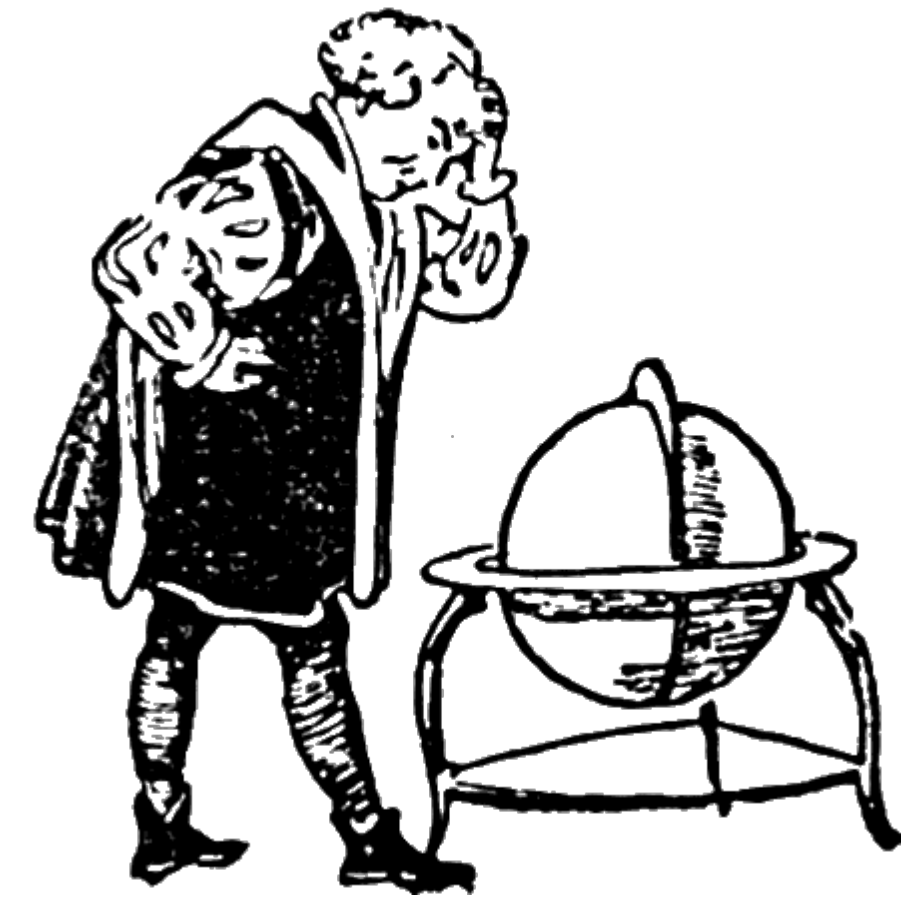
— Шутка? Отнюдь, я говорю вполне серьезно. Не горячись, юнга, ты ведь не раз убеждался, что корабельный кок не бросает слова на ветер. А потому не спорь, не выдавай прискорбного своего невежества...

Как можно не спорить, когда наука всецело на твоей стороне? И всё же «пуганая ворона куста боится», не без основания утверждает пословица. Невольно вспомнились неприятности, постигшие меня с холодной Африкой, с необыкновенной Азией, вспомнилась Европа, собственными глазами виденная в Индийском океане. В географии, решил я, возможны всяческие сюрпризы, и спорить с коком не стал.

И поступил разумно.

Произошло невероятное на первый взгляд событие. Чем ближе подходили мы к берегам Азии, тем ближе делались и берега Америки! Клянусь вам, что это было именно так! И вот наступила наконец минута, когда нежданно-негаданно для себя я нашел Америку в... Азии!

— Хороша находка? — язвительно спросил кок, подстерегавший знаменательную минуту.



Судно как раз обогнуло в то время невысокий мыс, и перед нами открылся вдающийся в сушу залив.

Корабль пересёк залив и направился к удивительно тихой, спокойной бухте. Каменистые сопки полукольцом охватывали ее, подступая к самой воде.

У подножия сопок, как бы врезанный в них, лежал большой город. Над закованными в бетон набережными высились портальные краны. У причалов и на рейде стояли десятки океанских судов.

— Хороша находка? — смеясь, повторил кок.

— Находка замечательная, — согласился я.

Что можете вы добавить к моему рассказу, и как правильнее писать в последних фразах слово «находка» — со строчной буквы или с прописной?

Беседа морских волков

Случилось так, что приехал я из очередного отпуска, а корабля в порту нет, ожидают его завтра или послезавтра. Как быть? Сдал вещевой мешок в камеру хранения, отправился в Дом моряка и получил там койку в номере-общежитии. Номер большой, на пять человек. Вечером знакомлюсь с товарищами. Все, словно на подбор, народ бывалый, настоящие морские волки. Поиграли мы в домино, а когда стук костяшек наскучил, принялись вспоминать разные занятные истории из своей жизни. Сперва слушали меня, дивились приключениям, о которых вы уже знаете, потом слово стали брать другие.

— Грешный человек, обожаю яичницу, — начал первый морской волк. — Но только из свежих яиц, не из порошка. А перед выходом в плавание снабдили нас таким запасом яичного порошка, что ежедневные омлеты из него до смерти надоели всей команде, а мне в особенности. Поверите, до того стосковался по домашней яичнице-глазунье, что даже во сне се видел! И вот приближаемся к большому порту, Рассчитываю сойти на берег, купить яиц, да экая незадача — назначают меня старшим по разгрузке и погрузке. Однако сообразил, окликнул товарища, который собрался в город, прошу взять для меня на базаре лукошко яиц.

— Лукошко? — переспрашивает товарищ. — А одного не хватит?

Что ты, браток! Разве одним яйцом будешь сыт? Ну, если не лукошко, принеси хотя бы пяток.

— Как бы не разбить по дороге... Впрочем, ладно, что-нибудь придумаю. В крайнем случае возьму такси.

Так он и сделал. Купил пяток яиц, отдал повару, а тот к вечеру приготовил на противне заправскую яичницу, поджаристую, золотистую.

Сел я за стол, вооружился вилкой, прикидываю — что-то очень большая яичница получилась, да и желтки будто бы великоваты, каждый с суповую тарелку! Пожалуй, такую глазунью в одиночку и не осилишь. Зову товарища, того самого, который доставил яйца. Сидим жуем, повара добром поминаем — вкусна яичница, — а справиться с ней не можем. «Да ты сколько яиц купил, полсотни, что ли?» — «Зачем полсотни? Сколько прошено, столько куплено, ровно пять штук».

Делать нечего, приглашаю третьего товарища, потом четвертого, пятого. А дно у противня по-прежнему едва видно... Пришлось вызвать на подмогу ещё пять человек, — только тогда удалось одолеть яичницу из пяти яиц! Ну и наелись же!..

— Хороша яишенка! — сказал второй морской волк. — Чего только не увидишь во время плавания! Иной раз начнешь

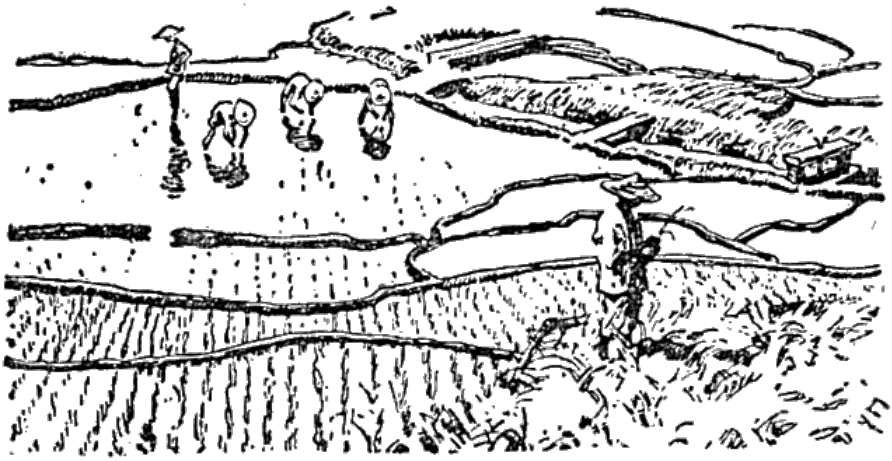
рассказывать, а тебе даже не верят. Мне, к примеру, довелось проезжать на машине по одному острову. Дорога вьётся меж полей-площадок, расположенных террасами одно повыше или пониже другого. Каждое поле огорожено земляными стенками, от площадки к площадке прорыты канавы. Вижу — крестьяне работают на буйволах, перемешивают вязкую болотистую почву, похожую на глину.

«Что они делают?» — спрашиваю шофёра-островитянина. «Готовят поле под рис, — отвечает шофер. — Когда вспашут, тогда воду пустят».

Проехали ещё с полкилометра. Смотрю — затопленная водой площадка, а на ней женщины высаживают рассаду — молодые растеньица риса. «Молодцы, думаю, здорово опередили соседей! Те лишь пашут, а эти уж посев заканчивают!»

Едем, однако, дальше. Глазам открывается яркий изумрудно-зеленый лужок. Серебристая вода поблёскивает на солнце. «А тут что?» — спрашиваю. «Тоже рисовое поле». Вот это да! Похваливаю про себя хозяев поля, это работяги-скоростники! Там. рассаду высаживали, а тут и до урожая недалеко...

Проехали ещё немного — опять поле, и ещё удивительней. Рис колосится, наливает зерна в метелках, кое-где даже начал желтеть, вот-вот созреет. Не успел задать вопрос шофёру, как за поворотом показывается новое поле, совсем сухое, а по нему ходят жнецы с серпами. Ещё поле — а на нем снопы и скирды сжатого риса! Перестал я что-либо понимать: ведь от пахоты до уборки урожая должно несколько месяцев пройти, а здесь на соседних полях где весна, где лето, а где осень! «В чём дело?» — спрашиваю шофера. «Дело простое, отвечает, мы со временем года не считаемся. Одни пашут, другие сеют, у третьих рис колосится, а четвёртые урожая снимают, — кому как сподручнее. У нас так исстари заведено».



— Да, немало любопытного встречается на свете, — заметил третий морской волк. — Мне вот довелось увидеть в одном проливе редкостный мост. Был он очень широк, шире любого другого моста, но поразил меня не шириной, а длиной. Знаете, на сколько он тянулся? На добрые сто километров! Точную длину не назову, врать не стану, но плыл наш катер вдоль него час за часом, а конца мосту все не было. Время от времени поднимались над ним дымки — это шли пассажирские и товарные поезда. Мост такой длинный, что на нем есть железнодорожные станции с запасными путями и вокзалами! Говорят, что через этот мост даже судоходный канал проложат...

— Действительно, всем мостам мост, — сказал четвертый морской волк. — Однако и мост в сто километров, и остров, где на рисовых полях одновременно пашут, сеют, убирают, да и яичница из пяти яиц, которую едва одолели десять человек, — всё это пустяки по сравнению с тем, что пережил я. Хотите, расскажу о происшествии совершенно невероятном?

— Хотим, хотим! — в один голос заявили мы.

— Ну, так вот... «У него семь пятниц на неделе», — говорят про человека, быстро меняющего свои решения или взгляды. Я не из таких людей, но однажды и впрямь приключилось у меня семь пятниц, и даже не на неделе, а на дню! Работал я тогда на китобойном судне. Слыхали, как охотятся на китов? Заметят в море фонтан — это кит всплывает подышать воздухом, выстрелят из гарпунной пушки. Гарпун вопьется в кита, и тому уж не уйти, хотя хлопот с ним предстоит ещё немало. В тот день выстрелил наш гарпунер, попал в кита, и, как обычно бывает, раненое животное потащило наше судно словно бы на буксире. Туда, сюда мечется кит, то с запада на восток, то с востока на запад, а судно за ним, повторяет все его маневры. Киту лишь бы уйти от нас, а у

нас что ни полчаса, то надо бы менять листок на календаре. Только что была пятница, а вдруг стала суббота, потом опять пятница, опять суббота, и так семь раз! Хорошо, что догадались мы, в чем загвоздка, и не трогали листков на календаре, а то не расхлебать бы путаницу с днями. Несколько часов таскал нас кит на буксире, пока не изнемог. Тогда подтянули его к судну, подняли на палубу, а календарь перестал нас беспокоить...

До поздней ночи длились рассказы морских волков. Я бы до утра мог слушать, да остальные волки спать захотели.

Вторая беседа морских волков

Думал, больше не увижу тех морских волков, которые о необыкновенной яичнице и других странностях рассказывали. А довелось опять встретиться, и очень скоро.

На рассвете расстался с ними, до сумерек проторчал на молу, высматривая, не покажется ли мой корабль среди волн. Как на грех, погода выдалась штормовая, — промок, простыл, зуб на зуб не попадает. Уже в сумерках узнаю, что получена радиограмма: корабль завтра прибудет.

Возвращаюсь в Дом моряка. Лег на койку, с нетерпением ожидаю, пока остальные морские волки соберутся.

К вечеру явились все. В номере тихо, тепло, а за окнами ветер воет, холодным дождем в стекла бьет. Не хотелось в такую непогоду о плаваниях вспоминать, уговорились волки о приключениях на суше рассказывать. Мы хотя привычные к корабельной жизни, любим ее, а все же иногда приятно, что под ногами пол ходуном не ходит, койка не раскачивается, а на столе стаканы не пляшут, чай из себя не выплескивают...

— Давно это случилось, я и моря тогда не видал, в ремесленном училище обучался, — взял слово первый морской волк. — Училище в Киеве находилось, а мать моя в колхозе жила, километрах в девяноста от города. Как-то в субботу поехал ее проведать, да в воскресенье задержался, к последнему местному поезду опоздал. Однако иду к станции, авось ночью ещё какой поезд будет, отвезет в Киев. А на станции такой поезд как раз и стоит, вот-вот тронется.

Спешу билет купить — касса деньги не принимает: поезд курьерский, остановился непредвиденно, потому и билеты не продают. А мне непременно к утру в училище поспеть надо. Что делать? Была не была, решаю зайцем поехать — так железнодорожники безбилетных пассажиров называют.

Сесть зайцем в курьерский оказалось не просто: на всех подножках проводники дежурят, хоть плачь — без билета не впускают. Совсем отчаявшись, добежал до конца поезда, а там товарный вагон прицеплен, и дверь у него приоткрыта. Кинул туда чемодан, сам прыгнул, тут и поезд тронулся.

Ну и переполох я произвел в вагоне! Безбилетных зайцев вроде меня много там скопилось. Испугались, наверное думают, контролер вскочил. Я ведь в полной ремесленной форме был: фуражка с кокардой, шинель с петлицами, серебряные пуговицы...

Малость отлегло у меня от сердца: как-никак, а еду! Пристроился в углу, открыл чемодан, домашнюю колбасу достаю. Отламываю по кусочку, сам ем, соседям предлагаю. Они не берут, каждый своё ест.

Приближаемся к Киеву. Соображаю, как бы из вагона незаметнее выбраться, чтобы неприятность из-за билета не получилась. Однако все благополучно обошлось. В Киеве к железнодорожным зайцам иногда хорошо относятся, даже уважение оказывают. Поверите, автомобили подали, всех по машинам рассадили. А через несколько дней узнал, почему железнодорожники нас штрафовать не стали: попутчики мои хотя зайцами ехали, но все иностранцами были, заграничный паспорт имели...

— У меня тоже любопытная история на суше произошла,— начал второй морской волк. — Скажу по совести, за время плавания здорово я по нашему русскому лесу соскучился. Прошлой осенью получил отпуск, приехал пожить к родному дядюшке и при удобном случае отправился по лесу побродить. А лес большой оказался, разным зверьем богатый. Зверь непуганый, людей не боится. Белки по ветвям скачут, енот мимо меня пробежал, в стороне лисий хвост мелькнул. На одной поляне косули беспечно пасутся, на другой оленей заметил, пощипывают траву, на меня едва глядят, даже немного обидно стало. Лоси, то вовсе внимания на человека не обращают, занимаются своим делом: стволы сосенок гложут, лоб о древесную кору чешут. Один огромный лось до того обнаглел, что прямиком на меня двинулся. Ветвистые рога выставил. Ну, морячок, готовься к смерти, сейчас насквозь проткнет меня своими рожищами.

А при мне ни ружья, ни ножа, да и не охотник я. Снял с себя пиджак, норовлю зверю на рога накинуть, чтобы мягче было, когда он меня протыкать будет. Но в последний момент одумался лось, фыркнул сердито, ушёл в лесную чащу.

— Эка невидаль! — заявили мы рассказчику. — В Советской стране немало лесов с диким зверьем имеется: на Дальнем Востоке, в Сибири, На Европейском севере России...

— А вы дослушайте, — возражает рассказчик. — После происшествия с лосем почему-то расхотелось гулять по лесу. Выбрался из чащобы, пересек небольшое поле, сел в троллейбус и спустя пятнадцать минут был у своего дядюшки. Живёт дядюшка в центре России, в огромном городе с тысячами заводов и фабрик, а городской троллейбус за четверть часа вас в лес отвозит, где непуганые звери водятся...

— И я в гости к дяде ездил, — сказал третий морской волк. — Но мой дядя не в огромном городе живет, а в пустыне огромной. Давно приглашал навестить, в письмах постоянно запрашивал: не надоели тебе, дорогой племянник, водные океаны, не хочешь ли океан песков посмотреть?

Приехал к дяде. Сам он на работе был, я тем временем с местностью ознакомился. Впрямь похожа на океан пустыня. И такая же бескрайняя, и волны по ней ходят от наших только по цвету и составу разнятся. В океане они водяные, зеленоватые, в пустые — песчаные, жёлтые, и называются иначе: барханами. Даже гребни у пустынных волн есть. Верно, хоть и песчаный, а океан, разве что одного нет — рыбы. Пришёл дядя с работы, сказал ему об этом, а он всерьез обиделся:

— Как — нет рыбы? Раз пустыню океаном называем, значит, и рыба есть. Не веришь? А если свежей ухой угощу?

Взял дядя сеть, поднялся на соседний бархан и вскоре исчез в своем песчаном океане. А когда вернулся, заявляет: всё в порядке, завтра будем уху варить.

Наутро опять пошел дядя за бархан, обратно возвращается, рыбину тащит. Сом! Ещё живой, жабрами шевелит...

— Где ты его добыл? Разве сомы в песках водятся?

— Прослышал сом, что пустыню океаном величают, вот и заплыл, а что океан не водный, а песчаный, не разобрался. Это не рыбьего ума дело...

Кончил рассказывать третий морской волк, дивимся мы водяному жителю, который в песчаной пустыне в рыболовную сеть угодил, а четвертый волк говорит:

— От водяных жителей разного ожидать можно. У меня, к примеру, с крабами странное происшествие было. На Дальнем Востоке много этих крупных и мясистых морских животных, в жесткий панцирь, как в броню, одетых. Обитают они в морях, там кормятся, нередко тысячными стадами по дну передвигаются. Я их повадки неплохо узнал — несколько лет на краболовном судне-заводе работал. Мы этих бронированных подводных путешественников с многометровой глубины сетями доставали. Место работы потом сменил, но, конечно, помнил, что краб — животное морское, а не наземное.

Однажды, было это в Индийском океане, стояли мы у небольшого острова. В свободный час сошел на берег, погулял, а когда утомился, прилег отдохнуть под кокосовой пальмой. Вдруг сверху на меня тяжелый предмет валится. Смотрю, старый знакомец — краб! Неужели с дерева упал? Поднимаю глаза, не верю тому, что вижу: высоко на пальме крабы сидят, клешнями орехи отрезают! Вот так морские жители, но деревьям словно акробаты лазают!.. Другие крабы возле меня на земле трудятся, обрывают волокна с ореховой скорлупы. Наблюдаю за их занятием, а они уже пробили дыру в скорлупе, мякоть жрут! Я бы сам не прочь орехами полакомиться, да скорлупа тверда, — зубами не разгрызешь. Хотел отнять один орех, но побоялся, клешни у крабов сильные.

Насытились мои крабы, наверное, сейчас обратно в море уйдут. Нет, под деревьями у них глубокие норы среди корней оказались. Заглянул в пустую нору, а туда волокна с ореховой скорлупы натасканы, из волокон мягкая постель устроена. Ну и морские жители — норы под деревьями вырыли, на сухой подстилке спят!

Спросил у местных людей, а те жалуются: у нас крабы не только орехи воруют, но и птичьи гнезда разоряют, в дома забираются, клешнями ящики разламывают, мешки дырявят, всё съедобное пожирают...

Опять до поздней ночи морские волки истории рассказывали. Утром мой корабль пришел, и я распростился с ними.

Переполох на экзамене

Немало людей слышало о юнге Загадкине и шлет мне письма с различными занятными вопросами. Письмо о чудесах в решете — о том, как морскую рыбу сетями на берегу ловят,— вы ужо читали. Не могу умолчать и о другом письме. Письмо любопытное, а ещё любопытней человек, который его отправил. Подписался он так: «Жму руку. Фома Отгадкин».

От неожиданности я даже растерялся, — Отгадкин пишет Загадкину! И сразу подумал: это, как говорили древние, указание или перст, то есть палец судьбы. Так оно и вышло, оправдалось мое предчувствие. Забегая вперед, скажу, что вскоре довелось нам познакомиться и сдружиться. А пока приведу письмо Фомы Отгадкина. Вот оно:

«На прошлой неделе сдавал я экзамен по географии — Хочу в школу юнг поступить. Явилось нас человек сорок. Сидим в зале, волнуемся. Экзамен — событие важное, на него даже девушка-корреспондентка из пионерской газеты пришла, заметку о будущих юнгах писать.

Вызвали меня к карте, задают первый вопрос: «Что вы, молодой человек, о Дунае знаете?»

О Дунае я знаю многое, всего не перескажешь, — ведь на экзамене отвечаю не один, надо и остальным время для ответов оставить. Решил выложить лишь часть своих знаний. Собрался с мыслями и говорю:

«Дунаем называются острова в Сибири».

«Как вы сказали,— переспрашивают экзаменаторы, — острова в Сибири?..»

«Совершенно верно», — подтверждаю свой ответ и, чтобы не было сомнений, показываю на карте положение островов.

«Так-так, — покачивают головами экзаменаторы. — Вы, молодой человек, наверное, в тех местах живёте?»

Настала моя очередь покачать головой:

«Нет, живу в Челябинске, но Сибирью интересуюсь давно, мечтаю поехать туда: край богатейший, а людей в нем маловато...»

«Весьма похвальная мечта. Если так, то и спрашивать о Сибири не будем, — видимо, ее география изучена вами неплохо. Перейдем ко второму вопросу. Скажите, пожалуйста, где расположены Балканы?»

«Балканы?.. В нашей Челябинской области».

«Где?..»

«В Челябинской области».

«Хорошо, допустим, что так. Тогда где Варна находится?»

«Там, где положено, вблизи Балкан, и тоже у нас в Челябинской области».

«Допустим и это. Ну, а о таком населённом пункте, как Лейпциг, вы слышали? Может быть он тоже в вашей области находится?»

Конечно, в нашей, я сам неподалеку от него родился. В пионерском лагере не только с лейпцигцами, но и с берлинцами, варшавянами, парижанами не одно лето провел. Хорошие ребята. Все они тоже коренные уральцы, в нашей области родились и выросли. Там же их отцы, деды и прадеды жили...»

«Может быть, в вашей области и лондонцы есть?»

«Лондонцев не встречал, привирать не стану...»

Отвечаю не спеша, толково, а по залу от моих ответов шум идет, полный переполох поднялся. Те, кто экзамена ждет, на меня, как на пропащего человека, с сожалением поглядывают: всё на свете, несчастный, перепутал! Одни ахают, другие смеются, третьи свои шпаргалки недоверчиво проверяют.

Девушка-корреспондентка из пионерской газеты не выдержала, кинулась к столу экзаменаторов, вполголоса доказывает им, что Балканы на юге Европы находятся, Варна — в Болгарии, Лейпциг — в ГДР, что берлинцы, варшавяне, парижане в Челябинской области не живут. Но экзаменаторы свое дело знали, тоже вполголоса заявили этой девушке:

«Отвечает Отгадкин верно, однако его ответы в своей газете не печатайте; пока за границей сведущие люди разберутся, как бы дипломатических неприятностей не получилось...»

Вот так отвечал я на экзамене, дорогой Захар. Как тебе мои ответы понравились? Жму руку. Фома Отгадкин».

Конечно, странно отвечал Фома, а правильно. Имена у нас разные, но характеры похожие. Я сам отвечал бы так же.

Пояснения

Завтра снова будет сегодня

Корабль Захара шёл по Тихому океану. А в этом океане есть условная линия, пересекая которую можно либо попасть во вчерашний день, либо оказаться в дне завтрашнем. Что это за линия?

Это — линия смены дат, установленная международным соглашением в 1884 году. Пока такой линии не существовало, нередко случались недоразумения. В XVIII веке на Аляске встретились русские и англичане. Русские прибыли туда с запада, англичане — с востока. При встрече неожиданно выяснилось, что русские празднуют воскресенье тогда, когда в Америке... суббота! В 1519—1521 годах «потеряли» день спутники Магеллана, совершившие первое кругосветное плавание. В своём корабельном журнале они вели точный счет суткам и были убеждены, что вернулись на родину в четверг. А там в день их возвращения была... пятница! Отважных путешественников заставили каяться в церкви, потому что во время плавания они отмечали религиозные праздники на день позже.

Кто был виноват, что у испанских моряков «пропал» день? Ведь в их судовом журнале ошибки не было. «Виноватым» оказалось вращение Земли".

«Виктория» — единственный вернувшийся на родину корабль Магеллана — находилась в пути 1082 дня. Так считали в Испании. А по счету самих мореплавателей их путешествие продолжалось 1081 день.

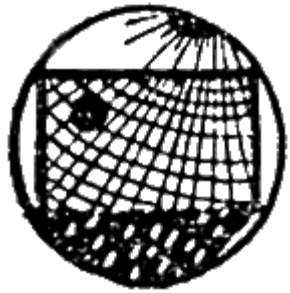
Земной шар, вращаясь с запада на восток, оборачивается вокруг своей оси ровно за сутки. За время плавания «Виктории» Земля обернулась вокруг своей оси 1082 раза. Но один оборот — в направлении, обратном движению земного шара, — совершила сама «Виктория», плывшая с востока на запад, иными словами — она обернулась вокруг земной оси только 1081 раз. Потому-то мореплаватели и не досчитались дня в своем судовом журнале.

Русские поселенцы в Аляске, наоборот, двигались в направлении вращения Земли — с запада на восток. Поэтому они попали во вчерашний день.

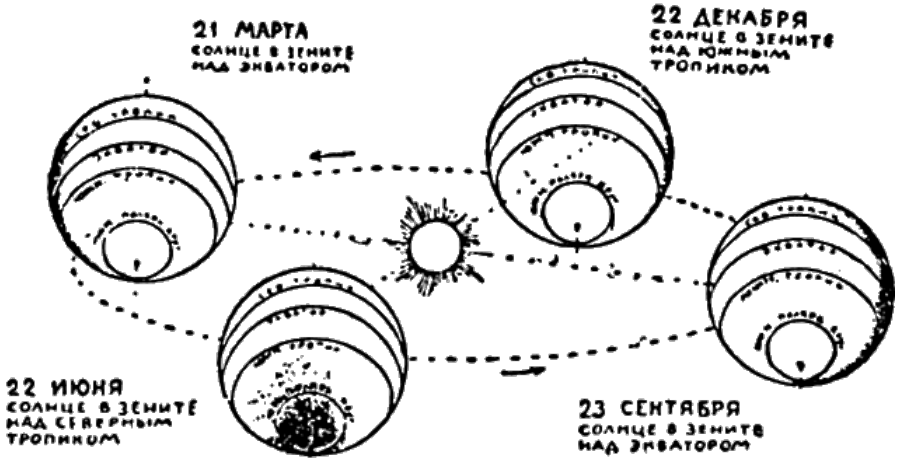
Чтобы подобные ошибки не повторялись, была установлена линия смены дат. Её провели по 180 меридиану от Северного полюса через Берингов пролив и далее по Тихому океану к Южному полюсу. Когда на этой линии полночь, на всей Земле один и тот же календарный день. Но уже в следующее мгновение к западу от линии смены дат начинается новый день; через двадцать четыре часа он вернётся к ней с востока, чтобы закончить здесь своё существование. На этой линии — граница между днём сегодняшним и днём вчерашним, между днём сегодняшним и днём завтрашним.

Захара Загадкина выручило то, что его корабль пересёк 180 меридиан, плывя с запада на восток: день завтрашний остался днем сегодняшним. А если бы корабль двигался в обратном направлении? Тогда юнге, чтобы получить сладкое, пришлось бы выучить не одну, а две дюжины слов, потому что с календаря сорвали бы сразу два листка.

Уругвайское солнце



Уругвай находится в Южном полушарии Земли. Как всюду на нашей планете, солнце восходит там на востоке, а заходит на западе. Однако, если к северу от пояса тропиков солнце всегда движется по южной стороне горизонта и по ходу часовой стрелки, то к югу от тропиков оно всегда движется по северной стороне горизонта и против хода часовой стрелки. Вот почему Захар Загадкин, впервые попав в Уругвай, подумал, что с солнцем что-то случилось, так как тень от навеса в кафе перемещалась «не в ту сторону».



В небе Индонезии

В Уругвае Захар Загадкин убедился, что в Южном полушарии солнце светит с северной стороны горизонта. Почему же в Индонезии, тоже лежащей в Южном полушарии, юнга увидел солнце на южной стороне горизонта? Дело в том, что в Южном полушарии солнце видно изо дня в день на северной стороне горизонта, а в Северном полушарии — на южной стороне горизонта не всюду, а только в районах между тропиками и полюсом.

А в тропиках? В тропиках обоих полушарий солнце светит или с севера или с юга, в зависимости от того, где оно находится в зените — наивысшей точке видимого нами небесного свода.

Севернее и южнее пояса тропиков солнце в зените никогда не бывает. В полдень 21 марта и 23 сентября оно стоит в зените над экватором, в полдень 22 июня — над северным тропиком, в полдень 22 декабря — над южным тропиком.

Корабль Захара пересек экватор и прибыл в Джакарту, находящуюся между экватором и южным тропиком, в последних числах декабря. Юнга не учел этого и потому удивился, увидев солнце на южной стороне горизонта. Попади Захар в Джакарту в марте — сентябре, он нашел бы солнце на северной стороне горизонта.

Там, где часовая стрелка никогда не врёт

Посмотрите на глобус, и вы увидите две точки, через которые проходит земная ось. Эти точки — Северный и Южный географические полюсы Земли. Для человека, который стоит на Южном полюсе, всюду север; для того, кто находится на Северном полюсе, всюду юг. Обе эти точки не имеют долготы: в них сходятся все меридианы. Поэтому время любого меридиана будет на полюсах верным, часовая стрелка никогда не соврёт. Вместе с долготой 180 градусов приходит на полюса и линия смены дат (см. «Завтра снова будет сегодня» на стр. 117). Вот почему в этих точках вчерашний день можно считать сегодняшним или сегодняшний — завтрашним.

21 марта на Северном полюсе единственный раз в году восходит солнце. В тот же день оно заходит на Южном полюсе. 23 сентября солнце на Северном полюсе скрывается за горизонтом, а на Южном полюсе начинается день. Полярный день длится на полюсах около полугода, полярная ночь — три месяца. Между днем и ночью тянутся длительные сумерки; ночная темнота наступает лишь тогда, когда солнце опускается настолько низко, что атмосфера перестает отражать его лучи.

За пятнадцать минут из одной части света в другую

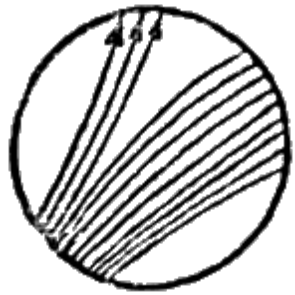
Корабль Захара стоял в Стамбульском порту на европейском берегу пролива Босфор. На противоположном, азиатском берегу Босфора находится город Ускюдар, где жил человек, которому требовалось вручить пакет. Юнге достаточно было пересечь Босфор, чтобы попасть в другую часть света.

Брат Захара совершает ежедневные путешествия из Европы в Азию и обратно ещё проще. Он живёт в городе Магнитогорске, расположенном на берегах реки Урал. Дом брата стоит на правом берегу реки, завод, где плавят сталь, — на левом берегу. А по реке Урал проходит граница между Европой и Азией. Юнге пришлось брать катер, чтобы проехать из одной части света в другую; брат Захара ездит работать в Азию и возвращается домой в Европу на трамвае, который идет по мосту, перекинутому через Урал.

Второй Керабан, или посуху из Америки в Африку

На первый взгляд, путешествие посуху из Патагонии к мысу Доброй Надежды кажется неосуществимым: все материки, которые предстоит пересечь чудаку путешественнику, разделены водными преградами. Между Северной Америкой и Азией находится Берингов пролив, Азия от Африки отделена Суэцким каналом, Южная Америка от Северной — Панамским каналом. Тем не менее такая «прогулка» возможна: через оба канала переброшены мосты, а Берингов пролив зимой покрыт льдом.

Удивительная река



Удивительная река, по которой корабль Захара Загадкина, прошел без малого десять тысяч километров, — океаническое течение в Атлантике, идущее из Мексиканского залива и названное его первооткрывателями Гольфстримом. «Гольф» — по-английски «залив», «стрим» — «течение».

Как у обычных «сухопутных» рек, у океанических потоков тоже есть берега и дно, только не твердые, а жидкие — водяные.

Если течение теплое, его берега и дно состоят из более холодной воды, если течение холодное, ими служит вода потеплей. Разнятся жидкие берега от океанической реки и по степени солености воды. Простым глазом такие берега увидишь не всегда, хотя норой струи течения можно различить и по цвету; темно-синий поток Гольфстрима заметно выделяется среди соседних с ним зеленовато-голубых вод Атлантики. С помощью приборов исследователи довольно точно определяют длину, ширину и глубину морских рек и наносят их на карту.

Многие океанические реки имеют притоки и рукава. Есть они и у Гольфстрима. Вскоре по выходе в Атлантику он принимает в себя мощный приток — ещё одно морское течение, именуемое Антильским. Далее Гольфстрим, который восточнее Ньюфаундленда уже называется Северо-Атлантическим течением, начинает разветвляться.

К побережью Африки отходит Канарское течение, сама же океаническая река устремляется к берегам Европы. От неё отходит ветвь к Исландии течение Ирмингера. Затем Северо-Атлантическое течение делится надвое; один его рукав идет к Гренландскому морю, второй мимо мыса Нордкап направляется в Баренцево море. Есть и другие, менее значительные притоки и рукава-ветви.

Плывя Гольфстримом, затем Северо-Атлантическим и

Нордкапским течениями, корабль Захара Загадкина и прошел около десяти тысяч километров от порта Новый Орлеан на юге Соединенных Штатов Америки к нашему порту Мурманск на Кольском полуострове.

Раньше все эти течения считали единым потоком — Гольфстримом. В настоящее время это название сохранилось лишь за его начальной струей, вытекающей из Мексиканского залива. Северо-Атлантическое течение выделено потому, что в нем участвуют воды не только Гольфстрима, но и других частей океана. Поэтому сравнение Гольфстрима и Северо-Атлантического течения с единой океанической рекой не надо понимать буквально.

Течения разделяют на холодные и теплые. Однако иногда воды теплого течения бывают прохладней, чем воды холодного течения.

Почему? Потому, что морскую реку называют холодной, если она течёт среди более тёплых вод, и, наоборот, тёплой, если её окружают холодные воды. Гольфстрим — течение теплое; оно несёт свои нагретые тропическим солнцем струи в холодные районы Атлантики.

Канарское течение вытекает из Гольфстрима, однако его называют холодным: оно движется на юг среди вод более теплых, нежели оно само.

Течения есть во всех морях и океанах.

Два или двенадцать?

В районе Ньюфаундлендской отмели встречаются два океанических водных потока: теплое течение Гольфстрим, идущее на восток, и холодное Лабрадорское течение, спускающееся к югу. Температура воды в обоих потоках так различна, что показания термометров, одновременно опущенных с носа и кормы корабля, который стоит на стыке этих течений, иногда расходятся на 10—12 градусов.

Пучок стрелок

Удивившая Захара Загадкина разница в температуре воды на пляжах Кейптауна объясняется просто. Вблизи мыса Доброй Надежды проходят два океанических течения. К северу от мыса, там, где расположен Кейптаун, — холодное Бенгальское течение, к востоку — тёплое Мозамбикское. Юнга убедился в этом, когда заглянул в атлас: холодные течения показаны на картах фиолетовыми стрелками, теплые — красными.

Из-за холодного Бенгальского течения температура воды у городских пляжей Кейптауна даже летом не поднимается выше 15 градусов; недалеко от города, там, где проходит Мозамбикское течение, вода в море значительно теплее. Скалистый мыс Доброй Надежды разделяет струи обоих потоков. Автобус, вёзший Захара, доставил юнгу к побережью, омываемому тёплым Мозамбикским течением.

Почему я не стал владельцем попугая Жако

Море без берегов, поросшее плавающими оливково-зелёными водорослями, — Саргассово море. Так называют обширное водное пространство (около четырех миллионов квадратных километров) на западе Атлантического океана. Саргассово море находится внутри овального кольца океанических течений: Северного экваториального, Гольфстрима и Канарского. Эти течения и считаются «берегами» моря. Водоросли саргассо, по имени которых оно названо, покрывают примерно десятую часть моря. «Саргассо» — по-португальски «виноград»; водоросли усеяны множеством шаровидных поплавков, отдаленно напоминающих виноградины.

Первыми европейцами, увидевшими Саргассово море, были моряки Колумба. О них и упомянул кок, беседуя с Захаром.

Таинственный механизм

Вы, конечно, догадались, что у геологов, работавших вблизи побережья Охотского моря, не было никакого механизма для подъема морской воды. Корабль смог подойти к деревянному причалу, выгрузить оборудование потому, что начался прилив и уровень воды у берега резко повысился.

Так о каком же механизме, исправном, точном, никогда не нуждающемся в ремонте, говорил корабельный кок?

Юнга взглянул на небо и увидел над головой бледный серп молодой луны и солнце, клонившееся к закату. Луна и Солнце, их притягательное действие на Землю, образно говоря, и есть тот «механизм», который вызывает приливы и отливы.

Луна ходит вокруг Земли, одновременно вместе с нею обращаясь вокруг Солнца. При этом все три небесных тела взаимно притягивают друг друга. Луна меньше Солнца, но она ближе к нам и потому притягивает Землю в 2,2 раза сильнее, нежели Солнце. Наиболее поддается этому притягательному действию жидкая оболочка Земли — океаны и моря; подвижные частицы воды уступают ему легче, чем твердая земная кора.

На море может стоять полное безветрие, но в часы прилива волны все равно будут накатываться на берег, затопляя отмели и прибрежные камни, разбиваясь пеной у высоких скал. Пройдет несколько часов, и море начнет отступать от берега, оставляя на влажном песке или гальке рачков, мелких рыбок, червей, водоросли. Могучая грудь океана словно дышит, равномерно поднимаясь и опускаясь.

Твёрдые частицы Земли не так подвижны, как жидкие, но, поддаваясь притяжению Луны и Солнца, «дышит» и суша. Во время прилива уровень воды значительно поднимается и виден у побережий простым глазом. «Дыхание» суши не превышает нескольких сантиметров, поэтому подъём и опускание земной

коры можно заметить лишь с помощью очень точных приборов. Водная оболочка Земли разделена материками и островами на отдельные океаны и моря. Это мешает равномерному распространению приливной волны, делает ее неодинаковой по характеру и величине. У берегов открытых морей и океанов приливная волна достигает значительной высоты. У северных берегов Франции разница между уровнем воды в прилив и отлив равна

15 метрам, у восточных берегов Азии (в Пенжинской губе Охотского моря) — 12,9 метра. На побережьях океанов и открытых морей есть гавани, куда большие корабли могут заходить лишь во время прилива; при отливе проходы в такие гавани мелеют. В закрытых морях, наоборот, приливная волна мало заметна.

Обычно приливы и отливы сменяют друг друга приблизительно через шесть часов, повторяясь дважды в сутки. Но в некоторых местах, например в Южно-Китайском море, они бывают только раз в сутки.

С помощью приливно-предсказательных машин ученые составляют специальные таблицы, в которых на двенадцать месяцев вперед вычислены (с точностью до минуты и десятой метра) высота и время прилива для большинства портов мира.

Чудеса в решете

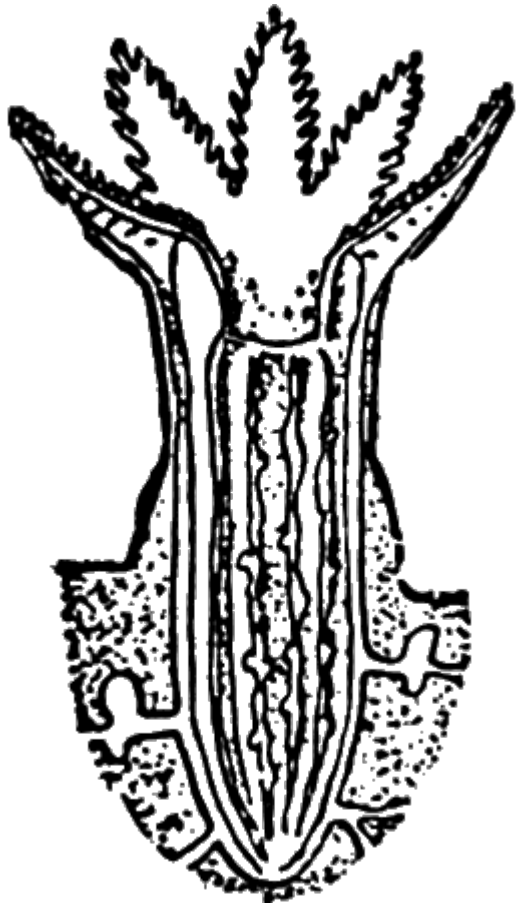
В письме, полученном Захаром Загадкиным, рассказывается о лове рыбы в одной из бухт залива Фанди, у западного берега полуострова Новая Шотландия в Канаде. Приливная волна в тамошней бухте Ноэль поднимается выше, чем где-либо ещё на земном шаре, — на высоту четырехэтажного дома, на 16—18 метров! Местные рыбаки успешно пользуются этим для лова рыбы. Поставленные ими на берегу столбы с натянутыми сетями во время прилива оказываются под водой. Когда приливная волна отступает, а берега залива обнажаются, рыбаки собирают застрявшую в сетях рыбу. «Чудеса в решете», как видите, объясняются просто.

Никудышные строители

Юнга говорит об атоллах — небольших островах с низменными берегами в виде неширокого кольца, в середине которого находится водоем глубиной 50—100 метров, называемый лагуной. Острова созданы коралловыми полипами — маленькими существами, обитающими в тропических морях, и состоят из бесчисленного множества известковых скелетов этих полипов.

Живут кораллы крупными поселениями-колониями. Полупрозрачное слизистое тельце полипа увенчано звездчатыми щупальцами и заключено в твердую оболочку из извести. Основание каждого полипа сращено с остальной колонией, передвигаться он не может и питается тем, что приносит течение. Пищей служат мельчайшие водоросли и медузы, мельчайшие моллюски и рачки, которых полипы захватывают своими щупальцами. Селятся кораллы на мелководьях, прикрепляясь к скалистому дну на глубине не более 50—60 метров, размножаются почкованием. Колонии кораллов нередко разрастаются очень широко, хотя сам полип — крохотное животное, величиной от миллиметра до 3—4 сантиметров.

Коралловые полипы живут только в воде; достигая поверхности моря, они гибнут. Казалось бы, берега атоллов тоже не должны подниматься над уровнем моря, в действительности же они выше на несколько метров. Нарастило островные берега само море. Ударами волн оно постоянно обламывает внешний край колонии кораллов, выносит обломки на береговое кольцо, увеличивая его высоту над водой.



Почему атоллы имеют форму кольца? По мнению великого натуралиста Чарлза Дарвина, они возникли в тех теплых морях, дно которых длительное время опускалось. Некогда в этих морях были ныне исчезнувшие острова. Коралловые полипы селились на небольшой глубине вокруг скалистых берегов такого острова. Морское дно медленно опускалось, вместе с ним мало-помалу скрывались под водой и берега острова. Когда нижние «этажи» поселения кораллов попадали на глубину 50—60 метров, их жильцы умирали. Известковые скелеты погибших полипов превращались в подставку, поддерживающую более поздние поколения кораллов. А новые поколения тянулись выше и выше к поверхности моря, из года в год надстраивая верхние «этажи». Наконец древний остров полностью погружался в море, а на месте, где он прежде высился над волнами, оставалось кольцо коралловых берегов с внутренней лагуной. Иногда эти берега уходят в глубину на сотни метров.

Лагуну кораллы не «застраивают»; им нужна прозрачная и умеренно теплая вода, богатая кислородом, а в неглубокой

лагуне она сильно перегревается, кислорода в ней мало.

Так в 1842 году объяснил происхождение атоллового кольца Чарлз Дарвин. Впоследствии появились и другие объяснения. Однако наблюдений накоплено недостаточно, и единого взгляда на происхождение кольца среди ученых нет. Поэтому юнга Загадкин не решился отвечать на вопрос, который ему непременно задали бы в научном собрании.

Неоконченные «горе-постройки», о которых говорил Захар,— береговые и барьерные рифы — также возведены коралловыми полипами. Атолловые острова встречаются среди открытого моря, рифы окаймляют берега многих участков суши. Самый крупный из барьерных рифов — Большой Барьерный риф у северо-восточного побережья Австралии. Он тянется на протяжении 2300 километров, почти точно повторяя очертания берегов этого материка.

О чём молчат карты морей и океанов

Острова, которых нет даже на самых подробных картах, — плавающие по океанам ледяные горы, или айсберги («айс» — «лёд», «берг» — «гора»). Айсберги — обломки обширных ледников в полярных странах. В Гренландии эти ледники занимают

1800000 квадратных километров — пространство, на котором уместились бы три Пиренейских полуострова! Ещё более грандиозны ледники Антарктиды, они почти полностью покрывают материк, по величине в семь раз превосходящий Гренландию!

Ледяные покровы подобного типа называют материковым льдом. Они медленно движутся и нередко сползают в море, длинными языками уходя под воду. Сперва такой язык ползёт по дну, затем, когда глубина моря возрастает, между дном и льдом появляется слой воды. В часы прилива и отлива, в штормовую погоду вода то приподнимает, то опускает конец языка, волны подмывают, разрушают его края, в нем возникают трещины, и часть языка отламывается. Лед легче воды, поэтому отколовшаяся глыба всплывает на поверхность моря, порой несколько раз перевертывается, пока не уравновесится. Течения и ветры уносят обломки полярных ледников в открытый океан.

Антарктида и Гренландия — те места на земном шаре, которые юнга Загадкин назвал «фабриками» плавучих островов. Из месяца в месяц от ледников Антарктиды и Гренландии откалываются и отправляются в дальние странствия по морям и океанам тысячи больших и малых льдин. В Западной Гренландии только один ледниковый язык Якобсхавн ежегодно сбрасывает в залив Диско свыше 1300 айсбергов! В полярных водах есть районы, где одновременно плавают десятки и сотни ледяных гор, — те архипелаги, о которых говорит юнга. «Мастерские», выпускающие айсберги в меньшем количестве, — берега

Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Северной Земли, Канадского Арктического архипелага.

Средняя высота айсберга над морем 30—50 метров, длина 50-100 метров. Иногда встречаются глыбы-исполины протяжением в десятки километров или такие, что выступают над водой на 100 и более метров! А ведь над морем видна 1/5 — 1/7 часть льдины, большая ее часть скрыта под водой. В полярных морях такая плывущая гора, словно ледокол, прокладывает себе путь среди ледяных полей.

Постепенно тая и разрушаясь, ледяные горы долго скитаются по морям и океанам. Длительность «жизни» айсберга зависит от его величины, от теплоты воды и воздуха в тех местах, куда заносят льдину течения и ветры. Арктические ледяные горы, выносимые в Атлантический океан, редко существуют свыше двух лет. Антарктические айсберги, плавающие в более холодных водах, могут «жить» до десяти лет.

Столкновение с айсбергом, который в туман, снегопад или в ночной темноте внезапно оказывается на пути корабля, одинаково опасно для всех судов. Океанский корабль, о чьей гибели упоминает юнга, — английский пароход «Титаник». Апрельской ночью 1912 года у берегов Северной Америки это огромное пассажирское судно длиной свыше четверти километра неожиданно встретило ледяную гору. Пароход шел очень быстро и не успел уклониться от столкновения. Выдававшаяся вперед часть айсберга разрезала «Титаник» от носа до капитанского мостика, и судно затонуло. После этой страшной катастрофы был установлен международный ледовый патруль, который постоянно наблюдает за движением гренландских айсбергов на юг — к морским путям из Европы в Северную Америку.

В наше время на кораблях есть радиолокаторы. Эти приборы и ночью и в сплошной, непроницаемый для человеческого глаза туман за десятки километров «видят» плывущую гору, точно определяют ее курс. По-прежнему опасны лишь «умирающие» айсберги, чьи вершины разрушились, растаяли, а подводная часть хотя и уменьшилась, но сохранилась. Над морем такая льдина возвышается всего на несколько сантиметров, и в штормовую погоду радиолокатор не всегда отмечает ее появление. Совсем недавно, в январе 1959 года, натолкнулось на айсберг и пошло ко дну большое датское судно «Хедхофт».

Нанести плавающие ледяные горы на карту, конечно, невозможно. Те районы морей и океанов, где встречаются айсберги, помечены на морских картах цветной прерывистой линией.

Путешествие во времени

Захар Загадкин встретился со своим старшим братом в одном из курортных городов на Черноморском побережье Кавказа. Братья сели в автобус, который шёл от побережья в горы. Путешественник, летящий на самолете по нашей стране с юга на север, скажем, из Сухуми к Воркуте и дальше в Заполярье, за короткий срок побывает не только в различных почвенно-растительных зонах — от субтропиков до тундры, — но, образно говоря, и в различных временах года. С Черноморским побережьем он расстанется, к примеру, в начале марта, когда там цветут мимозы, а в Подмосковье в эту пору ещё лежат снега на полях. Если он покинет Сухуми позднее и повезёт с собой дары лета — вишни нового урожая, — в Подмосковье он застанет ландыши, цветы весны. Когда москвичи лакомятся земляникой из собственных садов, в воркутинской тундре только зацветает клюква, морошка, голубика. А ещё северней? На полуострове Ямал наш путешественник найдет в то время лишь первые подснежники. Он не удивится — чем ближе к полюсу, тем слабее греет солнце, тем дольше не пробуждается природа от зимнего сна.

Растительность разных времен года можно увидеть за короткий срок и поднимаясь в высокие горы. Именно в этом убедила Захара Загадкина его поездка на автобусе.

С подъемом в горы климат меняется примерно так же, как при путешествии от Сухуми в Заполярье. У побережья Черного моря термометр показывает 30—35 градусов тепла, а на заоблачных вершинах Кавказа в это время бушуют вьюги и бураны, царит вечная зима. Чем выше в горы, тем позднее начинают таять снега, позднее появляется первая растительность. Поэтому, когда в предгорьях дозревает виноград — вестник близящейся осени, на высокогорных лугах буйно растут травы и

цветы лета, а ещё выше — травы и цветы весны. При подъеме в горы наблюдатель заметит ту же смену почвенно-растительных поясов, что при поездке из Сухуми на север: из субтропиков он попадёт в пояс широколиственных лесов, затем в хвойные леса и, наконец, у границы вечных снегов увидит мхи и лишайники, такие же, как в тундре.

В нашей стране подобные «путешествия по временам года» возможны в тех районах, где есть высокие горы: на Кавказе, в Тянь-Шане, на Памире.

Остается пояснить, что густой туман, сквозь который проехал автобус Захара, был облаком, лежавшим на склоне горы.

„Кто ищет, тот всегда найдёт!"

Километрах в тридцати южнее экватора, недалеко от порта Момбаса, где высадился молодой ученый, находится потухший вулкан Кения высотою 5199 метров, со склонов которого спускаются несколько ледников. Учёный мог изучать льды и по соседству с Кенией, на «Крыше Африки» — горном массиве Килиманджаро, имеющем три высокие вершины. Две из них — Мавензи (5355 метров) и Кибо (5895 метров) — покрыты вечными снегами и ледниками. На языке негритянского племени суахели «Килиманджаро» означает «гора бога холода».

Вечные снега и льды можно встретить вблизи экватора и в южноамериканской республике Эквадор. Шапка вечного снега белеет на вершине действующего вулкана Котопахи (5896 метров), четырнадцать ледников ползут с купола потухшего вулкана Чимборасо (6272 метра).

Другие горы, расположенные неподалеку от экватора, недостаточно высоки для того, чтобы на них могли образоваться ледники: в районе экватора снеговая линия лежит на высоте около 5000 метров над уровнем моря.

Пожар на маяке

Корабельный кок не обманывал Захара, рассказывая о маяке, чьи сигнальные огни знакомы морякам уже несколько тысячелетий. Там действительно нет смотрителей, никто не следит за световым устройством, не проверяет исправность механизмов. Верно и то, что человек никогда не был внутри этого маяка.

Кок умолчал лишь о главном — о том, что замечательный маяк не что иное, как остров-вулкан Стромболи в Тирренском море. У Стромболи обычно не бывает сильных извержений с излияниями лавы, но над его кратером постоянно стоит колеблемый ветром столб дыма и паров. На дне кратера, расположенном на 300 метров ниже вершины вулкана, есть отверстия — трещины. Из одних отверстий выделяются клубы белого или желтого дыма, из других вытекает вязкая, горячая лава. Время от времени ее поверхность лопается, вырвавшиеся при взрыве пары устремляются кверху, увлекая с собой раскаленные докрасна куски лавы и шлаков. В течение часа происходит несколько взрывов. По ночам столб пара и дыма над вулканом снизу озаряется пламенем, которое то вспыхивает ярче, то угасает, чтобы вспыхнуть опять после очередного взрыва. Зарево, напоминающее пожар, видно на расстоянии до полутораста километров. Поэтому вулкан и называют маяком.

А как Стромболи оповещает о состоянии погоды?

При жарких ветрах с юга взрывы на дне кратера учащаются, перед бурями вулкан выбрасывает больше дыма, чем в обычное время.

Вулканы-маяки есть и в других местах земного шара. Один из таких природных маяков — вулкан Исалько в Сальвадоре, возникший во второй половине XVIII века и с той поры почти непрерывно выбрасывающий пламя и пепел. Над Исалько всегда

клубятся пары, а по ночам его зарево видно с кораблей, идущих далеко в Тихом океане. Этот вулкан моряки называют «маяком Сальвадора».

Как мы сварили обед без огня

Корабль Загадкина стоял в порту Рейкьявик, на острове Исландия. Этот гористый остров знаменит своими вулканами и множеством теплых и горячих источников. Кок предложил юнге съездить в окрестности Рейкьявика и осмотреть бьющие из-под земли горячие фонтаны — гейзеры, главную достопримечательность Исландии.

Там, где из недр бьют источники кипящей воды, сварить обед без огня очень несложно. Достаточно опустить в такой источник банку консервов, котелок с супом или кашей, и обед сварится не хуже, чем на обыкновенной плите. Именно так поступил корабельный кок.

Исландцы умело применяют природный кипяток в своем хозяйстве. От источников проведены трубы, по которым насосы гонят горячую воду в столицу Исландии — портовый город Рейкьявик. Там она отапливает дома, идет на промышленные предприятия.

Исландия находится вблизи Полярного круга, на острове растут лишь северные ягоды — черника, брусника, морошка. Однако продавец не обманул юнгу, сказав, что апельсины и бананы выращены в окрестностях Рейкьявика.

Природной горячей водой исландцы обогревают многочисленные теплицы, где успешно созревают южные фрукты и овощи.

Дальневосточные истопники

Оба собеседника Захара Загадкина ехали с Камчатки. Там, в долине реки Паужетки, строится первая в нашей стране электрическая станция, использующая тепло недр.

На Камчатке и на Курильских островах свыше двухсот вулканов, среди них шестьдесят семь действующих, много бьющих из-под земли горячих источников с температурой воды до 100 градусов и струями пара ещё более высокой температуры.

Это природное тепло и применят для получения электрической энергии. Пар, поднимающийся из недр, заключат в трубы, заставят вращать турбины электростанции. Энергия, даваемая такой станцией, обойдется очень недорого.

Инженер вел изыскания в долине реки Паужетки и не преувеличивал, рассказывая Захару о пекле. Рядом с холодной Паужеткой текут две кипятковые речонки, бьют горячие источники — гейзеры. Над трещинами — выходами природного кипятка — постоянно клубится пар, почва возле них сильно нагрета. А как раз по соседству с трещинами выбрано место для будущей электростанции.

В солнечный день над долиной Паужетки ослепительно сверкают снеговые вершины вулканов. Желая подшутить над Захаром, инженер назвал эти вулканы истопниками, безотказно работающими в своей «котельной». Действительно, глубоко в недрах, как в исполинском котле, кипят под высоким давлением расплавленные горные породы. Они давят на земную кору, а когда им удается ее прорвать, из кратера вулкана или из трещин в его конусе происходят извержения огненно-жидкой массы — лавы. Остывая, лава густеет, становится похожей на тесто, а затем постепенно затвердевает на склонах или в окрестностях вулкана.

Второй собеседник Захара работал на вулканологической станции Академии наук СССР в поселке Ключи на Камчатке.

Станция находится возле Ключевской сопки — крупнейшего вулкана Камчатки.

На двести километров в стороны от Ключей раскинулся горный массив с двенадцатью сопками-вулканами. У самой Ключевской, помимо главного кратера, есть около шестидесяти боковых отверстий, время от времени из них изливается лава. Работники станции изучили в своем районе многие потухшие и все действующие вулканы, особенности их строения и извержений. Благодаря этому наблюдатели-ученые нередко заранее знают, где и когда начнется извержение, куда и на какое расстояние потекут потоки лавы.

Можно ли кататься на лаве? В 1938 году во время извержения сотрудники станции в Ключах В. Ф. Попков и И. З. Иванов, надев асбестовые сапоги, вскочили на поверхность текущей лавы и, рискуя жизнью, «проехали» на ней около километра. Закончив исследования, смельчаки сошли на твердую землю.

Гудок над бухтой

Гудок над бухтой оповещал жителей портового города о приближении цунами — внезапных и очень высоких волн, порождаемых землетрясениями на дне океанов или, реже, взрывами подводных и островных вулканов. Накатываясь на низменный Серег, такие волны могут причинить очень серьезные разрушения. Особенно часты цунами в Тихом океане, у берегов Японских и Гавайских островов.

В 1946 году цунами повредило на Гавайских островах сотни зданий, унесло сто пятьдесят человеческих жизней. Полустолетием ранее цунами у берегов Японии уничтожило десять тысяч домов; при катастрофе погибло двадцать семь тысяч людей.

Подводные землетрясения нередко происходят за тысячи километров от побережья, на которое обрушивается вызванное ими цунами. Волны пробегают это расстояние со скоростью до восьмисот километров в час!

Как удается заблаговременно оповестить население прибрежных городов и посёлков о грозящей ему опасности? Обычно перед набегом сокрушительных волн бывает неурочный сильный и быстрый отлив; дно океана обнажается иногда на сотни метров. Чем дальше отступит вода, тем мощнее будет цунами. Длится внеочередной отлив от нескольких минут до получаса. Если его замечают, люди успевают подняться на ближайшие возвышенности.

Предвидеть землетрясения наука ещё не умеет. Но в ее силах за несколько часов предсказать приближение гигантских водяных валов. По записям приборов-автоматов, отмечающих колебания земной коры, определяют очаг подводного землетрясения —

место, где оно случилось. Затем вычисляют время появления цунами у побережий, которым оно может угрожать. Имеется и «расписание» движения гигантских волн — карта, на которой показано, сколько часов и минут нужно цунами, чтобы домчаться из возможных очагов землетрясений к различным побережьям Тихого океана.

Мореплавателям, находящимся вдали от берегов, цунами не опасно: в открытом океане эти волны очень пологи. Узнав об их приближении, капитан корабля, на котором работает Загадкин, поспешил вывести свое судно из бухты. Все же оно встретило цунами вблизи побережья. Успей корабль отойти дальше, в открытый океан, юнга не оказался бы на положении футбольного мяча, перекидываемого в кубрике от перегородки к перегородке. Не заметил бы Захар и самих валов, вызвавших в портовом городке такие большие разрушения.

Я решаю судьбу моря

Захара Загадкина озаботила судьба Каспия — величайшего на земле озера, называемого морем за его размеры, солёную воду и свирепые штормовые ветры.

У юнги были основания для беспокойства. За последние девяносто лет поверхность этого моря-озера сократилась на одну седьмую часть — на 70 тысяч квадратных километров! Ещё недавно оно было больше Черного или Балтийского морей, теперь стало меньше их. Уровень воды в море-озере упал, и местами оно отступило от прежних берегов на 30— 60 километров.

Интересно сравнить две карты Каспия: современную и изданную в 1929 году, когда уровень моря был на 2,4 метра выше. На старой карте показаны заливы Кайдак, Комсомолец, Гасан-Кули. На современной карте их нет. Заливы или полностью высохли, или превратились в вязкие солончаки с редкими лужами. На старой карте были острова Челекен, Долгий, Орлов. Уровень Каспия упал, и обнажившееся дно, словно мостом соединив эти острова с материком, сделало их полуостровами.

Произошли и другие перемены. Сузилась, заметно обсохла дельта Волги, от дельты Урала уцелел лишь один рукав. Возникли новые мели, новые острова. Тридцать лет назад над мелью Чистая Банка стоял полуметровый слой воды; бывшая мель — ныне остров, на нем поселились люди, возведены постройки.

Почему мелеет огромное озеро-море? Оно не сообщается с мировым океаном, и его уровень зависит от того, сколько воды ежегодно приносят Волга, Урал, Кура, Терек, Сулак и другие реки. А за последние десятилетия эти реки, особенно Волга — главная поительница Каспия, оскудели водой, потому что потеплел климат в его бассейне — на землях, откуда они собирают атмосферные осадки. Повысившаяся температура воздуха увеличила и испарение с поверхности моря.

Хозяйственная работа советских людей тоже снижает уровень Каспия. Пахотные угодья расширились, пашут теперь глубже, чем в старину, а снег задерживают на полях, чтобы сохранить влагу в почве. Много речной воды уходит на орошение посевов в засушливых районах, на нужды заводов и фабрик, для питья.

Можно ли приостановить обмеление Каспия, говоря словами юнги — «спасти море»?

Можно. Люди научились менять течение рек, создавать искусственные реки и озера. В силах человека и «долить» море. Над тем, как лучше это сделать, давно думают наши ученые и

инженеры.

Было предложение прорыть канал от Чёрного моря — вода пошла бы самотеком, потому что уровень Черного моря более высок. Были предложения по длинным каналам перебросить Каспию воды различных рек. Южные реки, о которых упоминает юнга, — Днепр и Дон, северные — Онега, Северная Двина, Печора, северо-восточные — Обь и Енисей, восточная — Аму-Дарья. Есть предложение перегородить Каспий дамбой — плотиной; дамба поднимет уровень северной части моря, особенно важной для рыболовства.

Юнга высказался за предложение пополнить Каспий водами двух северных рек — Печоры и Вычегды. По этому проекту в верховьях обеих рек, а также соседней с ними Камы предполагается поставить плотины. Большие водохранилища, которые разольются перед плотинами будут соединены каналами. Печора и Вычегда текут к Северному Ледовитому океану, часть их вод по новым каналам намечено передавать в Каму, а оттуда — в Волгу и Каспий. Тогда море-озеро будет ежегодно получать 40 кубических километров печорской и вычегодской воды — вдвое больше, чем несет ему такая река, как Кура. Окончательного решения о судьбе Каспия ещё нет.

Море, в котором нельзя утонуть

Море, в котором нельзя утонуть, — большое бессточное озеро в Западной Азии. Длина его — 76 километров, ширина — от 4,5 до 16 километров, глубина местами превышает 350 метров. В воде этого озера много солей, примерно в 7,5 раза больше, чем в обычной морской воде. Называется озеро Мёртвым морем. Вода его убивает всё живое: и рыб, и растительные организмы. Безжизненно и побережье моря.

Захар Загадкин пытался смыть с себя налёт соли в реке Иордан, впадающей с севера в Мёртвое море.

Пресная или солёная?

Земляки жили на берегах озера Балхаш в Казахстане. Озеро примечательно тем, что в его узкой и длинной восточной половине вода солоноватая, а в широкой западной — пресная. Эта особенность Балхаша показана и на географических картах: на западе оно закрашено в один цвет, на востоке — в другой.

Чем объясняется такая особенность? Большая река Или, впадающая в Балхаш, опресняет его западную часть. В восточной части озера реки-опреснительницы нет. Обе части соединены проливом, но пролив узок, и это затрудняет взаимный обмен озерной воды.

Река Или несет в своих струях много ила, поэтому на западе озёрная вода имеет желтовато-бурый оттенок. В восточной части Балхаша цвет воды зеленовато-бирюзовый.

Странное плавание

Морские порты далеко не всегда находятся у берега моря. Многие реки в нижнем течении настолько глубоки, что морские порты можно встретить в десятках километров от морского побережья. Так, Лондонский порт отстоит на 80 километров, а Гамбургский даже на 110 километров от Северного моря.

Есть такие глубокие и полноводные реки, что океанские корабли поднимаются по ним на сотни километров в глубь материка. По трём таким рекам и шёл корабль Захара в то плавание, которое юнга назвал странным.

Корабль Захара выгрузил токарные станки и взял пиленый лес в порту Игарка. Этот порт на Енисее построен советскими людьми в 673 километрах выше устья великой сибирской реки.

Вторым портом, где в трюмы корабля погрузили каучук, был Манаус, расположенный на Амазонке, в 1600 километрах от ее устья. Манаус могут посещать крупные океанские суда; морские корабли поменьше, поднимаясь по Амазонке ещё выше, пересекают с востока на запад почти всю Южную Америку! Ширина Амазонки у Манауса — 5 километров; глубина этой самой полноводной реки нашей планеты местами достигает 135 метров! Не всякое море имеет такую глубину.

Третьим портом, где корабль Захара погрузил хлопок и рис, был Ухань, расположенный на реке Янцзы без малого за тысячу километров от её впадения в море.

Путешествующая деревня

Учитель-афганец живёт в нижнем течении реки Гильменд, которое с середины прошлого века является границей между двумя государствами — Ираном и Афганистаном.

Гильменд — беспокойная река; в нижнем течении она часто покидает свое русло и прокладывает новое, восточнее или западнее прежнего. Блуждающая река отходит в сторону, а вместе с нею передвигается и граница между государствами. Не раз бывало, что десятки квадратных километров земли, на которой жило много иранцев, попадали в пределы Афганистана. Случалось и наоборот: при очередном изменении русла Гильменда афганские поселки и поля оказывались на территории Ирана. Блуждающая река, отклоняясь то в одну, то в другую сторону, причиняла немало хлопот правительствам обоих государств.

Есть другие, большие и малые реки, в низовьях часто меняющие свое русло. Одна из них — великая китайская река Хуанхэ. Ученые установили, что за последние четыре тысячелетия Хуанхэ свыше двадцати раз избирала себе новый путь к морю, порой на сотни километров удаляясь от прежнего русла.

Дон Иванович

Адрес, который Захар Загадкин дал корабельным знатокам географии, — «Указатель географических названий» к Атласу мира. Загляните в этот указатель, и вы тоже убедитесь, что существует немало одинаковых географических названий.

Встречаются города-тезки, острова-тезки, реки-тезки. Особенно «повезло» нашему Дону. Такое же имя носят ещё пять рек — во Франции, в Индии, в Канаде, в Шотландии и в Англии.

Французский Дон — приток реки, несущей свои воды в Бискайский залив, индийский Дон — приток реки, впадающей в Бенгальский залив. Канадский Дон впадает в озеро Онтарио, шотландский Дон — в Северное море, вблизи города Абердина. Английский Дон, на берегу которого стоит город Донкастер, — приток реки Уз, тоже текущей в Северное море.

Есть ещё два Дона, но уже не реки, а небольшие города: один в Мексике, второй во Вьетнаме. У нас, в Азовском море, имеется полуостров Дон.

А почему наш Дон величают Ивановичем? До конца XVII века истоком реки было Иван-озеро, лежавшее километрах в пятидесяти северо-западнее города Епифани. При Петре I после сооружения обводнительного канала уровень Иван-озера понизился, и оно перестало питать Дон. В наши дни исчезло с географической карты и само озеро — на его месте разлилось большое Шатское водохранилище. От нынешних верховьев Дона водохранилище отделено железнодорожной насыпью. Сохранившееся в народных песнях и сказках «отчество» Дона напоминает о прошлом реки.

Медная пластинка

Учеными давно подмечено, что растения собирают и накапливают в корнях, стеблях, листьях и цветах химические

элементы, извлеченные ими из почвы. Большое содержание какого-либо элемента иногда сказывается и на окраске растений. К примеру, если под почвой залегает марганец, многие растения краснеют, если там скрыта медная руда — синеют. Некоторые растения изменяют обычный цвет, а порой и рост от соседства с железом, никелем, кобальтом и другими металлами.

Новые друзья Захара знали об этом и отправились к балке, где он собрал букет полевых цветов странного густо-синего оттенка и видел маки с сизоватым отливом. Геологи предположили, что близ протекавшего там родничка залегает медная руда. Их догадка оправдалась, — в балке удалось открыть ценное месторождение.

Как попадают в растение химические элементы? Их приносят к корням подземные воды, омывающие рудные месторождения.

Растения, которые выдают геологам тайны недр, подсказывают, где искать полезные ископаемые, называются индикаторами (от латинского слова «индико», что значит «указываю»).

О моей тётке и её карасях

Тётка Захара жила на дне будущего моря, одного из больших водохранилищ, которые построены в нашей стране. Теперь она живет на берегу этого водохранилища.

Река, текущая туда и сюда

Речка, у берега которой живет двоюродный брат Захара, впадает в водохранилище на судоходном канале. Для пропуска судов по каналу устроены шлюзы выше и ниже водохранилища. Когда открывают нижние шлюзы, уровень воды в хранилище понижается, и речка течет как обычно: от верховий к устью. Когда открывают верхние шлюзы, уровень водохранилища повышается, вода заходит в устье реки и устремляется к её истокам.

Остров Захара Загадкина

Поднялся ветер, и скалистый остров, «открытый» Захаром Загадкиным, бесследно исчез, как бы растворившись в воздухе. Неведомый остров был миражем — отражением над морем другого острова, находившегося за горизонтом. Воздух не однороден. На различной высоте его слои имеют различную плотность. Чем сильнее они охлаждены, тем больше их плотность, чем сильнее нагреты, тем плотность меньше. Разницей в плотности и объясняется возникновение миража — особого случая преломления и отражения в воздухе световых лучей.

Если по пути к нашему глазу световой луч, идущий от какого-либо предмета, пересекает воздушные слои неодинаковой плотности, он отклоняется от обычного прямого направления, искривляется, а когда отклонение станет достаточно большим, то даже отражается в воздухе.

Скалистый берег открылся Захару Загадкину вскоре после рассвета. За ночь нижние слои воздуха над морем охладились, их плотность увеличилась. Верхние слои воздуха оказались более нагретыми и потому менее плотными. Проходя через слои различной плотности, световой луч искривился и отразился в воздухе. Возник мираж — юнга увидел остров, лежавший за горизонтом.

Наблюдаются миражи только в безветренную погоду; ветер перемешивает воздушные слои, и световые лучи идут по прямому направлению.

Миражи бывают верхние, нижние и боковые. Если вас заинтересовало это явление природы, прочтите книгу Ю. Н. Андреева «Необыкновенные явления на небе».

Салют в Баренцевом море

Конечно, корабельный кок не имел никакого отношения к «салюту», увиденному Захаром в небе над Баренцевым морем. Свет на горизонте излучали не прожекторы, управляемые рукой человека, а огни полярного сияния, одного из самых красивых и величественных явлений природы. В Баренцевом море, у северных берегов Норвегии, где находился корабль Загадкина, полярные сияния наблюдаются чуть ли не каждую ночь. Кок знал об этом и, по своему обыкновению, подшутил над Захаром.

Почему происходят полярные сияния?

Первым исследовал и научно объяснил это явление М. В. Ломоносов еще двести лет назад. В наше время большинство ученых полагает, что полярные сияния вызываются потоками быстрых электрических частичек, вместе со светом идущих к нам от Солнца. Попадая в магнитное поле Земли, этот поток отклоняется в полярные области. В верхних слоях атмосферы электрические частицы сталкиваются с газами, входящими в состав воздуха. Газы начинают испускать свет, образуя полярное сияние. Наблюдаются сияния на высоте примерно от 100 до 1000 километров.

Полярное сияние часто называют северным сиянием. Это неправильно: такие сияния обычны не только для северных, но и для южных полярных стран. Чем далее от магнитных полюсов Земли, тем реже наблюдаются сияния, хотя иногда они бывают видны и далеко от полярных областей. Так, в ночь на 22 января 1957 года полярное сияние видели в Пензе, Кишиневе, в Тамбовской, Липецкой и других областях нашей страны. В 1958 году, в ночь на 9 июля, ярким полярным сиянием любовались тысячи москвичей. Оно походило на спираль, по обе стороны которой спускались до горизонта два расширявшихся шлейфа.

Репродуктор на судне Захара Загадкина замолчал потому, что

во время полярного сияния радиосвязь заметно ухудшается, а то и вовсе прерывается.

Подслушанный разговор

Захар Загадкин нечаянно подслушал разговор об интереснейших явлениях природы. Моряки толковали о странных дождях, при которых из облаков падают рыбы, лягушки, морские раки или медузы, о необыкновенном граде из апельсинов, о «крови», по каплям льющейся с неба, о красном снеге в северных местностях.

За последние полтора столетия подобные случаи наблюдались десятки раз. Известны они и в более давние времена. В старину такие явления природы принимали за небесное знамение, думали, что оно предвещает войну, голод, повальные болезни или даже светопреставление — гибель мира. Причина удивительных явлений давно раскрыта. Их виновники — ураганные ветры и мощные воздушные вихри, называемые смерчами.

Смерч — облачный столб, спустившийся на море или на сушу из темных грозовых туч и движущийся вместе с грозой. В высоту он достигает сотен метров, а за секунду перемещается на 10—20 метров. Внутри вихревого столба скорость ветра больше: измерить ее не удается, однако полагают, что она может превышать и 100 метров в секунду!

Как рождается смерч? Нижняя выступающая часть особенно темного грозового облака внезапно начинает опускаться, становясь похожей на воронку. От воронки вытягивается вниз темная трубка, напоминающая хобот. Трубка быстро вращается, то укорачиваясь, то опять удлиняясь, и навстречу ей с поверхности моря или суши поднимаются увлекаемые вихревым движением воздуха брызги воды или пыль. Вскоре конец трубки соединяется с ними, возникает смерчевый столб, который стремительно крутится и движется вперед. В поперечнике столб имеет десятки, иногда сотни метров, в редких случаях более

километра.

На море смерч ломает надпалубное оборудование кораблей, на суше сносит крыши с домов, с корнем вырывает деревья. В конце 1904 года мощный смерч прошел в районе Москвы. Он уничтожил три подмосковные деревни, разрушил еще три и, ворвавшись в город, повредил немало зданий, повалил вековой лес в Сокольниках. Проходя через Москву-реку, воздушный вихрь высосал ее так, что обнажил дно!

В августе 1956 года смерч пронесся над подмосковной станцией Голицыно. Он повалил сотни деревьев, проложив в лесу просеку длиной около 3 километров.

Смерч движется неширокой полосой, по сторонам которой часто стоит почти полное затишье. Однажды с железнодорожного полотна воздушным вихрем был подхвачен товарный вагон; более легкие предметы смерч поднимает высоко вверх и может унести на значительное расстояние. Иногда он вбирает в себя воду из морского залива, озера или пруда вместе с находящимися в ней рыбами, медузами, раками, лягушками. Когда вихрь распадается, захваченное им падает на землю порой в десятках километров от места, где было поднято в воздух.

Именно такое путешествие проделали прудовые рыбы, упавшие в поселке при станции Целина в Ростовской области. Примерно то же произошло с апельсинами, но в воздухе они пробыли недолго: вихрь подхватил их на рынке одного испанского города, а сбросил в предместье того же города. На побережьях Северного и Карибского морей вместе с дождём неоднократно падали тысячи сельдей и других рыб, унесенных смерчем из моря. Летом 1956 года над небольшим таежным озером в Бурятии пронесся воздушный вихрь. Он поднял из озера высокий столб воды. Полукилометром дальше одновременно с каплями дождя на землю упали мелкие рыбешки, засосанные вместе с озерной водой.

Виноват ветер и в «кровавых» дождях. Конечно, из облаков льется не кровь, а дождевая вода красного цвета. Откуда у нее такой необычный цвет? В пустынях Северной Африки много красноватой пыли. Ураганы поднимают её в воздух, уносят за сотни километров. Смешавшись с атмосферной влагой, она окрашивает дождевые капли, делая их похожими на кровь. Если с атмосферной влагой смешиваются поднятые ветром мельчайшие частицы белой глины или мела, то выпадает «молочный» дождь.

Не обходится без участия ветра и появление красного снега. Есть мельчайшая водоросль красного цвета, которая быстро размножается даже на снегу. Если ветер занесет на снег несколько зародышей этой водоросли, за немного часов она

успеет «окрасить» довольно большое снежное поле. Иногда цветной снег падает и с неба. Снег становится красным, зеленоватым или даже черным, если ветры смешивают с ним принесенную издалека цветную пыль.

А рассказанная корабельным радистом история о серебряных монетах?

Такой случай действительно произошел в Горьковской области. Вместе с дождем там выпали мелкие серебряные монеты, поднятые смерчем из размытого старинного клада. Корабельный радист взял в основу своего рассказа истинное происшествие, но ради занимательности приукрасил его: перенёс время и место этого происшествия, сочинил историю о бабке-пьянице.

Захар Загадкин, знавший радиста как выдумщика, был прав, усомнившись в точности рассказа. Тем не менее сам факт находки денег, упавших с неба, хотя и кажется малоправдоподобным, но верен.

Коварный кок

Юнга проиграл спор и лишился пирожных потому, что бухта, на берегу которой стоит Владивосток, как и Стамбульская, тоже называется Золотым Рогом. Путь к дальневосточному Золотому Рогу лежит через «тезку» турецкого Босфора — пролив Босфор Восточный, отделяющий остров Русский от побережья Приморья.

Владивостокская бухта сходна со Стамбульской по красоте и но характерным очертаниям, напоминающим изогнутый рог.

Китайцы называли бухту Золотой Рог «бухтой голубых трепангов». Трепанг — морское съедобное животное, употребляемое в пищу преимущественно в Китае. В былое время в районе Золотого Рога было много этих животных. Теперь их добывают но соседству с бухтой — вблизи островов Русский и Путятин. Трепангами кок и угостил Захара.

Необыкновенная Европа

Европа в Индийском океане не выдумана Захаром Загадкиным, как это показалось его брату. Вы легко убедитесь в правоте юнги, если раскроете географическую карту. В Мозамбикском проливе, который отделяет Мадагаскар от Африки, есть островок Европа. Островок этот невелик, и неудивительно, что юнга смог обойти его за несколько часов.

Необыкновенная Азия

Захар Загадкин встретил среди экваториальных вод Тихого океана «тезку» великого материка — небольшие, окаймленные коралловыми рифами острова Азия; они расположены к северу от западной оконечности Новой Гвинеи.

Холодная Африка

«Разные есть Африки», — сказал кок. И был прав. Та Африка, которую он показал Захару в водах студеного северо-восточного моря, — гористый мыс на восточном берегу Камчатки. Что общего между ним и знойным континентом? Ничего. Да и назван он не в честь материка Африки. Камчатский мыс был впервые исследован в 1882 году офицерами русского крейсера «Африка», которые дали ему имя своего корабля.

Америка в... Азии

Юнга Загадкин увидел в Азии «тезку» материков Западного полушария — залив Америка в северной части Японского моря, у берегов Приморья. Залив получил это имя в 60-х годах прошлого века в честь русского военного парохода «Америка». Слово «находка» в последних фразах загадки надо писать с заглавной буквы: на западном берегу залива, у превосходной естественной бухты, расположен советский порт Находка, один из крупнейших на Тихом океане.

Беседа морских волков

Первый морской волк ел глазунью из страусовых яиц, продаваемых на базарах Кейптауна и некоторых других портовых городов Африки. Яйца страуса очень крупные: в длину они достигают 15 сантиметров, в поперечнике — 11-12 сантиметров, а весят около полутора килограммов каждое. Одно страусовое яйцо вполне заменяет два с половиной десятка куриных. Яйца страуса приятны на вкус, а их скорлупа так тверда и толста, что из неё изготовляют сосуды для хранения воды.

Второй морской волк ехал по индонезийскому острову Ява. На этом острове, лежащем в тропиках, можно выращивать рис и другие культуры в течение круглого года. Однако посевы риса требуют большого количества влаги, а воды, отводимой на Яве со склонов тамошних гор, не хватает для одновременного затопления всех рисовых полей — на острове их очень много. Земледельцы получают воду по очереди. Поэтому, когда в одном районе только готовятся к посеву или высаживают рассаду, по соседству рис уже созрел и крестьяне заняты его уборкой.

Третий морской волк плыл на катере вдоль Адамова моста — цепочки мелких островов и песчаных отмелей, протянувшейся между Индостаном и Цейлоном. Почему острова и отмели носят столь странное название? По мусульманскому преданию, на одной из цейлонских гор якобы нашел убежище изгнанный из рая Адам, причем перебрался он на Цейлон по природному «мосту» — островам и отмелям. Современное название островов напоминает об этой легенде. Ныне по островной цепочке проложена железная дорога, связывающая Индию с Цейлоном (частично на паромах).

В районе Адамова моста море мелководно и недоступно для океанских судов. Корабли, идущие от западного побережья Индии к ее восточному побережью, вынуждены поэтому делать большой крюк — огибать Цейлон. Индийские инженеры работают над

проектом судоходного канала через один из островов Адамова моста. Если канал проложат, «мост» станет еще большей географической достопримечательностью.

Четвертый морской волк рассказал анекдотическую, однако возможную историю. Китобойное судно, на котором он работал, охотилось в тех местах Тихого океана, где проходит линия смены дат (см. «Завтра снова будет сегодня» на стр. 117). Кит тащил судно, отклоняясь то в одну, то в другую сторону от этой линии. Поэтому китобои и «попадали» то в пятницу, то в субботу. Конечно, срывать листок с календаря им было незачем.

Вторая беседа морских волков

Попутчиками первого морского волка были не безбилетные пассажиры, а самые настоящие зайцы. Сотни зайцев, отловленных в Польше, привезли зимой 1957 года в клетках на Украину, автомашинами доставили в леса Киевской области и там выпустили на свободу. Сделали это, чтобы пополнить четвероногое население украинских лесов.

В нашей стране тысячи диких животных ежегодно совершают дальние путешествия, причем не только в поездах, но часто и в самолетах. Несколько лет назад сотни зайцев-русаков были переброшены по воздуху через Уральский хребет; зайцев поселили в лесах за Иртышом и Обью. Сотни сибирских белок отправили на самолетах в буковые и дубовые леса Кавказа и Крыма. В железнодорожных вагонах можно увидеть переезжающих к новому месту жительства бобров, лисиц, соболей, енотов, выхухолей, диких кабанов, косуль, оленей, лосей. Зверей-переселенцев отпускают на волю в государственных заказниках и заповедниках — лесных угодьях, где охота на животных запрещена.

Впечатлениями о прогулке по одному из таких лесных хозяйств поделился второй морской волк. Хозяйство находится в нескольких километрах от Москвы, и к нему можно проехать в городском троллейбусе или в пригородном поезде. По соседству с миллионами москвичей в лесу живут зайцы, еноты, белки, лисицы, косули, олени, лоси. Рассказ о «наглом» лосе не выдуман. Такой случай произошел зимой 1957 года, о нем сообщала газета «Комсомольская правда». Жертвой большого лося, прозванного местными жителями «Разбойником», едва не стал один из служащих в лесном хозяйстве.

Дядя третьего морского волка работал в Средней Азии на строительстве Каракумского канала. Этот канал идет от реки

Аму-Дарьи в глубь огромной пустыни — «океана песков», как писал о ней один путешественник XIX века. Вода Аму-Дарьи уже заполнила канал, а по воде заплывают в Каракумы аму-дарьинские сомы.

Четвертый морской волк говорил о больших сухопутных крабах, обитающих на некоторых островах в Индийском и Тихом океанах.

Рассказчик прилёг отдохнуть у подножия кокосовой пальмы. Орехи этой пальмы — обычная пища сухопутного краба, лазающего за ними по стволам высотой в пятнадцать и более метров. Сильными, порой полуметровыми клешнями краб-древолаз отрезает орех, спускается за упавшей добычей на землю и, пробив в скорлупе отверстие, достает мякоть. Проникают сухопутные крабы и в дома островитян, где в поисках съестного разламывают клешнями ящики, рвут мешки.

Сухопутные крабы хорошо приспособились к наземному существованию и лишь раз в году направляются в море для размножения. Живут они в норах, вырытых у подножия пальм. «В свои норы крабы натаскивают множество волокон с шелухи кокосовых орехов и на такой подстилке спят», — рассказывает Чарлз Дарвин в «Путешествии вокруг света на корабле «Бигль».

Сухопутных крабов очень часто называют «пальмовыми ворами», Нелестное прозвище дано им по заслугам.

Переполох на экзамене

В конце 30-х и в начале 40-х годов прошлого века на Южном Урале была построена линия военных укреплений. Вблизи укреплений возникли поселки, в которых жили оренбургские казаки, охранявшие линию. Названия поселкам дали в честь славных событий из истории русской армии.

Так появились на Южном Урале поселки Лейпциг, Берлинский, Парижский, Варшавский и другие, чьи названия напоминают о победах русской армии в сражениях под этими городами.

Позднее оренбургские казаки участвовали в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Память об этом походе хранят названия поселков Балканы, Варна и Шипка.

Есть в Челябинской области и посёлки Остроленский, Тарутино, Бородиновский, Рымникский, Чесма, Наваринка. Все они также названы в честь побед, одержанных русской армией и флотом.

Острова Дунай — тёзка реки Дунай; они находятся в море Лаптевых, неподалеку от дельты Лены.